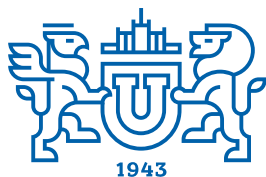

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2026
Т. 26, № 4**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

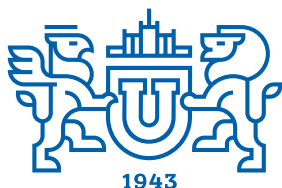
Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор)
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора)
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь)
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. полит. н., доц. **Балынская Н. Р.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
к. культурологии **Ворошин С. Д.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
к. филол. н. **Федорова Е. В.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

SERIES

2026

Vol. 26, no. 4

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiryakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Balynskaya Natalia Rinatovna, D. Sc. (Politics), associate professor
Fyodorova Ekaterina Viktorovna, Cand. Sc. (Philology)
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Voroshin Semyon Dmitrievich, Cand. Sc. (Culturology)
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
-------------------------------	---

Исторические науки

АВДЕЕНКО А. Л. Деятельность Курганского областного отделения ВООПИК по выявлению и учету памятников как основа сохранения исторической памяти (1965–1981 гг.).....	6
ВАСИЛЬЕВ Д. Е. Мировые судьи Челябинского округа в 1880 году: опыт создания коллективного портрета.....	15
КОЛЕСНИКОВ М. А. Ответный дар в провинциальном октябре: экономика праздничного обмена на Южном Урале, 1924–1987 гг.....	25
МАТВЕЕВ Е. В. От «поступления по призванию» к «привлечению абитуриента»: эволюция аргументации для будущих историков в многотиражках двух вузов Перми в эпоху перемен (1986–1994 гг.).....	31
СИБИРЯКОВ И. В. История города Челябинска как элемент его современного виртуального медиаобраза (на примере социальной сети «ВКонтакте»).....	41
ЧЖАН С. Исламская архитектура средневекового Китая.....	49

Искусствоведение

ЕПАРИНОВА Е. С. Архитектурный образ большого Царскосельского дворца XVIII столетия.....	59
МАЛЬЦЕВА Е. А. Монументально-декоративное оформление Новосибирского метрополитена как репрезентация территориальной идентичности.....	67

Литературоведение. Журналистика

АБРАМОВСКИХ Е. В. Сценарии Ю. Левитанского: между нарративом и перформативом.....	76
КАЧКО С. С. Визуальная составляющая текстов интернет-СМИ как основа формирования медиаобраза региона.....	82
МОРОЗОВ Д. Д., СЕЙБЕЛЬ Н. Э., ШЕБЕЛЬБАЙН Я. О. Вопросы авторской инсценировки малой прозы в литературе XX века: сравнительный подход.....	91
СПЕШИЛОВА В. П. Формирование психологизма в изображении подростка в прозе А. Алексина 1950-х годов (на примере повести «Отряд шагает в ногу»).....	98
ЧУМИКОВ А. Н. Военная художественная проза во время войны (1941–1945 и 2022–2026 гг.): авторы, образы, смыслы. Статья первая. 1941–1945 гг.....	107

CONTENTS

From the Editorial Board	5
---------------------------------------	---

Historical studies

AVDEENKO A. L. Activities of the Kurgan regional branch of VOPIK in identifying and recording monuments as a basis for preserving historical memory (1965–1981).....	6
VASILEV D. E. Justices of the peace of the Chelyabinsk district in 1880: an experience in creating a collective portrait.....	15
KOLESNIKOV M. A. Counter-gift in the provincial October: the economy of festive exchange in the Southern Urals, 1924–1987.....	25
MATVEEV E. V. From “admission by calling” to “attracting an applicant”: the evolution of argumentation for future historians in the corporate newspapers of two perm universities during the era of change (1986–1994).....	31
SIBIRYAKOV I. V. The history of Chelyabinsk as an element of its contemporary virtual media image (using the example of the VKontakte social network).....	41
ZHANG S. Islamic architecture of medieval China.....	49

Art criticism

EPARINOVA E. S. Architectural image of the Great Tsarskoye Selo Palace of the XVIII century.....	59
MALTSEVA E. A. Monumental and decorative design of the Novosibirsk metro as a representation of territorial identity.....	67

Literary criticism. Journalism

ABRAMOVSKIKH E. V. Yuri Levitansky’s screenplays: between the narrative and the performative.....	76
KACHKO S. S. The visual component of online media texts as a basis for the formation of a region’s media image.....	82
MOROZOV D. D., SEIBEL N. E., SHEBELBAYN Y. O. Issues of authorial dramatization of short prose in 20th-century literature: a comparative approach.....	91
SPESHILOVA V. P. Formation of psychologism in the portrait of a teenager in A. Aleksin’s prose of the 1950s (based on the novel “The squad is moving in unison”).....	98
CHUMIKOV A. N. Military fiction during the war (1941–1945 & 2022–2026): authors, images, meanings. Article I. 1941–1945.....	107

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» открывает статья А. Л. Авдеев «Деятельность Курганского областного отделения ВООПИК по выявлению и учету памятников как основа сохранения исторической памяти (1965–1981 гг.)», в которой исследуются процессы выявления, документирования и учета объектов историко-культурного наследия как формы реализации советской политики памяти на региональном уровне. Д. Е. Васильев в статье «Мировые судьи Челябинского округа в 1880 году: опыт создания коллективного портрета», опираясь на историко-биографический и просопографический методы и формулярные списки 1880 года, исследует коллективный социальный портрет мировых судей Челябинского округа. М. А. Колесников в статье «Ответный дар в провинциальном октябре: экономика праздничного обмена на Южном Урале, 1924–1987 гг.» верифицирует модель советского праздника как системы обмена дарами на уровне региональной практики. Е. В. Матвеев в исследовании «От “поступления по призванию” к “привлечению абитуриента”: эволюция аргументации для будущих историков в много-тиражных двух вузов Перми в эпоху перемен (1986–1994 гг.)» выявляет дискурсивные пути адаптации исторических факультетов ПГУ и ПГПИ в период трансформации: социально ангажированную модель пединститута (от «учителя-правоведа» в 1986 г. к «институту национальной памяти» в 1993–1995 гг.). И. В. Сибиряков в статье «История города Челябинска как элемент его современного виртуального медиаобраза (на примере социальной сети “ВКонтакте”» анализирует основные сюжеты, связанные с историей города Челябинска, из социальной сети «ВКонтакте», которые формируют современный виртуальный медиаобраз города.

В разделе «Искусствоведение» представлены исследования, освещающие актуальные аспекты изучения различных видов искусства. В статье Е. С. Епаринской «Архитектурный образ большого Царскосельского дворца XVIII столетия» рассматривается формирование архитектурного облика Большого Царскосельского (Екатерининского) дворца на протяжении XVIII в. Е. А. Мальцева в статье «Монументально-декоративное оформление новосибирского метрополитена как репрезентация территориальной идентичности» исследует, как художественное оформление станций транслирует образы сибирской природы и городов, ключевые этапы истории Сибири, достижения, а также представление о Новосибирске как о столичном и героическом пространстве. С. Чжан в статье «Исламская архитектура средневекового Китая» исследует историю китайских мечетей как материального выражения китаизации ислама на основе их географического распространения, стилистического типа и декоративного искусства.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи, освещающие различные аспекты филологической отрасли. Е. В. Абрамовских в статье «Сценарии Ю. Левитанского: между нарративом и перформативом» показывает, как в металирике Левитанского перформативное высказывание превращается в квазинарратив. С. С. Качко в статье «Визуальная составляющая текстов интернет-СМИ как основа формирования медиаобраза региона» исследует, как визуальная структура публикаций конструирует медиаобраз индустриального региона. Д. Д. Морозов, Н. Э. Сейбель и Я. О. Шебельбайн в статье «Вопросы авторской инсценировки малой прозы в литературе XX века: сравнительный подход» на материале рассказов А. П. Чехова, С. Д. Довлатова, Л. Франка и Х. Мюллера выявляют общие стратегии перевода собственного эпического текста в драматургический вариант. В. П. Спешилова в статье «Формирование психологизма в изображении подростка в прозе А. Алексина 1950-х годов (на примере повести “Отряд шагает в ногу”» на материале малоизвестного ученического текста А. Алексина анализирует становление психологизма в изображении подростка. А. Н. Чумиков в исследовании «Военная художественная проза во время войны (1941–1945 и 2022–2026 гг.): авторы, образы, смыслы. Статья первая. 1941–1945 гг.» выделяет ключевые произведения советских писателей, написанные в годы войны, и рассматривает их изнутри эпохи и с позиции сегодняшнего дня, выявляя преемственность и отличия современной военной прозы.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРГАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И УЧЕТУ ПАМЯТНИКОВ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (1965–1981 гг.)

А. Л. Авдеенко

Курганский государственный университет, г. Курган, Российская Федерация

Статья посвящена анализу деятельности Курганского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в период 1965–1981 годов. На основе архивных материалов Государственного архива Курганской области исследуются процессы выявления, документирования и учета объектов историко-культурного наследия как формы реализации советской политики памяти на региональном уровне. Показано, что ВООПИК сформировало многоуровневую систему, объединившую административные механизмы, общественную инициативу и школьное краеведческое движение. К 1981 году в области было учтено 1192 памятника различных типов – от братских могил и обелисков до домов декабристов и памятников трудовой славы. Особое внимание уделяется роли массового участия населения – школьников, учителей, ветеранов – в процессе «производства памяти». Выявлены внутренние противоречия системы: зависимость от партийных структур, неравномерность развития районных отделений, идеологическая регламентация содержания памяти. Раскрыта специфика Курганской области как региона, где историческая память конструировалась преимущественно через создание нового мемориального ландшафта, а не через реставрацию древних памятников. Исследование вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные документы, позволяющие детально реконструировать механизмы функционирования регионального отделения ВООПИК. Делается вывод о значимости опыта ВООПИК для современной политики сохранения культурного наследия и перспективности его адаптации к условиям гражданского общества.

Ключевые слова: ВООПИК, историческая память, культурное наследие, Курганская область, советская политика памяти, краеведение, мемориализация.

Введение

В честь двадцатилетия Победы в Великой Отечественной войне в СССР разворачивается масштабная мемориальная кампания. По всей стране устанавливаются обелиски, скульптуры, мемориальные комплексы, открываются музеи и комнаты боевой славы, переименовываются улицы, что становится частью государственной стратегии. Однако для реализации этой стратегии требовался не только административный ресурс, но и институт, способный обеспечить дальнейший системный учет, сохранение, интерпретацию и популяризацию объектов историко-культурного наследия на местах. Таким институтом стало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), учрежденное постановлением Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 года № 882 [1].

Сохранение исторической памяти в советский период всегда было частью идеологической работы, направленной на формирование у граждан чувства преемственности поколений, советской идентичности, патриотизма и верности социалистическим ценностям [2, с. 90]. Историческая память конструировалась как инструмент формирования коллективной идентичности, воспитания лояльного гражданина и укрепления коллективно-

го сознания. ВООПИК, несмотря на свое название «общественное», стало ключевым звеном в этой системе: он сочетал функции учета, реставрационного контроля, просветительской пропаганды и массовой мобилизации. Его региональные и районные отделения, фактически выполняли роль «агентов памяти», т. е. тех, кто переводил директивы Центра в конкретные действия на уровне района, города, села, предприятия, завода и т. д. Впервые в истории страны памятники истории и культуры провозглашаются общенародным достоянием. Ответственность за их охрану была возложена не только на государство, но и на общество, что полноценно воплотилось с появлением ВООПИК [3, с. 208–209].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сегодня в рамках изучения исторической памяти большое внимание уделяется не самим событиям прошлого, а тому, как они интерпретируются, сохраняются, транслируются и используются в настоящем. В этом контексте деятельность ВООПИК представляет собой уникальный кейс советской «политики памяти» – управляемой, институционализированной, массовой и одновременно глубоко локальной. Во-вторых, интерес к региональным моделям сохранения памяти

позволяет выйти за рамки столичной или всесоюзной перспективы и увидеть, как общие установки адаптировались к местным условиям, какие возникали противоречия, инициативы, ограничения. В-третьих, сегодня, когда государство вновь обращается к исторической памяти как к ресурсу национального единства, опыт ВООПИК приобретает практическую значимость как успешный (хотя и идеологически обусловленный) пример взаимодействия государства, партии и общества в сфере культурного наследия.

Хронологические рамки исследования (1965–1981 гг.) обусловлены, в первую очередь, состоянием источниковой базы, а именно границами фонда Р-1786 (Курганское областное отделение ВООПИК) Государственного архива Курганской области. 1965 год – это момент создания ВООПИК и его областных структур, включая Курганское областное отделение, образованное по решению облисполкома от 27 сентября 1965 года [4, л. 1]. Именно с этого времени начинается систематическая работа по выявлению, документированию и учету памятников в регионе. Конец 1970-х – 1981 год – это период завершения первого этапа массового мемориального строительства, связанного с юбилеями 50-летия Октября (1967), 100-летия Ленина (1970) и 30-летия Победы (1975). К 1981 году в Курганской области насчитывалось уже 1192 памятника, был создан сводный каталог, отреставрированы ключевые объекты, сформирована система школьного шефства и краеведческой работы [5, л. 8]. 1981 год как верхняя граница обусловлен состоянием источниковой базы исследования. В Государственном архиве Курганской области (фонд Р-1786) массив документов о деятельности отделения охватывает период только до 1981 года включительно.

Опыт Курганской области представляет особый интерес для исследователей советской мемориальной политики именно в силу своей региональной специфики. Созданный в 1943 году регион не обладал большим количеством древнего зодчества. Основа его исторической памяти сложилась иначе: через мемориализацию пребывания декабристов (сохранившиеся усадьбы Розена и Нарышкина в Кургане, дом Кюхельбекера в Смолино), а также увековечивание событий Гражданской войны – от стен Далматовского монастыря до многочисленных захоронений в районах. Особое место заняла и тема тыла: эвакуация, работа госпиталей и заводов. Личностный аспект памяти здесь неразрывно связан с именами Коли Мяготина, комдива Томина и дипломата Красина и др.

Эта особенность заставила ВООПИК сосредоточиться не на реставрации старинных зданий, а на создании нового мемориального ландшафта – через обелиски, бюсты, мемориальные доски, школьные музеи. Здесь память была не данностью, а продуктом – результатом целенаправленной ра-

боты тысяч энтузиастов: учителей, школьников, пенсионеров, рабочих, чиновников. Именно поэтому опыт Курганской области – это опыт «производства памяти» в условиях провинции.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ деятельности Курганского областного отделения ВООПИК и его районных / городских структур в период с 1965 по 1981 год, с акцентом на процессы выявления, учета и документирования памятников как основы сохранения исторической памяти. В ходе исследования решается важная задача: раскрытие механизмов функционирования Курганского областного отделения ВООПИК как института сохранения исторической памяти через исследование на основе архивных документов его организационной структуры, методов учета памятников, форм взаимодействия с общественностью и государственными органами, а также эволюции смыслов, вкладываемых в категории памятников: от военно-революционных к трудовым и культурным, с целью показать, как именно через практическую деятельность по выявлению и документированию прошлого конструировалась официальная версия истории и формировались устойчивые практики гражданского участия в ее сохранении.

Основу источниковой базы составляют архивные материалы Государственного архива Курганской области (ГАКО), фонд Р-1786 – документы Курганского областного отделения ВООПИК за 1965–1981 годы.

Обзор литературы

Исследование деятельности ВООПИК в советский период – относительно новое направление в отечественной историографии, активно развивающееся с 2010-х годов в рамках предстоящего крупного юбилея общества и возрастающего интереса к практикам историко-культурного активизма. На сегодняшний день опубликован ряд работ, посвященных функционированию ВООПИК в различных регионах СССР, однако системного сравнительного анализа, включая опыт Курганской области, пока не существует.

Так, мы можем выделить статью М. А. Малиш, посвященную деятельности адыгейского отделения ВООПИК. Автор подробно описывает структуру общества, его взаимодействие с местными органами власти и роль в сохранении памятников адыгской культуры, подчеркивая при этом специфику национального региона, где память конструировалась на стыке советской идеологии и этнокультурного наследия [6].

Более широкий теоретический взгляд предлагает П. А. Неплюев, рассматривающий ВООПИК как феномен «публичной истории по-советски». В своих работах он показывает, как общественные структуры, формально подчиненные бюрократическим правилам, тем не менее создавали пространство для гражданской инициативы, особенно

в сфере локальной истории. Особенно ценно суждение, что даже, казалось бы, в рамках строгой бюрократии и контроля активисты умели находить лазейки для реализации собственных проектов [7, 8].

Региональные кейсы позволяют глубже понять разнообразие практик. Так, Д. Н. Филатов анализирует вклад волгоградского отделения в сохранение культурного наследия, акцентируя внимание на реставрации памятников Великой Отечественной войны и роли музеев в просветительской работе [3]. С. С. Наумов на примере Новосибирска исследует роль сообществ интеллигенции в трансляции исторической памяти в позднесоветский период, показывая, как именно через ВООПИК формировалась «интеллектуальная среда» локального патриотизма [9].

Отдельный интерес представляют работы, затрагивающие поздний советский период. А. В. Савоськин и И. В. Новиков рассматривают орловское отделение в годы перестройки, когда ВООПИК стало площадкой для дискуссий о «забытых страницах» истории [10]. Работа В. В. Бахтина и А. А. Припадчева посвящена истокам создания воронежского отделения, что позволяет лучше понять, как именно происходило внедрение модели ВООПИК в регионах с богатыми архитектурными и музейными традициями [2].

Отдельным вопросом остается региональная деятельность органов охраны памятников истории и культуры, которая представлена в исследовательской литературе лишь выборочно на основе некоторых субъектов и регионов Российской Федерации (на примере Адыгеи, Мордовии, Волгоградской, Иркутской, Ярославской областей) [7].

Несмотря на растущее количество публикаций, опыт Курганской области остается неизученным. В то время как большинство исследований сосредоточено на регионах с древними городами или национальными особенностями, Курганская область как регион, где память в рассматриваемый период конструировалась преимущественно через военно-революционные и трудовые символы, представляет собой уникальный случай. Именно поэтому данное исследование призвано заполнить существующий пробел, показав, как в условиях провинции ВООПИК сумело создать мощную, социально вовлеченную систему сохранения исторической памяти, опираясь не на реставрацию, а на документирование, учет и массовое участие.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сочетание историко-генетического и историко-системного методов. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию деятельности Курганского областного отделения ВООПИК от момента его создания в 1965 году до формирования устойчивой системы учета памятников к 1981 году, выявить причинно-следственные связи между организационными реше-

ниями и практическими результатами. Историко-системный метод обеспечил возможность рассмотрения ВООПИК как целостной структуры, функционирующей во взаимодействии с партийными органами, исполкомами, учреждениями культуры и образования, общественными организациями.

Институциональный подход дал возможность интерпретировать Курганское областное отделение ВООПИК не только как совокупность инициатив по охране и учету памятников, но и как устойчивый общественно-государственный институт советского периода, обладавший определенной организационной структурой, нормативной базой и механизмами мобилизации населения. Подход позволил проанализировать, каким образом через деятельность ВООПИК на региональном уровне оформлялись устойчивые правила выявления, учета, интерпретации и использования памятников истории и культуры.

Исследование опирается на концепцию «политики памяти», рассматривающую историческую память как социальный конструкт, формируемый через институциональные практики, ритуалы и материальные объекты. В рамках данного подхода деятельность ВООПИК анализируется не только как техническая работа по учету объектов, но и как процесс «производства памяти» – целенаправленного отбора, интерпретации и трансляции определенных версий прошлого.

Источниковую базу исследования составляют документы фонда Р-1786 Государственного архива Курганской области, включающие в себя протоколы заседаний президиума областного совета ВООПИК, отчеты районных и городских отделений, учетные карточки памятников, переписку с исполкомами и учреждениями культуры, материалы областных конференций общества.

Результаты и дискуссия

Анализ деятельности Курганского областного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры за период с 1965 по 1981 год позволяет сделать вывод, что его главным достижением стало не просто выявление и фиксация сотен объектов историко-культурного наследия, но создание устойчивой, многокомпонентной системы, в которой переплетались административные механизмы, общественная инициатива, школьное образование и идеологическая работа, причем все эти элементы развивались не изолированно, а в тесной взаимосвязи, формируя уникальный региональный опыт управления исторической памятью. Уже в сентябре 1965 года исполком Курганского облисполкома принял решение № 381 «Об образовании оргкомитета по подготовке учредительной конференции областного отделения ВООПИК», в состав которого вошли представители ключевых структур: заместитель председателя облисполкома С. Е. Козы-

рев, начальник областного управления культуры В. В. Подливалов, заведующая отделом по делам строительства и архитектуры В. А. Корочанская, а также деятели культуры, образования, печати, музеев и даже военного ведомства – начальник политотдела облвоенкомата Т. Н. Садов [4, л. 1–2]. Такой широкий состав свидетельствовал о том, что новое общество воспринималось как важный элемент государственной политики. Вопрос сохранения исторического и культурного наследия решался на двух уровнях: государственном и общественном. На государственном уровне формировалась законодательная база и государственные структуры для решения этого вопроса. На общественном уровне зачастую происходил сбор информации, выявление памятников, нуждающихся в реставрации и консервации и т. д. ВООПИК сочетало в себе два этих начала [6, с. 9].

Уже 28 октября 1965 года исполком издал распоряжение № 1022-р, обязавшее все районные и городские исполкомы до 5 ноября создать свои оргкомитеты и начать подготовку к учредительным конференциям. Таким образом, процесс развивался сверху вниз, но с обязательным вовлечением местных сил. Уже в октябре 1965 года был утвержден план мероприятий областного оргкомитета, который предусматривал заседания по организации конференций в районах, рассылку методических писем о целях и задачах общества, переучет всех памятников к 15 ноября 1965 года, проведение районных и городских конференций до 10 декабря и, наконец, областную учредительную конференцию до 20 декабря 1965 года [11, л. 1]. Эта продуманная организация позволила уже к началу 1966 года иметь разветвленную структуру: к февралю 1966 года были созданы отделения во всех районах и двух городах областного подчинения Кургане и Шадринске. Президиум областного совета, возглавляемый В. Гусевым, стал координирующим органом, а ответственным секретарем была назначена В. Шаталова [12, л. 1].

Первые месяцы деятельности были посвящены не только организационному оформлению, но и диагностике ситуации. Уже в августе 1966 года исполком областного Совета принял решение, в котором констатировалось: «Большинство зданий-памятников находится в неудовлетворительном техническом состоянии... ремонтно-реставрационные работы до последнего времени не развернуты... в особо неудовлетворительном состоянии находится Далматовский монастырь... обелиски, установленные в честь воинов, погибших в годы гражданской войны, ничем не отмечены... пропаганда исторических памятников ведется неудовлетворительно» [13, л. 1]. Это решение стало программным документом, задавшим вектор деятельности ВООПИК на ближайшие годы: учет → реставрация → пропаганда → идеологическое использование. С момента появления основными

задачами ВООПИК становятся выявление, сохранение, реставрация памятников истории и культуры «для воспитания эстетического чувства патриотизма у народа». Прежде всего активисты ВООПИК брали на себя работу по паспортизации (учету) памятников [8, с. 83]. Уже в 1966 году была определена главная задача – «проведение учета всех памятников истории и культуры, обелисков, братских могил» и начало подготовки материалов к путеводителям [12, л. 1, 4].

Параллельно стартовала работа по вовлечению населения: в Шадринске, например, уже в 1966 году школьники и студенты вместе с музеем начали составлять списки памятников, готовить корреспонденции в газеты, выступать по радио [14, л. 2]. Были составлены списки, сделаны фотографии, начата работа над книгой «Исторические памятники Шадринска», которая вышла в 1968 году и стала первым в области научно-популярным изданием такого рода [15, л. 31]. В других районах процесс шел медленнее, но не менее целенаправленно. В Петуховском районе, где изначально сообщали, что «работа по организации общества не ведется вообще», к концу 1966 года уже выявлено 3 обелиска и 24 братские могилы, причем началась точная идентификация захороненных [16, л. 14]. В Варгашином районе составили детальные карточки на каждый памятник с указанием адреса, состояния, шефствующей организации, текста мемориальной доски и даже даты составления справки 27 февраля 1968 года [17, л. 20–39]. К слову, это единственный район, так ответственно отнесшийся к учету памятников. К 1968 году масштабы выявленного наследия поражали: по данным второй областной конференции ВООПИК, проведенной в марте 1968 года, в области было учтено 533 памятника, включая 215 – участникам Гражданской войны и 278 – погибшим в Великой Отечественной войне [15, л. 29]. При этом под государственной охраной находилось лишь 11 объектов – преимущественно церкви XVII–XVIII веков, такие как Далматовский монастырь, Спасо-Преображенский собор в Шадринске, церковь в Карачельском [15, л. 30].

Особенно ценными представлялись не только военные, но и дореволюционные памятники, связанные с декабристами. В Кургане были официально зафиксированы три дома: А. Е. Розена (ул. Советская, 67), М. М. Нарышкина (ул. Климова, 80а) и В. К. Кюхельбекера (пос. Смолино) [17, л. 10–12]. По настоянию общества исполком принял решение освободить дом Нарышкина от жильцов и передать его краеведческому музею, а также ходатайствовать перед Советом Министров РСФСР о принятии его под государственную охрану [13, л. 3]. Это был важный шаг: превращение частного жилого дома в музей-мемориал символизировало переход от стихийного почитания к институциональному сохранению памяти [18, с. 6–7].

Однако если в городах работа шла более или менее организованно, то в сельской местности она зависела от энтузиазма местных активистов. В Шумихинском районе, например, справка от июля 1967 года констатировала: «Не выявлены памятники, характеризующие первые годы Советской власти... хотя события 1917–1921 годов представляют особый интерес» [19, л. 18]. В Целинном районе, напротив, отметили: «Проведена серьезная работа по созданию памятников погибшим... это надо отнести к положительному факту деятельности района» [19, л. 20]. Такая неравномерность была типичной для всей страны [8, с. 86]: успех зависел не столько от директив сверху, сколько от наличия на местах инициативных учителей, директоров музеев (в т. ч. при школах), секретарей комсомольских организаций. Но при этом каждый региональный филиал организации стремился отобразить и местную специфику [9, с. 274].

Особую роль в формировании мемориальной среды играла «поисковая работа», которая объединяла разные поколения: от школьных активистов до пенсионеров-фронтовиков, – восстанавливая страницы истории через архивы и запросы в ЦАСА (Центральный архив Советской Армии). Так, например, в г. Далматово местная братская могила годами числилась безымянной, пока в 1968 году после пятилетней кропотливой переписки и изучения свидетельств не выяснилось, что здесь покоится Станислав Рукманис – разведчик 16-го Латышского полка, погибший 30 июля 1919 года при освобождении города от колаковцев. После этого на памятнике появилась надпись, а между средними школами Далматово и Кауната (Латвия) началось соревнование за право носить имя героя [20, л. 17]. Такая практика не была уникальной: аналогичные случаи фиксируются в материалах по Варгашиному, Притобольному, Каргапольскому районам, где школьные кружки вели летописи земляков, собирали фотографии, вели переписку с родственниками погибших. Например, в Глядянской средней школе Притобольного района краеведческий кружок под руководством Л. М. Чупровой занимался поиском информации о бойцах, погибших в 1919 году под деревней Художиткова. Их могила была забыта, памятник разрушен – школьники предлагали установить новый обелиск [21, л. 62]. Эти примеры показывают, что выявление памятников стало не просто технической процедурой, а формой гражданского участия, коллективного исторического исследования. Через эту деятельность население заново «открывало» свое прошлое, вживалось в него, делало его частью своей идентичности. ВООПИК играло здесь роль не только координатора, но и связующего звена между государством и обществом [8, с. 82].

К середине 1970-х годов, когда основной массив военно-революционных памятников был уже учтен, ВООПИК начало расширять типологию

объектов. На повестку дня вышли памятники трудовой, научной и культурной деятельности. В 1970 году на президиуме областного совета прозвучало предложение: «Нам нужно открывать новые и новые памятники трудовой славы... можно, например, установить на заводах мемориальные доски, свидетельствующие о том, что они находились в числе первых национализированных Советской властью предприятий» [22, л. 28]. Эта идея получила развитие в последующие годы. В 1975 году в Кургане появилась мемориальная доска на здании, где в годы войны находился Петергофский госпиталь (ул. Омская) [23, л. 75]. В 1978 году в Шадринске открыли доску в честь И. И. Молессона – основателя санитарной службы в России [24, л. 49]. В 1980 году в Половинском районе установили доску на доме трактористки Е. И. Родионовой – Героя Социалистического Труда [25, л. 107].

Особенно важно, что в этот период начинается систематическая работа по увековечиванию имен деятелей политики, науки и культуры. В 1977 году в Шадринске началась работа над бюстом выдающегося советского скульптора, уроженца города И. Д. Шадра [26, л. 6]. В 1978 году в Кургане был торжественно открыт памятник государственному деятелю, дипломату, соратнику Ленина, уроженцу города Л. Б. Красину. Скульптура, выполненная Ю. Л. Черновым, изображала Красина энергично шагающим на фоне красных мраморных знамен, символом решимости и революционного порыва [27, л. 7]. В 1977 году в селе Мальцево Шадринского района был установлен бюст Терентию Семеновичу Мальцеву – дважды Герою Социалистического Труда, академику ВАСХНИЛ, новатору земледелия [27, л. 7]. К 1981 году в областном каталоге насчитывалось уже 1192 памятника, включая 257 – участникам Гражданской войны, 713 – погибшим в Великую Отечественную войну, 93 – историко-революционных, 14 – архитектурных, 33 – археологических, 72 – монументального искусства, включая 42 памятника Ленину [5, л. 8]. Эта цифра говорит не только о количественном росте, но и о качественном изменении: память становилась многомерной, включающей в себя не только героев фронта, но и тружеников тыла, ученых, педагогов, писателей, художников.

Однако эта деятельность не была свободна от противоречий. Во-первых, сохранялась жесткая зависимость от партийных структур. Многие проекты затягивались годами – как в случае с домом Нарышкина, реставрация которого началась лишь спустя десятилетие после принятия решения [23, л. 76]. Во-вторых, наблюдалась неравномерность развития: если в Кургане и Шадринске памятники содержались образцово, то в ряде сельских районов они быстро приходили в упадок. Как отмечалось в 1977 году: «Обелиски и памятники ставятся не качественно... уже требуют ремонта... в малых населенных пунктах обелиски выглядят

неприглядно» [21, л. 20]. В-третьих, идеологическая регламентация жестко определяла, какие события и лица достойны памяти. Акцент делался исключительно на героическом, победном, классово выверенном прошлом. Именно поэтому были спасены сотни объектов, которые в противном случае были бы утрачены: дома декабристов, церкви XVIII века, братские могилы, здания, связанные с революционными событиями, что сегодня составляет основу экскурсионных и туристических маршрутов, школьных программ, научных исследований. Более того, ВООПИК создало устойчивую модель взаимодействия государства и общества в сфере сохранения памяти. Эта модель, основанная на шефстве, волонтерстве, просветительской деятельности, может и должна быть адаптирована к современным условиям. Сегодня, когда финансирование культуры ограничено, а интерес к истории у молодежи снижается, опыт 1960-х – 1981 годов становится особенно ценным. ВООПИК сумело сделать память живой, востребованной, социально значимой. И задача современной региональной политики не только сохранить это наследие, но и развить его, открыв для новых смыслов, новых имен, новых историй.

Выводы

Анализ работы Курганского отделения ВООПИК в 1965–1981 годах приводит к следующим выводам: главное достижение Общества заключалось не в сухой статистике возведенных стел / памятников или отремонтированных фасадов. Главным итогом стало формирование живого и гибкого механизма сопричастности. Благодаря этой структуре историческая память из абстрактной категории превратилась в личное дело для жителей области: от заводских рабочих и сельских учителей до школьников и ветеранов. Регистрация и учет памятников оказались лишь первыми шагами более глубокого процесса «производства памяти». Здесь каждый мемориал превращался в «место памяти» и пространство для диалога поколений.

ВООПИК выступало не в роли надзорного органа, а скорее как модератор и связующая нить между государственным аппаратом и локальными инициативами граждан. И это позволило соединить разрозненные практики школ, сельсоветов и библиотек. Результатом этой координации стал большой массив документации: учетные карточки, фотофиксация, списки имен и протоколы.

Важно подчеркнуть: успех этой политики держался не исключительно на директивах сверху, а на массовой вовлеченности. Память рождалась «снизу», в рамках хотя и жесткого, но идеологического поля: пока школы вели архивный поиск, заводы брали на себя финансирование установки мемориалов, а колхозы закладывали памятные аллеи. Деятельность ВООПИК в этот период – это работа полноценного социокультурного института, который не просто инвентаризировал объекты,

но вписывал их в повседневность через ритуалы, школьные программы и туристические маршруты. Многие памятники области уцелели в постсоветские годы именно потому, что за ними стоял не призрачный «госнадзор», а вполне ощущаемая ответственность конкретного трудового коллектива или школьного отряда.

Однако анализ также выявил внутренние противоречия этой системы. Зависимость от партийных структур тормозила реализацию многих проектов, как в случае с домом Нарышкина, реставрация которого началась лишь спустя десять лет после принятия решения. Неравномерность развития привела к тому, что в одних районах памятники содержались образцово, а в других – приходили в запустение уже через несколько лет. Идеологическая регламентация ограничивала рамки «приемлемого прошлого», герои фронта и революции возводились в абсолюты, тогда как сложные, трагические, неоднозначные страницы истории оставались за бортом официального нарратива.

Литература

1. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Собрание постановлений правительства РСФСР за 1965 г. – М. : Юридическая литература, [б. г.]. – № 1–26.
2. Бахтин, В. В. Возникновение Воронежского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры / В. В. Бахтин, А. А. Припадчев // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2022. – № 15 (17). – С. 87–93.
3. Филатов, Д. Н. Вклад Волгоградского отделения ВООПИК в сохранение культурного наследия Волгоградской области во второй половине XX века / Д. Н. Филатов // Новая наука: современное состояние и пути развития : материалы Международной научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2016. – С. 208–211.
4. Государственный архив Курганской области (ГАКО). – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 169.
6. Малиш, М. А. Деятельность областного отделения Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) на территории Адыгеи / М. А. Малиш // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 121 (07). – С. 1–12.
7. Неплюев, П. А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период / П. А. Неплюев // Культурный код. – 2020. – № 3. – С. 38–49.
8. Неплюев, П. А. Публичная история «посовetsки». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории

и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм / П. А. Неплюев // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2022. – № 3 (58). – С. 79–93.

9. Наумов, С. С. Местные сообщества интеллигенции и проблема трансляции исторической памяти (на примере деятельности Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1985–1991 гг.) / С. С. Наумов // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 8, вып. 4. – С. 272–277.

10. Савоськин, А. В. Орловское областное отделение общества охраны памятников в период развертывания политики «перестройки» в 1985–1988 гг. / А. В. Савоськин, И. В. Новиков // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – № 3 (49). – С. 49–62.

11. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 2.

12. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 6.

13. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 3.

14. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 11.

15. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 16.

16. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 7.

17. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 27.

18. Авдеенко, А. Л. «Первые революционные борцы против царизма»: сохранение памяти о ссыльных декабристах в Кургане в советский период / А. Л. Авдеенко // История. Сибирь. Декабристы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня выступления на Сенатской площади и 50-летию со дня открытия курганского Дома-музея декабристов ; под ред. Д. Н. Маслюженко (отв. ред.), Е. А. Вьюговой. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2025. – С. 3–11.

19. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 13.

20. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 32.

21. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 105.

22. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 47.

23. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 89.

24. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 123.

25. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 158.

26. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 104.

27. ГАКО. – Ф. Р-1786. – Оп. 1. – Д. 127.

Авдеенко Алексей Леонидович – старший преподаватель кафедры истории и документоведения, Курганский государственный университет (Курган), e-mail: avdeenkoalexey@yandex.ru ORCID 0009-0006-5101-3938

Поступила в редакцию 10 сентября 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260401

ACTIVITIES OF THE KURGAN REGIONAL BRANCH OF VOPIK IN IDENTIFYING AND RECORDING MONUMENTS AS A BASIS FOR PRESERVING HISTORICAL MEMORY (1965–1981)

A. L. Avdeenko

Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation

The article analyzes the activities of the Kurgan Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOPIK) during the period 1965–1981. Based on archival materials from the State Archive of the Kurgan Region, the processes of identifying, documenting, and recording objects of historical and cultural heritage are examined as a form of implementing Soviet memory policy at the regional level. It is shown that VOPIK formed a multi-level system that united administrative mechanisms, public initiative, and the school local history movement. By 1981, 1,192 monuments of various types had been recorded in the region – from mass graves and obelisks to Decembrist houses and monuments of labor glory. Particular attention is paid to the role of mass participation of the population – schoolchildren, teachers, veterans – in the process of “memory production”. Internal contradictions of the system are identified: dependence on party structures, uneven development of district branches, and ideological regulation of memory content. The specificity of the Kurgan Region is revealed as a territory where historical memory was constructed primarily through the creation of a new memorial landscape rather than through the restoration of ancient monuments. The study introduces into scientific circulation previously unpublished archival documents that allow for a detailed reconstruction of the functioning mechanisms of the VOPIK regional branch. The conclusion is drawn about the significance of VOPIK’s experience for modern cultural heritage preservation policy and the prospects for its adaptation to civil society conditions.

Keywords: ВООПИК, historical memory, cultural heritage, Kurgan Region, Soviet memory policy, local history studies, memorialization.

References

1. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 23 iyulya 1965 g. № 882 “Ob organizatsii Vserossiyskogo dobrovol’nogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury” [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of July 23, 1965, № 882 “On the Organization of the All-Russian Voluntary Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments”] // *Sobranie postanovleniy pravitel’sstva RSFSR za 1965 g.* Moscow: Legal literature, [n. d.]. № 1–26.
2. Bakhtin V.V., Pripadchev A.A. Vozniknovenie Voronezhskogo otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury [Emergence of the Voronezh Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments] // *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2022. № 15 (17). P. 87–93.
3. Filatov D.N. Vklad Volgogradskogo otdeleniya ВООПИК v sokhranenie kul’turnogo naslediya Volgogradskoy oblasti vo vtoroy polovine XX veka [The Contribution of the Volgograd Branch of ВООПИК to the Preservation of the Cultural Heritage of the Volgograd Region in the Second Half of the Twentieth Century] // *Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 2016. P. 208–211.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti (GAKO) [State Archive of the Kurgan Region (SACR)]. F. R-1786. Op. 1. D. 1.
5. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 169.
6. Malish M.A. Deyatel’nost’ oblastnogo otdeleniya Vserossiyskogo dobrovol’nogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury (ВООПИК) na territorii Adygei [Activities of the Regional Branch of the All-Russian Voluntary Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (ВООПИК) in Adygea] // *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 2016. № 121 (07). P. 1–12.
7. Neplyuev P.A. “Esli chelovek ravnodushen k pamyatnikam istorii svoey strany, on ravnodushen k svoey strane”: istoriograficheskiy obzor istoriko-kul’turnogo aktivizma v pozdnesovetskiy period [“If a Person Is Indifferent to the Historical Monuments of Their Country, They Are Indifferent to Their Country”: A Historiographical Review of Historical and Cultural Activism in the Late Soviet Period] // *Kul’turnyy kod*. 2020. № 3. P. 38–49.
8. Neplyuev P.A. Publichnaya istoriya “po-sovetski”. Regional’nye otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury: “byurokraticheskie pravila igry” i istoriko-kul’turnyy aktivizm [Public History in the Soviet Style. Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: “Bureaucratic Rules of the Game” and Historical and Cultural Activism] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2022. № 3 (58). P. 79–93.
9. Naumov S.S. Mestnye soobshchestva intelligentsii i problema translyatsii istoricheskoy pamyati (na primere deyatel’nosti Novosibirskogo otdeleniya Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul’tury v 1985–1991 gg.) [Local Communities of Intellectuals and the Problem of Transmission of Historical Memory (Based on the Activities of the Novosibirsk Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in 1985–1991)] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2017. Vol. 8, Iss. 4. P. 272–277.
10. Savos’kin A.V., Novikov I.V. Orlovskoe oblastnoe otdelenie obshchestva okhrany pamyatnikov v period razvertyvaniya politiki “perestroyki” v 1985–1988 gg. [The Orel Regional Branch of the Society for the Protection of Monuments During the Period of the Expansion of the Perestroika Policy in 1985–1988] // *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravleniya*. 2023. № 3 (49). P. 49–62.
11. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 2.
12. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 6.
13. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 3.
14. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 11.
15. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 16.
16. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 7.
17. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 27.
18. Avdeenko A.L. “Pervye revolyutsionnye bortsy protiv tsarizma”: sokhranenie pamyati o ssyl’nykh dekabristakh v Kurgane v sovetskiy period [“The First Revolutionary Fighters Against Tsarism”: Preserving the Memory of the Exiled Decembrists in Kurgan During the Soviet Period] // *Istoriya. Sibir’. Dekabristy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya vystupleniya na Senatskoy ploshchadi i 50-letiyu so dnya otkrytiya kurganskogo Doma-muzeya dekabristov; pod red. D.N. Maslyuzhenko (otv. red.), E.A. V’yugovoy*. Kurgan: Publishing house of the Kurgan State University, 2025. P. 3–11.

19. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 13.
20. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 32.
21. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 105.
22. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 47.
23. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 89.
24. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 123.
25. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 158.
26. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 104.
27. GAKO [SACR]. F. R-1786. Op. 1. D. 127.

Alexey L. Avdeenko – Senior Lecturer at the Department of History and Documentation, Kurgan State University (Kurgan), e-mail: avdeenkoalexey@yandex.ru

Received September 10, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Авдеенко, А. Л. Деятельность Курганского областного отделения ВООПИК по выявлению и учету памятников как основа сохранения исторической памяти (1965–1981 гг.) / А. Л. Авдеенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh260401

FOR CITATION

Avdeenko A. L. Activities of the Kurgan regional branch of VOOPIK in identifying and recording monuments as a basis for preserving historical memory (1965–1981). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260401

МИРОВЫЕ СУДЬИ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОКРУГА В 1880 ГОДУ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

Д. Е. Васильев^{1,2}

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Объединенный государственный архив Челябинской области, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье анализируется социальный состав мировых судей Челябинского судебного-мирового округа в 1880 году с целью создания их коллективного портрета. Основными методами исследования выступают историко-биографический и просопографический методы. В работе применяется технология создания коллективных портретов, которая является частью метода создания коллективных биографий, направленного на выявление определенного круга лиц в качестве объекта исследования и изучение их демографических, социальных и культурных характеристик. В ходе исследования формулярных списков 1880 года выявлены сведения, необходимые для формирования примерного коллективного социального портрета мирового судьи Челябинского округа. На основе полученных данных составлен и представлен примерный коллективный портрет мировых судей Челябинского округа. Специфика коллективного портрета мировых судей Челябинского округа выявлена через его сравнение с коллективным портретом мировых судей Тульской губернии. Представлены особенности социального состава корпуса мировых судей в Челябинске в 1880 году. Исследование показало, что мировые судьи Челябинского округа в 1880 году были в основном женатыми служащими 35 лет с высшим юридическим образованием и преимущественно с гражданским классным чином.

Ключевые слова: судебная система, суд, Челябинский судебно-мировой округ, мировой судья, чиновник, формулярный список, просопографический метод, биография, коллективный портрет.

Введение

Судебная реформа Александра II стала одной из самых масштабных реформ правовых институтов в истории России. В ходе этой реформы были реализованы принципы законности и гласности суда, создана единая сословная система судов, введены новые судебные институты, характерные для европейской модели правосудия конца Нового времени, в том числе адвокатура и суд присяжных. Важнейшим направлением реформы стали преобразования местного суда, которые потребовали создания полноценного института мировых судей [1].

Обзор литературы

Проблемы мирового суда в Российской империи второй половины XIX в. уже исследовались отечественными и зарубежными учеными. Дореволюционная историография представлена преимущественно трудами В. П. Безобразова, М. А. Филиппова и А. А. Головачёва, в которых подробно исследовалась судебная реформа Александра II и, в частности, становление института мирового суда [2–4]. Отдельное место занимают работы, посвящённые особенностям функционирования мировой юстиции в провинции (В. П. Березин, Н. А. Корф) и анализу процедуры избрания мировых судей (Я. О. Попов) [5–7].

В советской историографии становление и развитие института мирового суда в Российской империи, как правило, анализировались в рамках комплексных исследований судебной реформы 1864 года и общих преобразований эпохи Александра II. Наиболее последовательно это было сделано в ра-

ботах Е. А. Мороховца и Ш. М. Левина, И. Г. Ефремовой, Н. П. Ерошкина и других [8–11].

Зарубежные ученые также занимались исследованием истории российской судебной системы и российского чиновничества. Например, в 1976 году вышла работа Р. С. Уортмана «The Development of a Russian Legal Consciousness», которая в 2004 году была переведена на русский язык и получила название «Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России». Ричард Уортман изучал в целом судебную систему Российской империи первой половины XIX века, в том числе, он проанализировал различные аспекты деятельности чиновничьего аппарата судебных органов того периода [12]. В своей работе Р. С. Уортман стремился определить социальное происхождение судебных чиновников, их профессиональный опыт, предыдущие места службы, уровень образования и наличие имущественного ценза.

В российской историографии необходимо отметить коллективную монографию «Правосудие на периферии Российской империи: между унификацией и разнообразием», в создании которой приняли участие исследователи как судебной системы (Е. А. Крестянкин, В. А. Воропанов и др.), так и чиновничества Российской империи (О. А. Плех, С. В. Любичанковский и др.) [13]. В работе комплексно исследовалась роль судебной системы как инструмента интеграции периферийных регионов Российской империи в XVIII – начале XX века. Авторы анализировали то, как юстиция способствовала созданию единого правового пространства, адаптируясь к местным условиям.

Особое внимание было уделено судебной реформе 1864 года, которая, сочетая принципы унификации с региональной спецификой, стала одним из ключевых механизмов имперской интеграции.

Ряд исследователей занимался изучением истории судебной системы и ее бюрократического аппарата на Южном Урале.

В диссертации В. А. Воропанова «Сословная судебная система в Оренбургском крае 1775–1864 гг.» предметом исследования выступали институциональные преобразования судебных учреждений, изменения юридического статуса судей и кадровый состав судебного аппарата [14]. К этой категории относились работники общих судебных органов уездного и губернского звена: уездных судов, магистратов, ратуш и расправ, а также губернских верхних сословных судов, в том числе совестных и палат по уголовным и гражданским делам. В. А. Воропанов исследовал развитие законодательной базы, определявшей особенности социального и правового положения судей различных классов, принципы комплектования канцелярских штатов и статусное положение судебных чиновников. Также В. А. Воропанов установил численность и социальный состав служащих судебной системы Оренбургской губернии. Исследователь пришел к выводу, что разнородность социального происхождения чиновников в последней четверти XVIII – первой четверти XIX века сменило сословное единство. Появился класс профессиональных судей.

В исследовании А. А. Абрамовского и А. М. Юнусова «Окружные суды Южного Урала, 1864–1918 гг.» анализируется то, каким образом на Южном Урале во второй половине XIX века осуществлялось проведение судебной реформы 1864 года, включая становление окружных судов в регионе [15]. Авторы выявили условия создания окружных судов и формирование кадрового состава, а также механизм проведения судебной реформы на Южном Урале в 1864 году. Исследуя кадровый состав, А. А. Абрамовский и А. М. Юнусов пришли к выводу, что государственные служащие судебных мест были включены в общий процесс делопроизводства и движения по классам, следовательно, служба была престижной и почетной. Установленный порядок дисциплинарного производства и увольнения чиновников способствовал противодействию произволу и взяточничеству. Все отмеченное выше, с одной стороны, способствовало укреплению независимого статуса чиновников и формированию ответственности у кадрового состава, а с другой – повышало авторитет судебной власти. Авторы монографии подчеркивали, что должности в окружных судах могли занимать только профессионалы.

Методы исследования

Цель исследования – составить коллективный портрет мировых судей Челябинского округа в 1880 году.

Конструирование портрета происходит на основе двух методов: историко-биографического и просопографического. Технология создания коллективных портретов – это часть метода создания коллективных биографий, который направлен на выявление определенного круга лиц в качестве объекта исследования и изучение их демографических, социальных, культурных характеристик [16].

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. На первом этапе исследования мы на основе формулярных списков выявляем социально-профессиональные характеристики судей (должность, классный чин, годовой оклад, период работы в должности, происхождение, возраст, собственность, семейное положение) и, применяя историко-биографический метод, формируем сводные таблицы с биографическими данными о судьях.

Историко-биографический метод является методом исторического исследования, который направлен на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности или социальной группы. Через историко-биографический метод мы стремимся раскрыть изучаемую личность во всей полноте ее жизненной истории [16, с. 143–144].

На втором этапе с помощью источников личного происхождения устанавливаем личные качества мировых судей. Для «расшифровки» этих следов мы привлекаем особый корпус источников – документы личного происхождения (мемуары врача В. Б. Загорского) [17].

На третьем этапе применяется просопографический метод. Данный метод сформировался как междисциплинарное направление исследований в конце XX века и являлся следствием развития историко-биографического метода, когда наряду с изучением индивидуальных биографий стали исследовать коллективные биографии [18]. Просопография позволяет создать и изучить в историческом контексте «коллективные биографии» социальных групп и страт, в нашем случае исследуется группа мировых судей.

На основе данных, полученных в ходе анализа формулярных списков и мемуаров, мы производим обобщение и заканчиваем конструирование коллективного портрета.

Территориальные рамки нашего исследования ограничены Челябинским судебным миром. Челябинск являлся одним из крупнейших городов губернии. Хронологические рамки исследования ограничиваются 1880 годом. В 1878 году на территории Оренбургской губернии начал работу институт мировых судей, Челябинский уезд не стал исключением [19]. Одним из основных источников, на который мы опираемся при составлении коллективного портрета, являются форму-

лярные списки мировых судей Челябинского округа, которые датируются 1880 годом [20].

Результаты и дискуссия

В контексте судебной системы Российской империи второй половины XIX века следует подчеркнуть, что после отмены крепостного права возникла потребность в адаптации государственного устройства и управления к новым социально-политическим реалиям. В соответствии со сложившейся ситуацией правительство провело серию буржуазных реформ, и судебная реформа стала одной из наиболее значимых. Принципы и положения судебной реформы были обозначены в Судебных уставах, принятых и вступивших в силу в 1864 году [21].

Согласно Судебным уставам наряду с системой общих судов создавался институт мировых судей. Мировые судьи, занимавшие низший уровень судебной системы, чаще всего не имели юридического образования и организационно были связаны с земскими и городскими органами самоуправления [22, 23].

Кандидаты на должность мировых судей должны были иметь как минимум среднее образование, не менее трех лет судебной практики, возраст от 25 лет, а также движимое или недвижимое имущество. Например, земельный ценз кандидатов в мировые судьи Оренбургского уезда Оренбургской губернии составлял не менее 475 десятин земли, а в остальных уездах этой губернии не менее 350 десятин [24].

В Российской империи существовали два должностных статуса мировых судей: участковые и почетные. Участковые мировые судьи выбирали постоянное место пребывания для осуществления своих должностных полномочий. За ними закреплялся определенный мировой участок. Мировой участок территориально совпадал либо с уездным городом, либо с территориями нескольких волостей, а также мог формироваться в масштабах определенной части крупного города [25].

Согласно учреждению судебных установлений от 20 ноября 1864 года, «должность участкового мирового судьи, как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке, не может быть соединяема с другою должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях» [26].

Почетному мировому судье согласно установлениям было разрешено совмещать обязанности с государственной или общественной службой, за исключением должностей прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции. Согласно «Временным правилам об устройстве мировых судебных установлений», свои обязанности исполняли добавочные судьи, которые назначались к исполнению обязанностей участковых «в случае болезни, отлучек, а также

для облегчения тех из них, которые свыше меры обременены делами» [24]. В случае необходимости добавочному судье поручался разбор дел в таких местностях, где не было участковых судей. Почетный мировой судья проводил разбирательство дел в том случае, когда обе стороны обращались к его посредничеству.

Введение мировых учреждений на Южном Урале было начато в декабре 1878 года. Мировые судьи избирались на уездных земских собраниях, а в Оренбургской губернии, не имевшей земств, был создан временный губернский комитет, возглавляемый губернатором. В комитет были включены предводители губернского и Оренбургского уездного дворянства, оренбургский городской голова, губернский прокурор, председатель местной палаты уголовного и гражданского суда, непременный член присутствий по крестьянским делам и старший член хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска. Списки кандидатов в мировые судьи, подготовленные земским собранием и временным губернским комитетом, сначала направлялись министру юстиции, а затем – на утверждение императору. На основании этих списков он производил назначение участковых и добавочных судей, тогда как почетные мировые судьи утверждались в должности Сенатом [24].

Первые мировые судьи в Челябинском округе были назначены 20 декабря 1878 года [19, 20]. В Челябинском округе Оренбургской губернии, состоящем из 7 участков, в 1880 году согласно таблице 1 трудилось 9 мировых судей. Из них Покровский Владимир Корнилевич был председателем съезда мировых судей Челябинского округа и мировым судьей 2 участка, Вятковский Андрей Александрович занимал должность почетного мирового судьи, а Буковский Евгений Николаевич был добавочным судьей.

Большинство мировых судей, а именно 8 из 9 имели классные чины. Трое имели чин XII класса (губернский секретарь), двое – IX класса (титулярный советник), один – X (коллежский секретарь), один – VIII (коллежский ассессор), один – VII (надворный советник).

Максимальный оклад служащих, согласно таблице 1, составлял 2700 руб., минимальный – 1417 руб., семь судей получали 2700 руб., и по одному – 1417 руб. и 1500 руб. Соответственно, средний заработок составлял 2424 рубля. Низкий оклад двух судей можно объяснить тем, что один был врачом медицинского участка Оренбургского казачьего войска и почетным мировым судьей, а второй был добавочным мировым судьей.

Для определения социального статуса мировых судей необходимо учитывать и происхождение. Согласно данным из таблицы 2, четверо судей происходили из дворян, двое из обер-офицерских детей, один был сыном штабс-лекаря, один – из мещан и один – сын священника. Следует пояс-

нить, что тех служащих, чьи отцы не успели получить личное дворянство, относили к обер-офицерским детям [27].

Мы предполагаем, что значительное количество выходцев из дворян связано с имущественным цензом, который был необходим для поступления на службу. Кроме того, все мировые судьи Челябинского округа имели гражданские чины.

Максимальный возраст служащих мирового суда Челябинского округа согласно таблице 2 составлял 45 лет, минимальный – 28 лет. Средний возраст – 35 лет. Возрастной состав формировался исходя из ценза, согласно которому поступить на службу было возможно только при достижении 25 лет.

Для выдвижения кандидатуры на пост мирового судьи необходимо было подходить под образовательный ценз: иметь высшее или среднее образование либо стаж работы в судебной системе не менее трех лет. Согласно данным из таблицы 3, все мировые судьи имели высшее образование. Двое из девяти служащих Челябинского округа окончили Императорский Санкт-Петербургский университет. Пять служащих окончили Казанский императорский университет, один – юридический лицей князя Безбородко и один – университет Святого Владимира в Киеве. Шесть из девяти служащих обучались на юридических факультетах, один – на физико-математическом, один – на медицинском, один – неизвестно. Соответственно, большая часть мировых судей имела высшее юридическое образование, что свидетельствует о том, что должность мирового судьи занимали по большей части профессионалы.

Следует отметить, что у мировых судей был высокий имущественный ценз. Так, например, имущественный ценз кандидатов в мировые судьи Оренбургского уезда Оренбургской губернии составлял не менее 475 десятин земли, а в остальных уездах этой губернии не менее 350 десятин [25]. Согласно таблице 4 из мировых судей Челябинского округа трое имели благоприобретенное имение, трое – родовое и, соответственно, у троих не было имения. Следовательно, большая часть служащих имела личную собственность или их родители являлись владельцами домов. Примечателен тот факт, что, даже не имея земли, два чиновника выполняли обязанности мировых судей. Скорее всего, это было связано с дефицитом кадров, имеющих среднее или высшее образование, на данной территории.

Важно подчеркнуть, что одним из условий было проживание на вверенной мировому судье территории с целью ознакомления с местным укладом жизни [28].

Семейное положение мировых судей было достаточно пестрым. Согласно таблице 5, трое были женаты на дочерях лиц, имеющих военные чины; один – холост, один – женат на девице

из дворян; один – на дочери коллежского советника; один – на вдове почетного гражданина. Большинство мировых судей были женаты. Среди них выделяются лица, женатые на дочерях военных. Такой брак мог укреплять социальные и профессиональные связи.

Подводя итог представленным выше сведениям, следует подчеркнуть, что, например, в Тульской губернии в отличие от Челябинского уезда среди мировых судей преобладали дворяне, имеющие военные чины [29].

Кроме того, в отличие от Тульской губернии, где должности мировых судей имели представители дворянских офицерских кадров, местной бюрократии и купечества, в Челябинском округе преобладали приезжие мировые судьи.

Безусловно, делопроизводственные документы позволяют выявить социально-профессиональные характеристики судей, однако практически не содержат сведений об их личных качествах. Данный компонент можно выявить по источникам личного происхождения. В случае с мировыми судьями Челябинского округа таким источником являются мемуары, написанные Челябинским уездным врачом польского происхождения В. Б. Загорским¹. По роду своей службы ему приходилось взаимодействовать с чиновниками, в том числе, и с мировыми судьями, о некоторых из них он оставил воспоминания.

В мемуарах В. Б. Загорского, содержатся сведения о личностных достоинствах 4 мировых судей Челябинского округа.

В. К. Покровский, председатель съезда и мировой судья 2-го участка Челябинского округа, предстаёт в мемуарах В. Б. Загорского как дипломированный юрист. Прежде всего мемуарист отмечает, что Покровские «были очень богатые люди, у них была усадьба, большой винокуренный завод и золотой прииск, жили они роскошно, но не забывали заниматься делами, увеличивая свое состояние не всегда честным путем, и даже из благотворительности извлекали выгоду» [17, с. 58–59]. В. Б. Загорский дает и краткое описание семьи В. К. Покровского: «Владимир был женат на дочери купца, у них был сын и три дочери. Жена его, Авдотья Ивановна, была настоящей красавицей, несмотря на свои 35 лет. В городе поговаривали, что Владимир сам подстроил роман своей жены с каким-то сановником, чье внимание ему было крайне необходимо...» [17, с. 58–59].

¹Владислав Загорский родился в 1858 году в Виленской губернии. После Январского восстания в 1863 году его отец был назначен окружным врачом в Оренбургскую губернию, что было мягкой формой ссылки. Владислав учился в гимназиях Уфы и Перми, затем поступил на медицинский факультет Московского университета. После университета Владислав Загорский два года служил уездным врачом в Екатеринбурге. В 1885 году приехал в Челябинск, где провел почти семь лет. В 1892 году семья уехала в Вильно, по которому тосковала жена врача Антонина, там же жили родители Владислава.

Как мы видим, В. К. Покровский был приемником и мировым судьей.

Характеристика мирового судьи 1-го участка О. В. Рутковского у В. Б. Загорского лаконичная и довольно критичная: «...совершенно обрусел и разучился даже говорить по-польски, к тому же был вечно пьян» [17, с. 143].

Отмечает В. Б. Загорский и врача медицинского участка Оренбургского казачьего войска, почетного мирового судью Челябинского округа А. А. Вятковского. Охарактеризовал В. Б. Загорский его следующим образом: «Он был старшим казачьим врачом и носил военный мундир. Он был уже немолодой, коренастый, с пышной седой шевелюрой, грубоватый, говорил с малорусским акцентом, так как был малороссом, но производил впечатление добродушного, хотя и не слишком большого ума человека. Врач из него был весьма скверный, о чём мне ещё доведётся рассказать. Как и большинство интеллигенции в уральских городах, он был поклонником Бахуса» [17, с. 33–34].

Однажды, побывав в гостях у А. А. Вятковского, В. Б. Загорский оставил описание его семьи: «Вятковские живут богато, в собственном доме с большим садом при нём и держат лошадей. У них две дочери – двенадцатилетняя Аня и семилетняя Леся. Год назад их постиг страшный удар. Из-за несчастной любви застрелился их сын-семиклассник» [17, с. 33–34].

Примечательно, что В. Загорский оставил воспоминания и о том, как местный мировой почетный судья проводил досуг во время месячного отпуска, который он провел в Москве и Малороссии вместе с семьей. В. Б. Загорский отметил, что А. А. Вятковский «не был ни в музеях, ни в театрах, зато ходил по церквям и посетил царский дворец в Кремле. Когда его провели в спальню, и он увидел ложе царя, то предложил лакею 10 рублей, чтобы тот позволил ему прилечь на царском ложе, на что лакей охотно согласился. Вятковский с гордостью рассказывал знакомым, что лежал на царском ложе» [17, с. 53].

Мировой судья 4-го участка Челябинского округа И. А. Фирсов отмечен В. Б. Загорским как «...красивый мужчина, хоть уже не первой молодости: и на висках, и в старательно ухоженной бороде светились многочисленные серебряные нити. Фирсова уважали как хорошего и порядочного человека...». У Фирсова была сложная семейная жизнь: его «жалели за глаза из-за его жены, которая, будучи лет на 15 моложе мужа, была ветрена, отчаянно флиртовала и даже, как утверждали злые языки, изменяла мужу» [17, с. 175].

Резюмируя описания В. Б. Загорского, следует сделать вывод, что среди личных качеств мировых судей нет единообразия, они индивидуальны.

Выводы

В ходе исследования формулярных списков 1880 года нами были получены сведения, необходимые для того, чтобы сформировать примерный коллективный социальный портрет мирового судьи Челябинского округа. Мировой судья (рис. 1) в 1880 году – это женатый служащий 35 лет, который, скорее всего, имел гражданский классный чин. Обладал имуществом. Получал в среднем 2424 рубля. Имел высшее юридическое образование и, вероятнее всего, окончил Казанский императорский университет.

Одной из главных особенностей корпуса мировых судей в Челябинске в 1880 г. был его «пестрый» социальный состав – около половины мировых судей были дворянами, на втором месте были обер-офицерские дети. Должности мировых судей занимали служащие, преимущественно, имеющие гражданские чины. Среди мировых судей были дети штабс-лекаря, священника и мещанина.

Ещё одной особенностью корпуса мировых судей в Челябинском округе являлось то, что большинство из них были приезжими. Из девяти служащих двое были местными. Один из них родился в Челябинске, а другой после окончания университета был определен в Челябинск, где на момент составления формулярного списка работал в течение 21 года.

Поводя итог, следует подчеркнуть, что нам удалось составить примерный коллективный портрет мировых судей Челябинского округа. Для более комплексного анализа мировых судей в динамике, т. е. на протяжении определенного периода необходимо привлечение дополнительных исторических источников и расширение территориальных рамок исследования до уровня губернии.

Рис. 1. Съезд мировых судей Челябинского уезда. 1893 г.
Источник: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7320956>
Fig. 1. Congress of Justices of the Peace of the Chelyabinsk District. 1893. Source:

<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7320956>

Сведения о мировых судьях Челябинского округа в 1880 году

Таблица 1

Table 1

Information about the justices of the peace of the Chelyabinsk district in 1880

ФИО	Должность	Класс	Годовой оклад, руб.	Год(ы) работы в должности	Источники
Рутковский Осип Викентьевич	Мировой судья 1-го участка Челябинского округа	XII	2700	С 1878	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об. 5
Покровский Владимир Корнильевич	Председатель съезда и мировой судья 2-го участка Челябинского округа	IX	2700	С 1879	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 6 об. 9
Бехтерев Николай Михайлович	Мировой судья 3-го участка Челябинского округа	XII	2700	С 1878	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 11 об. 13
Фирсов Иван Алексеевич	Мировой судья 4-го участка Челябинского округа	Нет	2700	С 1878	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 14-18
Доливо-Добровольский Петр Михайлович	Мировой судья 5-го участка Челябинского округа	XII	2700	С 1878	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 19 об. 23
Ливанов Константин Константинович	Мировой судья 6-го участка Челябинского округа	VIII	2700	С 1878	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 24 об. 28.
Швецов Иван Евдокимович	Мировой судья 7-го участка Челябинского округа	X	2700	С 1879	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 29 об. 31
Буковский Евгений Николаевич	Добавочный мировой судья Челябинского округа	IX	1500	С 1878	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 33 об. 38
Вятковский Андрей Александрович	Врач медицинского участка Оренбургского казачьего войска и почетный мировой судья Челябинского округа	VII	1417 руб. 64,5 коп.	С 1879	ОГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 35. Л. 40 об. 45

Происхождение и возраст мировых судей

Таблица 2

Table 2

Origin and age of justices of the peace

ФИО	Происхождение	Возраст, лет
Рутковский Осип Викентьевич	Из дворян	38
Покровский Владимир Корнильевич	Сын штабс-лекаря	37
Бехтерев Николай Михайлович	Из обер-офицерских детей	28
Фирсов Иван Алексеевич	Сын священника	38
Доливо-Добровольский Петр Михайлович	Из дворян	35
Ливанов Константин Константинович	Из личных дворян	37
Швецов Иван Евдокимович	Из мещан	30
Буковский Евгений Николаевич	Из потомственных дворян	28
Вятковский Андрей Александрович	Из обер-офицерских детей	45

Образование мировых судей

Таблица 3

Table 3

Education of justices of the peace

ФИО	Учебное заведение
Рутковский Осип Викентьевич	Императорский Санкт-Петербургский университет
Покровский Владимир Корнильевич	Императорский Санкт-Петербургский университет
Бехтерев Николай Михайлович	Императорский Казанский университет
Доливо-Добровольский Петр Михайлович	Юридический лицей князя Безбородко
Ливанов Константин Константинович	Императорский Казанский университет
Швецов Иван Евдокимович	Императорский Казанский университет
Буковский Евгений Николаевич	Императорский Казанский университет
Вятковский Андрей Александрович	Университет Святого Владимира в Киеве
Фирсов Иван Алексеевич	Императорский Казанский университет

Таблица 4

Наличие собственности у мировых судей

Table 4

The presence of property in the hands of justices of the peace

ФИО	Наличие имущества и его статус
Рутковский Осип Викентьевич	Благоприобретенное. У отца в Витебской губернии в городе Режице дом и пивоваренный завод
Покровский Владимир Корнильевич	Родовое. Земля 1500 десятин с винокуренным заводом и строения при нем в совместном владении с 4 братьями
Бехтерев Николай Михайлович	У него самого деревянный дом на каменном фундаменте в городе Челябинске
Доливо-Добровольский Петр Михайлович	Благоприобретенное. У родителей дом в городе Вятке
Ливанов Константин Константинович	Нет
Швецов Иван Евдокимович	Благоприобретенное. У отца в городе Томске каменный дом
Буковский Евгений Николаевич	Нет
Вятковский Андрей Александрович	Родовое. В общем владении с другими сонаследниками 1360 десятин земли в Саратовской губернии и уезде, два дома в губернском городе Саратове
Фирсов Иван Алексеевич	Нет

Литература

1. Ефимушкин, В. М. Структура мировых судов Российской империи (по материалам Тульской губернии) / В. М. Ефимушкин // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 190–197.

2. Безобразов, В. П. Мысли по поводу мировой судебной власти / В. П. Безобразов. – М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1866. – 66 с.

3. Филиппов, М. А. Судебная реформа в России: в 2 т. / М. А. Филиппов. – СПб., 1871–1875.

4. Головачев, А. А. Десять лет реформ 1861–1871 / А. А. Головачев. – СПб.: Издание «Вестника Европы», 1872. – 398 с.

5. Березин, В. П. Мировой суд в провинции. Несколько слов о необходимости некоторых изменений в законах о земских и мировых учреждениях / В. П. Березин. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. – 81 с.

6. Корф, Н. А. Мировой суд в провинции. Письмо в редакцию / Н. А. Корф // Вестник Европы. – 1869 – Кн. 10 – С. 913–922.

7. Попов, Я. О. К вопросу о выборах в мировые судьи / Я. О. Попов // Юридический вестник. – 1869. – Кн. 10–11. – С. 8–87.

8. Мороховец, Е. А. Буржуазные реформы 1860 х годов / Е. А. Мороховец, Ш. М. Левин. – М.: Изд-во и 4-я тип. Воен. изд-ва, 1947 (Киев). – 80 с.

9. Ефремова, Н. Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. / Н. Н. Ефремова. – М.: Наука, 1983. – 149 с.

10. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.

11. Литвак, Б. Г. Реформы и революции в России / Б. Г. Литвак // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 85–96.

12. Wortman, R. S. The development of a Russian legal consciousness. – Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1976. – XI, 345 p. – Bibliogr.: P. 323–336.

13. Правосудие на периферии Российской империи: между унификацией и разнообразием / Е. А. Крестьянников и др. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – 560 с.

14. Воропанов, В. А. Сословная судебная система в Оренбургском крае: 1775–1864 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. А. Воропанов. – Челябинск, 2000. – 24 с.

15. Абрамовский, А. А. Окружные суды Южного Урала, 1864–1918 гг.: монография / А. А. Абрамовский, А. М. Юнусов. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 269 с.

16. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – 544 с.

17. Загорский, В. Б. Мои воспоминания: мемуары польского врача о жизни в Челябинске, 1885–1892 гг. / сост., пер. с пол. К. В. Дружинин. – Челябинск, 2021. – 328 с.

18. Юмашева, Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosopografiya-k-voprosu-o-periodizatsii-primeneniya-metoda-v-istoricheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 23.03.2026).

19. Мировой суд. – URL: <http://chel-portal.ru/enc/Мировойсуд> (дата обращения: 10.04.2026).

20. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). – Ф. 59. – Оп. 1. – Д. 35.

21. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: в 4 ч. – СПб., 1864.

22. Немытина, М. В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации / М. В. Немытина // Новый ракурс. – 2019. – № 3. – С. 66–74.

23. Деревскова, В. М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. / В. М. Деревскова // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 21–28.

24. Емелин, С. М. Реализация судебной реформы 1864 года в Уфимской и Оренбургской гу-

берниях / С. М. Емелин, С. Х. Хакимов // Мир политики и социологии. – 2019. – № 7. – С. 70–78.

25. Оренбургские губернские ведомости. – 1878. – 3 июня.

26. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. – URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ucherezhdienie_sudebnyh_ustanovleniy_1864 (дата обращения: 12.04.2026).

27. Козельчук, Т. В. Социальное происхождение чиновников окружных судов и полицейских управлений Тобольской губернии второй полови-

ны XIX начала XX века / Т. В. Козельчук // Вестник Курганского государственного университета. – 2017. – № 1 (44). – С. 13–17.

28. Ежов, В. А. Мировые суды в российском государстве второй половины XIX века / В. А. Ежов // Вестник ОГУ. – 2009. – № 3. – С. 58–65.

29. Ефимушкин, В. М. Должность мирового судьи в Российской империи во второй половине XIX века (по материалам Тульской губернии) / В. М. Ефимушкин // Наука и современность. – 2012. – № 18. – С. 9–13.

Васильев Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), заведующий сектором выставочной работы ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области» (Челябинск), e-mail: dmitriy_archive74@mail.ru. ORCID 0009-0009-1670-1171

Поступила в редакцию 18 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260402

JUSTICES OF THE PEACE OF THE CHELYABINSK DISTRICT IN 1880: AN EXPERIENCE IN CREATING A COLLECTIVE PORTRAIT

D. E. Vasilev^{1,2}

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²United State Archive of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes the social composition of the justices of the peace in the Chelyabinsk judicial district in 1880 to construct a collective portrait of the group. The research employs historical-biographical and prosopographical methods. It utilizes the technique of creating collective portraits – part of the collective biography method – which focuses on identifying a specific group of individuals as the object of research and examining their demographic, social, and cultural characteristics. An analysis of service records from 1880 yielded the information necessary to construct a representative collective social portrait of the Chelyabinsk district justices of the peace. Based on the data obtained, such a portrait was compiled and is presented here. The specific characteristics of the Chelyabinsk district justices were identified by comparing their collective portrait with that of the justices of the peace in Tula Province. The study outlines the social composition of the Chelyabinsk justice of the peace corps in 1880, revealing that they were predominantly married officials, aged 35, who held higher legal education and primarily civil service ranks.

Keywords: judicial system, court, Chelyabinsk judicial and magistrate district, justice of the peace, official, formula list, prosopographical method, biography, collective portrait.

References

1. Efimushkin V.M. Struktura mirovykh sudov Rossiyskoy imperii (po materialam Tul'skoi gubernii) [Structure of Magistrates' Courts in The Russian Empire (on the Basis of Materials of Tula Province)] // *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*. 2013. № 2. P. 190–197.
2. Bezobrazov V.P. Mysli po povodu mirovoy sudebnoy vlasti [Thoughts on the Global Judiciary]. Moscow: University printing house (Katkovi K°), 1866. 66 p.
3. Filippov M.A. Sudebnaya reforma v Rossii [Judicial Reform in Russia]: v 2 t. Saint Petersburg, 1871–1875.
4. Golovachev A.A. Desyat' let reform 1861–1871 [Ten Years of Reforms 1861–1871]. Saint Petersburg: Publication of the “Bulletin of Europe”, 1872. 398 p.
5. Berezin V.P. Mirovoy sud v provincii. Neskol'koslov o neobходимosti nekotorykh izmeneniy v zakonakh o zemskikh i mirovykh uchrezhdeniyakh [Magistrates Court in the Provinces: A Few Words

on the Need for Certain Changes to the Laws on Zemstvo and Magistrates Courts]. Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1883. 81 p.

6. Korf N.A. Mirovoy sud v provincii. Pis'mo v redakciyu [Magistrates Court in the Province. Letter to the Editor] // *Vestnik Evropy*. 1869. Book 10. P. 913–922.

7. Popov Y.O. K voprosu o vyborah v mirovye sud'i [On the Issue of Elections to Justices of the Peace] // *Yuridicheskii vestnik*. 1869. Book. 10–11. – P. 83–87.

8. Morohovec E.A. Burzhuaiznyereformy 1860-kh godov [Bourgeois Reforms of the 1860s]. Moscow: Publishing House and 4th Printing House of the Military Publishing House, 1947 (Kiev). 80 p.

9. Efremova N. N. Ministerstvo yusticii Rossiyskoy imperii 1802–1917 gg. [Ministry of Justice of the Russian Empire 1802–1917]. Moscow: Science, 1983. 149 p.

10. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolucionnoy Rossii [History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: High School, 1983. 352 p.

11. Litvak B.G. Reformy irevol'yucii v Rossii [Reforms and Revolutions in Russia] // *Istoriya SSSR*. 1991. № 2. P. 85–96.

12. Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1976. 345 p.

13. Krest'yannikov E.A. i dr. Pravosudie na periferii Rossiiskoy imperii: mezhdru unifikatsiey i raznoobraziem [Justice on the Periphery of the Russian Empire: Between Unification and Diversity]. Tyumen': TSU Press, 2025. 560 p.

14. Voropanov V.A. Soslovnaya sudebnaya sistema v Orenburgskom krae: 1775–1864 gg. [The Class Judicial System in the Orenburg Region: 1775–1864]. Chelyabinsk, 2000. 24 p.

15. Abramovskiy A.A., Yunusov A.M. Okruzhnye sud'y Yuzhnogo Urala, 1864–1918 gg. [District Courts of the Southern Urals, 1864–1918]: monografiya. Moscow: Yurlitinform, 2013. 269 p.

16. Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar' [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary]. Moscow: Akvilon, 2016. 544 p.

17. Zagorskiy V.B. Moi vospominaniya: memuary pol'skogo vracha o zhizni v Chelyabinske, 1885–1892 gg. [My Memories: A Polish Doctor's Memoirs of Life in Chelyabinsk, 1885–1892]. Chelyabinsk, 2021. 328 p.

18. Yumasheva Y.Y. Prosopografiya: k voprosu o periodizatsii primeneniya metoda v istoricheskikh issledovaniyakh [Prosopography: On the Issue of Periodization of the Application of the Method in Historical Research]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosopografiya-k-voprosu-o-periodizatsii-primeneniya-metoda-v-istoricheskikh-issledovaniyakh> (date of accessed: 23.03.2026).

19. Mirovoi sud [Justices of the Peace]. URL: <http://chel-portal.ru/enc/Mirovoisud> (date of accessed: 10.04.2026)

20. Ob'edinennyy gosudarstvennyy arhiv Orenburgskoi oblasti (OGAEO) [United State Archives of the Orenburg Region (USAOR)]. F. 59. Op. 1. D. 35.

21. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda [Judicial Statutes of November 20, 1864]: v 4 ch. Saint Petersburg, 1864.

22. Nemytina M.V. Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii I formirovaniye yuridicheskoy korporatsii [The Judicial Reform of 1864 in Russia and the Formation of the Legal Corporation] // *Novyy rakurs*. 2019. № 3. P. 66–74.

23. Derevskaya V.M. Prostranstvenno-vremennyye problemy realizatsii sudebnoy reformy 1864 g. [Spatio-Temporal Problems of the Implementation of the Judicial Reform of 1864] // *Sibirskiy yuridicheskii vestnik*. 2014. № 4. P. 21–28.

24. Emelin S.M., Hakimov S.H. Realizatsiya sudebnoy reformy 1864 goda v Ufimskoy i Orenburgskoy guberniyakh [Implementation of the Judicial Reform of 1864 in the Ufa and Orenburg Provinces] // *Mir politiki i sociologii*. 2019. № 7. P. 70–78.

25. Orenburgskie gubernskie vedomosti [Orenburg Provincial Gazette]. 1878. June 3.

26. Uchrezhdeniye sudebnykh ustanovleniy ot 20 noyabrya 1864 g. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/uchrezhdeniye_sudebnykh_ustanovleniy_1864 [Establishment of Judicial Institutions of November 20, 1864] (date of accessed: 12.04.2026).

27. Kozel'chuk T.V. Social'noe proiskhozhdeniye chinovnikov okruzhnykh sudov i policeyskikh upravleniy Tobol'skoy gubernii i vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Social Origins of Officials of District Courts and Police Departments of the Tobolsk Province in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries] // *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 1 (44). P. 13–17.

28. Ezhov V.A. Mirovye sud'y v rossiyskom gosudarstve vtoroy poloviny XIX veka [Magistrates Courts in the Russian State in the Second Half of the 19th Century] // *Vestnik OGU*. 2009. № 3. P. 58–65.

29. Efimushkin V.M. Dolzhnost' mirovogo sud'i v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX veka (po materialam Tul'skoi gubernii) [The Position of Justice of the Peace in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century (Based on Materials from the Tula Province)] // *Nauka i sovremennost'*. 2012. № 18. P. 9–13.

Dmitrii E. Vasilev – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), Head of the Exhibition Sector at the United State Archive of the Chelyabinsk Region (Chelyabinsk), e-mail: dmitriy_archive74@mail.ru

Received May 18, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Васильев, Д. Е. Мировые судьи Челябинского округа в 1880 году: опыт создания коллективного портрета / Д. Е. Васильев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 15–24. DOI: 10.14529/ssh260402

FOR CITATION

Vasilev D. E. Justices of the peace of the Chelyabinsk district in 1880: an experience in creating a collective portrait. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 15–24. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260402

ОТВЕТНЫЙ ДАР В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ОКТЯБРЕ: ЭКОНОМИКА ПРАЗДНИЧНОГО ОБМЕНА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ, 1924–1987 гг.**М. А. Колесников***Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

Актуальность исследования определяется тем, что модель советского праздника как системы обмена дарами (Дж. Брукс, восходящая к М. Моссу) построена на материале центральной печати и не проверялась на уровне региональной хозяйственной практики. Цель статьи – верифицировать эту модель на материале Челябинской области и выявить ее региональные поправки. Материалами послужили документы Челябинского обкома ВКП(б) и городских органов 1924–1961 гг. (планы, постановления, сметы, разрядки), хранящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области и архиве г. Троицка, а также юбилейные номера газеты «Челябинский рабочий» 1927–1987 гг. (сплошная роспись). В рамках исследования применены сравнительно-диахронный метод и критический анализ лексики источников. В результате установлено, что в провинции экономика дара документируется прямо, в формулах «производственных подарков матери-Родине», сметах и обязательствах. Показано, что в 1927 г. обмен был двусторонним и адресным, с середины 1930-х гг. встречный поток стал обязательным и планово исчисленным. Наблюдается, что в 1946 г. праздничные дни превращались в повинность («дни красных обозов»). К 1957–1961 гг. адресатом дара становится городской житель, а к 1987 г. единицей счета приношения оказываются договорные поставки и самофинансирование.

Ключевые слова: советские праздники, годовщина Октябрьской революции, экономика дара, Челябинская область, социалистическое соревнование, праздничная торговля, история повседневности.

Введение

Среди объяснительных моделей советского праздника особое место занимает та, что описывает его как систему обмена. Дж. Брукс предложил читать сталинскую праздничную культуру через московскую логику дара: вождь одаряет народ счастьем, изобилием и самой возможностью труда, народ отвечает благодарностью и сверхплановой продукцией, а публичная культура превращается в непрерывный обмен приношениями [1; 2, р. 83–84]. Модель обладает высокой объяснительной силой, но построена на материале центральной печати, то есть на риторике, а не на хозяйственной практике, и уже поэтому нуждается в проверке там, где приношения действительно производились.

Индустриальная Челябинская область дает для такой проверки почти лабораторные условия. Настоящая статья прослеживает праздничный обмен на южноуральском материале от первых сохранившихся смет 1924 г. до перестроечного юбилея 1987 г. Основной тезис состоит в том, что в провинции экономика дара документируется не косвенно, а прямо, в разрядках, сметах и обязательствах, и что материал заставляет внести в модель две существенные поправки, касающиеся ранней двусторонности обмена и его позднейшего превращения в повинность.

Обзор литературы

Культурно-историческое направление, сложившееся с конца 1980-х гг., перенесло центр тяжести с функции ритуала на его производство. Например, Дж. фон Гельдерн описал раннесоветские праздники и празднества как поле художе-

ственного эксперимента [3], затем Ш. Плаггенборг вписал их в более обширную перестройку культурных ориентиров между революцией и сталинизмом [4], а Э. Кустова показала политику праздника как непрерывный поиск адекватных форм массового зрелища [5].

Можно говорить, что в современной историографии есть неявная полемика. При этом полемизирующие стороны явно приходят к противоположным выводам. Проходит она между М. Рольфом и К. Петроун. Рольф описывает советский массовый праздник как инструмент господства и колониального поглощения повседневности, своего рода «зеркальный зал», где власть наказывает обществу изготовленный ею образ и требует его обратно в виде подтверждения [6]. Петроун настаивает на полифоничности, сталинские торжества были не только и не просто предписанием, а еще пространством, в котором разные группы могли предъявлять и предъявляли собственные интересы. И нередко в таком официальном сценарии обнаруживались зазоры [7, р. 2–5]. Для темы настоящей статьи существенно, что обе модели описывают вертикальный поток, тогда как обмен всегда предполагает встречный.

Методы исследования

Теоретическую рамку исследования составляет московская схема дара, которую Брукс приложил к сталинской публичной культуре [1, с. 152–153, 203]. Праздник в такой оптике предполагает наличие годового цикла взаимного приношения. Важно, что благодарность вождю не существует в категории риторической фигуры,

а является структурно необходимым и ответным движением [2, р. 83–84]. При этом, как подчеркивает Брукс, обмен был асимметричным: ответный дар никогда не покрывал долга, а благодарность лишь подтверждала его неоплатность [2, р. 84, 96]. К этому следует добавить бурдьевское понимание ритуала институционализации: главное в обряде – проведение и освящение социальной границы, причем можно предположить, что граница натурализуется тем прочнее, чем регулярнее воспроизводится [8, с. 243–244]. Порядок колонны, в котором место кодирует заслугу, является прямым приложением этого тезиса. Наконец, А. Байбурин и А. Пиир напомнили, что материальная антропология праздника, то есть праздничная торговля и дефицит, выброшенный к дате, говорит о советской праздничности не меньше, чем идеология [9, с. 248–249, 252–254].

Источниковую основу составляют документы Челябинского обкома ВКП(б) и городских органов: планы и постановления кампаний 1934 и 1935 гг. [10; 11], сметы и ассигнования на празднование 1924–1936 гг. по фондам Р-98, Р-220 и Р-274 [12–14], постановления о предоктябрьском соревновании и «днях красных обозов» 1946 г. [15], документы о соревновании 1947 и 1949 гг. [16], а также план празднования 44-й годовщины Октября, составленный городской комиссией Троицка в 1961 г. [17]. Вторую группу образует сплошная роспись октябрьских номеров «Челябинского рабочего» за 1927, 1947, 1957, 1967, 1977 и 1987 гг. [18–23].

Результаты и дискуссия

Юбилейная кампания 1927 г. обнаруживает раннюю, еще доканоническую форму обмена. На праздник выделяется 10 тыс. рублей «для помощи инвалидам, героям труда, для улучшения питания в больницах и в детучреждениях»; на помощь инвалидам войны и семьям погибших в Гражданскую ассигновано 1845 рублей; деревне Николаевке Варламовского района, которая «особо отличилась в гражданскую войну» и где «партизанили все жители», выделено 200 рублей «за ее заслуги», а сверх того посланы духовой оркестр и кинопередвижка [18]. Одновременно новому поселку у завода Колющенко решено дать имя 10-летия Октября, а окружкому партии рабочие завода готовятся преподнести двухкорпусный плут собственного изготовления [18].

Существенны здесь два обстоятельства. Во-первых, праздничный бюджет работает как инструмент распределения символического долга революции: одаряются те, кто имеет к ней биографическое отношение. Во-вторых, поток двусторонен, власть одаряет заслуженных, предприятие одаряет власть изданием, причем изделие выбрано по профилю завода и потому является одновременно даром и производственной характеристикой дарителя. Именно эта симметрия исчезнет в сталинском варианте, где встречный поток станет

обязательным и планомерно исчисленным. Отдельные сметы и ассигнования на празднование прослеживаются по фондам городских органов начиная с 1924 г. [12–14], что позволяет говорить о непрерывности бюджетной практики задолго до ее идеологического оформления.

Материалы обкома середины 1930-х гг. показывают снабженческую сторону обмена. План XVII годовщины предусматривает завоз в область 50 тыс. метров красного материала с централизованным распределением, выпуск в продажу 2 тыс. «стандартных флагов», завоз детских игрушек, музыкальных инструментов и спортивного инвентаря, обслуживание участников демонстрации «горячими завтраками и холодными закусками» и киносеансы «не только в закрытых помещениях, но и на площадях», с приоритетом для колхозов, закончивших хлебосдачу [10, л. 4–5]. План 1935 г. увеличивает разрядку кумача до 70 тыс. метров, требует погасить к 5 ноября задолженность по зарплате и приурочить «фактическую выдачу в колхозах натуральных доходов по трудодням... к 6 и 7 ноября» [11, л. 17]; в ноябре 1934 г. организуется праздничный базар [14, л. 329, л. 89].

Праздник был, таким образом, днем взаимного расчета в самом буквальном смысле: город получал кумач, игрушки и горячие завтраки, колхозник получал хлеб по трудодням, а власть получала колонну благодарности, порядок которой сам кодировал иерархию заслуг. «Первые места в Октябрьской колонне демонстрации» предписано «предоставить передовым предприятиям, которые выполняют свои задания» [10, л. 9]; в 1935 г. «в передовой колонне демонстрантов идет лучшее по выполнению годового плана предприятие», а на челябинскую демонстрацию приглашаются двести лучших ударников области, в Магнитогорск сто [11, л. 31]. Это бурдьевская идея, где порядок колонны связан с «властью номинации» и распределением «преимущественных прав на церемониях» [8, с. 238–240] и одновременно «смотр достижений» Петроун [7, р. 23, 29] в буквальном, разрядочном исполнении.

Послевоенные документы доводят логику обмена до предельной буквальности. В честь 30-летия Октября комсомольцы и молодежь Кировского завода обязались изготовить сверх плана «комсомольскую колонну в количестве 30 тракторов» к 7 ноября 1947 г., и бюро обкома предписало распространить «почин молодых кировцев», добиваясь, чтобы каждый молодой рабочий и каждая бригада встретили годовщину «производственными подарками матери-Родине» [16]. Двумя годами позже коллектив Уральского автомобильного завода имени Сталина обязался выпустить к 7 ноября 1949 г. сверх плана 550 автомашин и дать 12 млн рублей сверхплановой прибыли [24]. Дар здесь перестает быть метафорой: он исчисляется в тракторах, автомобилях и рублях, а его адресат

назван самым документом, так что моссосско-бруксовская схема подтверждается не реконструкцией, а лексиконом источника [1, с. 135, 138; 2, р. 83–84].

Газета делает эту экономику наглядной и счетной. Юбилейная полоса 1947 г. публикует прямой реестр ответного дара: «107 предприятий области досрочно выполнили годовую программу 1947 года», 41 предприятие завершило одиннадцатимесячный план, 272 завершили десятимесячный, с поименным перечислением заводов [19]. Показательна и сама рубрикация: полоса озаглавлена «Матери-Родине в честь 30-летия Великого Октября!» [19], то есть адресат дара назван газетой прямо и не нуждается в реконструкции.

Отчет о демонстрации 1947 г. разыгрывает обмен как антифон. Шествие открывают школьники, и реплики между трибуной и колонной воспроизводят логику дара с почти учебной наглядностью: «Да здравствуют советские школьники!» звучит с трибуны, «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» несется из рядов [19]. Дар вождя, то есть детство, и ответный дар, то есть благодарность, буквально разыграны как переключки [2, р. 70, 84]. Порядок колонн при этом продолжает кодировать производственный ранг: колонну Тракторозаводского района «венчает красное полотнище с пятью орденами, которыми награжден Кировский завод» [19].

Тот же комплекс документов обнаруживает оборотную сторону праздничной экономики, для которой в столичных моделях места нет. Осенью 1946 г. бюро обкома объявляет декадник по сдаче хлеба с 26 октября по 6 ноября «в честь 29 годовщины» [25], а 4 ноября, вслед за постановлением ЦК ВКП(б), признавшим работу области по хлебозаготовкам плохой, объявляет самые праздничные дни, то есть 6, 7 и 8 ноября, «днями красных обозов». Устанавливается задание вывезти 32 тыс. тонн зерна и обмолотить 33 735 гектаров, автомашины городских предприятий сводятся в колонны по 5–10 машин во главе с руководителями предприятий и секретарями горкомов и райкомов, а уполномоченным обкома «на дни празднования 29-й годовщины» запрещается выезд из районов [15].

Приложения к постановлению переводят это в цифры: по области требовалось вывезти 17 900 тонн на живом тягле и 14 100 на автомашинах, а города отряжали в деревню на 5 ноября семьсот грузовиков, двести из Челябинска (в Каракульский и Аргаяшский районы), сто пятьдесят из Магнитогорска, восемьдесят из Копейска, по несколько десятков из Златоуста, Миасса, Троицка, Кыштыма, Пласта, Каслей и Коркино [15]. Праздник здесь не приостанавливает труд, а мобилизует его с предельной интенсивностью: «пространство ликования» Петроун [7, р. 6, 16–17] в послевоенной деревне оборачивается транспортной операцией, а колонна демонстрантов колонной грузовиков

с хлебом. Сюжет заставляет уточнить и тезис о даре: ответный дар был не только символическим приношением, но и планомерно исчисленной повинностью, невыполнение которой каралось.

Кампания 1957 г. обнаруживает сдвиг, который трудно описать в терминах приношения вождю. «Челябинский рабочий» помещает в предпраздничной полосе заметку «150 свадеб за неделю»: заведующая городским ЗАГСом сообщает, что «в праздник особенно много свадеб», и перечисляет пары, у которых регистрация назначена на 7 ноября [20]. Тогда же публикуется факсимиле заявления смазчика холодноштампового цеха ЧТЗ О. Чертищева: «Скоро 40-я годовщина Великой октябрьской социалистической революции, и я хочу встретить эту великую годовщину вступлением кандидатом в члены КПСС» [20]. Годовщина работает как календарный магнит, к которому притягиваются биографические переходы: брак, вступление в партию, новоселье. Праздник обретает то измерение, которое Байбурин и Пиир описывали через приватную часть (семейную) [9, с. 236], но в более сильной форме, поскольку структурирует не только вечер 7 ноября, но и жизненный путь.

Тот же номер фиксирует предметную сторону юбилея: переход цехов на семичасовой рабочий день «в обстановке большого трудового подъема, вызванного социалистическим соревнованием в честь 40-летия», газификацию квартир металлургов, сдачу 56-квартирного дома в Златоусте [20]. К сороковой годовщине дар вождю окончательно сменяется даром жителю, а «пространство ликования» Петроун [7, р. 16–17] обзаводится жилой площадью и бытовым газом.

Троицкий план 1961 г. позволяет увидеть эту фазу обмена с организационной стороны. Наряду с оформлением зданий и трибуны он предписывает горторготделу и городскому торгу представить комиссии «подробный план по организации праздничной торговли» со сроком к 23 октября, поручает заведующему отделом культуры составить план культурно-массовых мероприятий, «проводимых клубами, красными уголками в праздничные дни», и предусматривает подготовку праздничного концерта, духовой оркестр для обслуживания торжественного заседания и работу буфетов [17]. Комиссия отдельным пунктом обязуется проверить культобслуживание и «работу буфетов» на предприятиях и в учреждениях города в дни с 1 по 5 ноября [17]. Дар жителю расписан здесь по ведомствам и срокам наравне с очисткой тротуаров, и это, пожалуй, самая наглядная фиксация того, что материальная сторона праздника не была ни побочной, ни стихийной.

К пятидесятилетию Октября счет ведется одной цифрой: область отчиталась о сверхплановой продукции «на 112 миллионов рублей», а колонны предприятий шли под памятными знаменами ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, Совета

Министров и ВЦСПС [21]. Экономика дара оформилась в замкнутую систему знаков отличия, где ответный дар вознаграждается уже не благодарностью, а знаменем. К 1977 г. счет ведется в неделях и обязательствах: бригада мастера Н. Волкова с трубопрокатного завода «17 раз выходила победительницей в трудовом соперничестве под девизом «60-летию Октября – 60 ударных недель»» [22]. Годовщина превращается в измерительную шкалу, по которой размечается весь производственный год.

Семидесятилетие показывает, что форма рапорта переживает смену обслуживаемой ею экономической доктрины. Магнитогорск сообщает, что «свыше 13 тысяч рабочих, коллективы более 1100 бригад, смен, участков и цехов рапортовали Родине, Октябрю о выполнении заданий двух лет пятилетки»; в Златоусте отдельно отмечается, что «три предприятия работают в новых экономических условиях» и все выполнили договорные поставки на сто процентов; в Миассе на инструментальном заводе коллектив «переведен на самофинансирование» [23]. Хозрасчет, договорные обязательства и самофинансирование входят в юбилейный отчет на тех же правах, на которых в 1947 г. в него входили тонны и проценты. Приношение продолжает исчисляться, хотя единица счета меняется.

Выводы

Модель Брукса построена на языке центральной печати, и потому в ней всегда оставался риск принять за обмен дарами метафору, которую историк накладывает на риторiku. Южноуральский материал этот риск снимает. В индустриальной области дар не приходится реконструировать: в постановлении бюро обкома сверхплановая продукция прямо названа «производственными подарками матери-Родине», а газета выносит адресата приношения в заголовок полосы. Модель подтверждается в главном, но провинция показывает ее более сложное движение, которое из центральных источников не видно.

Начинался этот обмен как симметричный и адресный. В 1927 г. власть одаряет тех, кто связан с революцией биографией, от инвалидов до партизанской деревни, на что завод отвечает ей плугом собственного изготовления. К второй половине 1930-х гг. симметрия ломается. Теперь встречный, обращенный к вождю поток становится обязательным и планомерно исчисленным. В 1946 г. логика дара и вовсе выворачивается наизнанку: самые праздничные дни объявлены днями красных обозов, и ответное приношение таким образом оборачивается повинностью, за невыполнение которой грозили санкции.

Адресат дара также менялся. В годы войны получателем приношения был фронт, после войны вновь вождь, как в переключке трибуны и колонны 1947 г. К сороковой годовщине получателем стал городской житель, именно для него организована праздничная торговля, а также буфеты, культурное

обслуживание, газ и жилые метры. Троицкий план 1961 г. показывает, что это было работой с исполнителями и сроками, поставленной в один ряд с рутинной работой как очистка тротуаров. Увиденный из сметы и разрядки, советский праздник не укладывается таким образом ни в идею всемогущего канона, ни в чистую литургию. Это прежде всего хозяйство, где приношение исчислялось всегда, а менялась лишь единица счета: от тракторов и тонн хлеба к миллионам рублей сверхплановой продукции, ударным неделям и, наконец, договорным поставкам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20086, <https://rscf.ru/project/26-28-20086/>.

Литература

1. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер. с фр. – М. : Восточная литература, 1996. – 360 с.
2. Brooks, J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War / J. Brooks. – Princeton : Princeton University Press, 2000. – 319 p.
3. Гельдерн, Дж. фон. Праздники большевиков, 1917–1920 / Дж. фон Гельдерн ; пер. с англ. Л. Бурнашевой. – СПб. : Библиороссика, 2026. – 440 с.
4. Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Ш. Плаггенборг ; пер. с нем. – СПб. : Нева, 2000. – 416 с.
5. Кустова, Э. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ / Э. Кустова // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 3 (101). – С. 57–77.
6. Рольф, М. Советские массовые праздники / М. Рольф ; пер. с нем. – М. : РОССПЭН, 2009. – 439 с.
7. Petrone, K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin / K. Petrone. – Bloomington : Indiana University Press, 2000. – 266 p.
8. Бурдые, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Социология социального пространства; пер. с фр. Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2007. – С. 220–254.
9. Байбурин, А. Счастье по праздникам / А. Байбурин, А. Пиир // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 227–258.
10. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). – Ф. П-288. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 4–5, 9.
11. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 1. – Д. 221. – Л. 17, 31.
12. ОГАЧО. – Ф. Р-98. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 76; Д. 1350. – Л. 52; Д. 1874. – Л. 42; Д. 18746. – Л. 83, 102.

13. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 45. – Л. 23, 89; Д. 148. – Л. 136.

14. ОГАЧО. – Ф. Р-274. – Оп. 3. – Д. 329. – Л. 89; Д. 730. – Л. 14; Д. 772. – Л. 6.

15. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 87. – Л. 79–83.

16. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 11. – Д. 70. – Л. 70–71.

17. Архив города Троицка (АГТ). – Ф. 251. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2–3.

18. Челябинский рабочий. – 1927. – 26 октября (№ 243); 29 октября (№ 246); 2 ноября (№ 249); 7 ноября (№ 252).

19. Челябинский рабочий. – 1947. – 2 ноября (№ 218); 5 ноября (№ 220/8441); 10 ноября (№ 222/8443).

20. Челябинский рабочий. – 1957. – 10 октября (№ 238); 16 октября (№ 243); 17 октября (№ 244); 5 ноября (№ 260).

21. Наш труд – Отчизне, народу: в праздничной демонстрации в Челябинске участвовало более четверти миллиона человек // Челябинский рабочий. – 1967. – 8 ноября (№ 264/14429).

22. Челябинский рабочий. – 1977. – 29 октября (№ 256/17476); 6 ноября (№ 263); 8 ноября (№ 265/17485).

23. Челябинский рабочий. – 1987. – 7 ноября; 8 ноября.

24. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 105. – Л. 1–2.

25. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 86. – Л. 3–6.

Колесников Михаил Алексеевич – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kia18273645@yandex.ru. ORCID 0009-0003-9467-5753

Поступила в редакцию 22 сентября 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260403

COUNTER-GIFT IN THE PROVINCIAL OCTOBER: THE ECONOMY OF FESTIVE EXCHANGE IN THE SOUTHERN URALS, 1924–1987

M. A. Kolesnikov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The relevance of the study stems from the fact that the model of the Soviet festival as a system of gift exchange (J. Brooks, drawing on M. Mauss) was built on central press material and has not been tested against regional economic practice. The aim of the article is to verify this model on the material of Chelyabinsk Region and to identify its regional corrections. The sources include documents of the Chelyabinsk regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and city bodies of 1924–1961 (plans, resolutions, budget estimates, allocation orders) held in the United State Archive of Chelyabinsk Region and the Troitsk city archive, as well as a continuous survey of the anniversary issues of the newspaper “Chelyabinskiy rabochiy” for 1927–1987; comparative diachronic analysis and critical analysis of source vocabulary are applied. The results show that in the province the gift economy is documented directly, in formulas of “production gifts to the Motherland”, budget estimates and pledges. In 1927 the exchange was reciprocal and targeted; from the mid-1930s the counter-flow became obligatory and planned; in 1946 the holiday itself turned into a duty (“red convoy days”). By 1957–1961 the urban resident became the addressee of the gift, and by 1987 contract deliveries and self-financing became the unit of account.

Keywords: Soviet festivals, anniversary of the October Revolution, gift economy, Chelyabinsk Region, socialist competition, festive trade, history of everyday life.

References

1. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost: trudy po sotsialnoy antropologii [Societies. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology]. Moscow: East literature, 1996. 360 p.
2. Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000. 319 p.
3. Geldern Dzh. fon. Prazdniki bolshevikov, 1917–1920 [Bolshevik Festivals, 1917–1920]. Saint Petersburg: Bibliorossika, 2026. 440 p.

4. Plaggenborg Sh. Revolyutsiya i kultura: kulturnye orientiry v period mezhdu Oktyabrskoy revolyutsiei i epokhoj stalinizma [Revolution and Culture: Cultural Orientations between the October Revolution and the Stalinist Era]. Saint Petersburg: Neva, 2000. 416 p.
5. Kustova E. Sovetskiy prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelisch [The Soviet Holiday of the 1920s in Search of Masses and Spectacles] // *Neprikosnovennyy zapas*. 2015. № 3 (101). P. 57–77.
6. Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki [Soviet Mass Festivals]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 439 p.
7. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 266 p.
8. Burde P. Duxh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya [The Spirit of the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field] // *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Moscow: Institute experimental sociology; Saint Petersburg: Aleteyya, 2007, P. 220–254.
9. Bayburin A., Piir A. Schaste po prazdnikam [Happiness on Holidays] // *Antropologicheskij forum*. 2008. № 8. P. 227–258.
10. Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-288. Op. 1. D. 43. L. 4–5, 9.
11. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 1. D. 221. L. 17, 31.
12. OGACHO [USACR]. F. R-98. Op. 1. D. 150, 1350, 1874, 1874b.
13. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 45, 148.
14. OGACHO [USACR]. F. R-274. Op. 3. D. 329, 730, 772.
15. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 87.
16. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 11. D. 70.
17. Arkhiv goroda Troitska (AGT) [Archive of the City of Troitsk (ACT)]. F. 251. Op. 1. D. 4.
18. Chelyabinskiy rabochiy. 1927. 26 October. 29 October. 2 November. 7 November.
19. Chelyabinskiy rabochiy. 1947. 2 November. 5 November. 10 November.
20. Chelyabinskiy rabochiy. 1957. 10 October. 16 October. 17 October. 5 November.
21. Nash trud – Otchizne, narodu [Our Labour to the Fatherland and the People]. Chelyabinskiy rabochiy. 1967. 8 November.
22. Chelyabinskiy rabochiy. 1977. 29 October. 6 November. 8 November.
23. Chelyabinskiy rabochiy. 1987. 7 November. 8 November.
24. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 13. D. 105.
25. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 86.

Mikhail A. Kolesnikov – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kia18273645@yandex.ru

Received September 22, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Колесников, М. А. Ответный дар в провинциальном Октябре: экономика праздничного обмена на Южном Урале, 1924–1987 гг. / М. А. Колесников // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 25–30. DOI: 10.14529/ssh260403

FOR CITATION

Kolesnikov M. A. Counter-gift in the provincial October: the economy of festive exchange in the Southern Urals, 1924–1987. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 25–30. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260403

ОТ «ПОСТУПЛЕНИЯ ПО ПРИЗВАНИЮ» К «ПРИВЛЕЧЕНИЮ АБИТУРИЕНТА»: ЭВОЛЮЦИЯ АРГУМЕНТАЦИИ ДЛЯ БУДУЩИХ ИСТОРИКОВ В МНОГОТИРАЖКАХ ДВУХ ВУЗОВ ПЕРМИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН (1986–1994 гг.)

Е. В. Матвеев

Пермский государственный университет, г. Пермь, Российская Федерация

В статье анализируются риторические стратегии самопрезентации исторических факультетов Пермского государственного университета (ПГУ) и Пермского государственного педагогического института (ПГПИ) в период социально-политической трансформации 1986–1994 гг. Источниковую базу исследования составили заметки для абитуриентов в специальных выпусках вузовских газет «Пермский университет» и «Учитель». Эти тексты рассматриваются как инструменты конструирования публичного образа факультета и профессиональной идентичности историка. Автор выявляет два различных дискурсивных пути адаптации к изменяющемуся контексту поздней перестройки и постсоветского времени. Исторический факультет педагогического института избрал социально-ангажированную модель, пройдя эволюцию от образа «учителя-правоведа» (1986) к «борцу за правду» (1989) и «институту национальной памяти» (1993–1995), опираясь в риторике на актуальные общественные тренды. В то же время коллеги из классического университета, напротив, перешли от монументальных тезисов о «высшей квалификации» (1986–1988) через использование дискурса интеллектуальной элитарности (1990) к прагматичному позиционированию исторической специальности как «комплексного гуманитарного образования» (1994). Исследование опровергает распространенное представление о прямой конкуренции вузов: два факультета избегали открытой конфронтации, но вели борьбу за гегемонию в сознании абитуриента, постепенно закрепляя собственные значения за образами «хорошего историка» и «правильного образования».

Ключевые слова: высшее образование, университеты, Пермский университет, Пермский педагогический институт, газета, многотиражка, абитуриенты, поступление, реклама.

Введение

29 октября 2025 г. на канале Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета в одном из мессенджеров вышел пост. Публикация была связана со знаменательной датой в истории вуза – с созданием исторического факультета в октябре 1985 г. Внутри поста находилась фотография символического объекта – свидетельства о рождении нового учебного подразделения. Авторство документа, правда, принадлежало представителям другой институции – коллегам-историкам из Пермского государственного университета им. А. М. Горького. Текст содержал следующее напутствие: «Вы очень хорошо сделали, что открыли у себя курс истории. Не смотрите на тех, кои против сего вопиют или насмеваются: невежество должно унимать или презирать» [1].

Зафиксирую факт: с 1985 г. в Перми работали два факультета, которые готовили профессиональных историков. Отчасти это было восстановлением ситуации, которая существовала до 1955 г., когда исторический факультет ПГПИ влился в историко-филологический факультет ПГУ [2, с. 107]. Теперь же, со второй половины 1980-х гг., оба вуза – Пермский классический университет и Пермский педагогический институт снова параллельно трудились над привлечением абитуриентов. Какие аргументы использовали стороны? Что они пред-

лагали будущим студентам в контексте перемен в стране?

Одним из источников, позволяющих ответить на эти вопросы, является корпоративная периодика – газеты. Они позволяют сформировать представление о научной, учебной и общественной жизни, приоритеты в развитии вузов. В фокусе данного исследования находятся тексты о факультетах, которые содержатся в специальных выпусках для абитуриентов вузовских многотиражек – газет «Пермский университет» и «Учитель». Также важно отметить, что, несмотря на разницу в квалификациях, оба факультета боролись за одну и ту же аудиторию абитуриентов: выпускников школ с одинаковым набором вступительных экзаменов. Это делало выбор альтернативным, а не комплементарным, поэтому их риторические стратегии в газетах можно рассматривать как прямое соревнование за гегемонию в сознании поступающих.

Оба издания выходили в позднесоветский период еженедельно в формате А3. «Пермский университет» включал в себя четыре полосы, «Учитель» же за редким исключением печатался в две. После 1991 г. редакции двух вузов испытывали трудности, поэтому прерывали работу и впоследствии наладили ежемесячный выпуск. Печатный формат газеты, существующий до сих пор в некоторых высших учебных заведениях, например, в том

же Пермском государственном национальном исследовательском университете, являлся инструментом формирования и закрепления образа вуза как для внутренних аудиторий – студентов, преподавателей и сотрудников, так и для внешних, например, для абитуриентов. Спецвыпуски для школьников и других поступающих были рекламной специальностей, возможностей университета и института. Как правило, они выходили в феврале–марте, но были и исключения: например, выпуск «Пермского университета» для абитуриентов в 1987–1988 гг. датирован декабрем 1987 г.

В данной статье я исследую заметки про два истфака на протяжении восьми лет с начала их [3, с. 125] соседства: с 1986 по 1994 г. Исключение составляет этап 1991–1992 гг. – в эти годы оба вуза не печатали газеты для абитуриентов, а в 1995–1996 гг. снова прекратили на несколько лет. В новых условиях вузовская и не только периодика переживала трудные времена без поддержки государства [4, р. 103]. Кроме того, выбор 1994 г. в качестве нижней хронологической границы исследования обусловлен еще и содержательными историческими причинами. Именно в этом году Пермский государственный педагогический институт получил статус университета, что завершило его институциональную трансформацию в рамках рассматриваемого периода. Кроме того, к 1994 г. окончательно оформились постсоветские социально-экономические реалии, а риторика презентационных текстов утратила «перестроечный» пафос, закрепив прагматичные модели позиционирования исторического образования.

Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. стал переходным для системы высшего, в частности, исторического образования. За это время произошла переоценка ценностей и деидеологизация, коммерциализация и создание частных вузов [5, р. 32]. Параллельно шло формирование новых трендов на рынке труда и появление невиданных прежде профессий. Исторические факультеты, которые прежде считались кузницей идеологических кадров, например, теряли свой статус. Следует отметить, что сфера высшего образования находилась в состоянии перманентных изменений с 1985 г. – в этот год началось реформирование системы высшего образования, которое подарило вузам элементы автономии, но забуксовало вместе с перестройкой [6, р. 11].

Анализ риторики рекламных публикаций позволяет не только реконструировать презентационные стратегии учебных подразделений вузов, но и увидеть, как они интерпретировали для будущих студентов бурные общественные трансформации конца 1980 – начала 1990-х гг., предлагая разные модели профессиональной и гражданской идентичности, а также, как адаптировались сами. Одновременно стоит подчеркнуть, что все рассматриваемые тексты, безымянные или с ав-

торской подписью, конечно, были плодами коллективного труда: как минимум, вычитки со стороны команды факультетов и редакций газет, которые встраивали их в общий контекст выпусков, и поэтому были частью общего и сложного образа вузов у абитуриентов.

Основной текст статьи разделен на две части. В первой кратко рассматриваются основные факты истории каждого из факультетов в обозначенный период вместе с характеристиками корпоративных изданий каждого из вузов. Во второй представлены результаты анализа презентационных текстов, выявлены особенности построения образа каждого из факультетов. В завершение статьи представлены выводы.

Обзор литературы

Использование периодической печати и, в частности, газет в качестве источников – традиционный жанр в исторической науке. Изучение конкретно вузовских многотиражек составляет часть исследовательского поля. Здесь удается зафиксировать исследования, которые, например, восстанавливают логику развития периодических изданий в контексте работы высших образовательных учреждений [7–10]. Другие ученые рассматривают газеты как зеркало жизни высшей школы, а также как инструмент политической пропаганды, реализации воспитательной и регулирующей функций, отражением научной и учебной деятельности в вузах [11, 12]. То есть, как правило, авторы анализируют многотиражки как инструмент внутренней коммуникации. Внимание к газетам как информации для внешних аудиторий способно обогатить историографический ландшафт.

Методы исследования

В основе методологии исследования лежит теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, которая позволяет анализировать газетные тексты не как нейтральное отражение реальности, а как поле активной борьбы за значение. Любая социальная практика, включая работу с абитуриентами, имеет дискурсивную природу: значение явлений не является фиксированным, а конструируется через артикуляцию – процесс связывания элементов: слов, образов, концептов в относительно устойчивые, но принципиально незавершенные структуры, которые и являются дискурсом [13, р. 26]. Следовательно, газетная публикация представляет собой попытку временно зафиксировать значение происходящего через выстраивание эквивалентных цепочек и обращение к «узловым точкам» – привилегированным знакам, ключевым категориям, вокруг которых организуется дискурс. Во-первых, концепция позволяет проследить, как одни и те же события или социальные акторы наделяются принципиально разными значениями в зависимости от позиции издания. Во-вторых, введенное авторами понятие «дискурсивного закрытия» дает возможность зафиксировать, каким образом ме-

диа, в данном случае – вузовские газеты, формируют и подают определенную картину мира.

Результаты и дискуссия

Часть первая

Исторический факультет Пермского государственного университета 1980-х гг. включал в себя четыре кафедры: истории СССР досоветского периода, истории советского общества, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории [14]. Сам факультет – один из первых, появившихся вместе с университетом в 1916 г. [15, с. 13] как историко-филологический, – самостоятельным подразделением стал в 1960 г. [16, с. 64]. Ко времени перестройки здесь работали четыре профессора, доктора исторических наук: Л. Е. Кертман, П. Ю. Рахшмир, А. З. Нюркаева и М. И. Черныш. В 1985 г. произошла смена декана: вместо дважды занимавшего данный пост кандидата исторических наук В. В. Мухина коллектив факультета избрал кандидата исторических наук Н. И. Касаткина.

Вторая половина 1980 – начало 1990-х гг. было временем обновления профессорско-преподавательского состава исторического факультета в классическом университете – в этот период на первый план выходили исследователи и преподаватели, которые формировали базу для изменений на факультете и поэтому определяли его образ в дальнейшем. Например, в развитие пермской научной школы всеобщей истории, которую прежде основал доктор исторических наук Л. Е. Кертман, П. Ю. Рахшмир создал Центр исследований по консерватизму. А И. К. Кирьянов, будучи деканом с начала 1990-х гг., был одним из инициаторов введения специальности «Политология» и основания профильной кафедры с 1 сентября 1996 г. [17, с. 19].

Образ педагогического института, который с 1994 г. приобрел статус университета, и исторического факультета на старте в середине 1980-х гг. определял ректор, доктор исторических наук И. С. Капцугович. Прежде он сам окончил ПГУ, под руководством доктора исторических наук, профессора Ф. С. Горового защитился [18, с. 112], а затем дважды избирался деканом историков в классическом университете – в 1966–1973 и 1975–1979 гг. Он был тем человеком, с чьим именем связано формирование традиций факультета [19, с. 67]. С 1979 г. он возглавил ПГПИ. Движение к своему факультету началось в институте с организации на филологическом факультете исторического отделения в 1982 г.

Уже на следующий год помимо действующей кафедры истории СССР появилась кафедра истории [20, с. 37], а вуз стал набирать историков. Тем временем, И. С. Капцугович искал преподавателей для будущего факультета. Базой для набора выступали выпускники альма-матер: например, в 1983 г. ректор педагогического института позвал на работу археолога и выпускника ПГУ, будущего

доктора исторических наук А. М. Белавина [21, с. 64]: «... я пригласил Андрея Михайловича Белавина для работы на историческом отделении нашего вуза. В сентябре 1983 г. на Ученом совете института он был избран ассистентом кафедры истории. С большой неохотой расставалась с ним директор Дворца пионеров А. М. Оленева, и с большим удивлением я потирал руки» [22, с. 263]. Таким же образом первыми преподавателями для будущего исторического факультета стали выпускники ПГУ Н. М. Филатов и Л. А. Лукьянова. К 1985 г. преподавательский состав нового истфака включал в себя как окончивших классический университет, так и работников культурных учреждений, а также специалистов, которые переехали в Пермь из других регионов.

Таким образом, период середины – второй половины 1980-х гг. стал для высшего исторического образования Прикамья временем трансформации. В это время закладывался новый кадровый и научный потенциал в гуманитарной сфере региона, причем процесс обновления и становления шел одновременно как в классическом университете, так и на (вос)создаваемом факультете педагогического вуза. Если в отношении кадрового рекрутинга для нового учебного подразделения руководитель ПГПИ соблюдал принцип *fair play* по отношению к ПГУ, то как два высших учебных заведения позиционировали себя в дальнейшем для будущих студентов в собственной корпоративной печати?

Часть вторая

«История – самое драгоценное достояние человечества, самое великое наследство, которое получает новое поколение от предшествующих и, обогатив новыми историческими изменениями, передает поколениям последующим» [23, с. 3] – с такой реплики начинался информационный блок об историческом факультете в газете «Пермский университет» весной 1986 г. Ключевыми аргументами для абитуриентов выступали традиционность и возраст факультета, наука как основа всего и исследовательская инфраструктура – кабинет истории и археологии Урала, археологический музей. Свое место в тексте занимала информация о практиках: археологической, этнографической, а также о педагогической. Особо автор выделял преддипломную практику – в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда. В завершение вырисовывалась карьерная перспектива для большинства выпускников – работа в средних школах по направлению.

Что в то же время предлагали в педагогическом институте? В первую очередь читатель сталкивался с тезисом о факте рождения нового факультета: «Наш факультет – самый молодой. В 1985 г. он выделился из филологического факультета, где существовал в качестве исторического отделения» [24, с. 2]. Абитуриентов должны

были привлечь практика в школе, пионерских лагерях, в суде и органах внутренних дел, студенческая самодеятельность, обещания по развитию факультета – через разделение единственной кафедры истории на две – истории СССР и всеобщей истории. Другим аргументом стало редкое сочетание профилей в специальности «Историк. Учитель истории. Правовед». Автор текста отмечал: «Факультетов, готовящих специалистов в нашей стране, пока мало» [24, с. 2].

Текст для газеты «Учитель» был подготовлен на тот момент ассистентом А. М. Белавиным, в то время как заметка для «Пермского университета» осталась безымянной. Составители из ПГУ апеллировали к академичности, научности и высокому статусу исследователя, в то время как коллега из ПГПИ привлекал новизной, перспективой и утилитарной пользой. Абитуриенту-десятикласснику образца 1985–1986 уч. г., если он и стоял перед выбором, предстояло сделать выбор не только между историей как наукой и как предметом, но и между традицией, описанной порой в патетическом ключе, и чем-то новым, описание чего напоминало справку.

Важно отметить, что оба текста не позволяют их связать с актуальным политическим контекстом. Следов большой партийной повестки или настроений перестройки здесь не найти. Вероятно, это возможно объяснить тем, что страна находилась в начале изменений и двум факультетам еще только предстояло стать центрами активной общественной жизни в новых условиях поздней перестройки.

В этом отношении интересен поворот настроения посланий для будущих абитуриентов в газете «Учитель» в 1987–1988 гг.: от сухого информационного стиля авторы, а каждая заметка была подписана – в первом случае это была студентка истфака и редактор факультетской газеты «Летопись» Н. Агафонова, во втором – декан В. Шмыров, ушли в сторону эмоциональных оборотов. Например: «Все мы относимся к нашему факультету с особым чувством. Вряд ли среди нас найдется человек, которому он не дорог» [25, с. 3].

Риторика «Учителя» сместилась в сторону «демократического» и корпоративного призыва. Составители текстов отказались от прежней утилитарности и презентовали факультет как дружный и прогрессивный коллектив, где можно себя реализовать. Важным аргументом в этом смысле должно было стать сочетание преподавательской молодости, ведь «средний возраст преподавателя не многим более 30 лет», а также профессионализма, так как «большая часть преподавателей имеет ученые степени и звания» [26, с. 2]. Уклон в сторону коллективного начала, предположу, был одним из ярких маркеров влияния перестройки. Особенно это заметно в сравнении с текстами из газеты «Пермский университет» за тот же период, которые остались неизменными с 1986 г.

Авторы выпуска «Пермского университета» для абитуриентов в 1989 г. изменили подход: вместо презентационных текстов абитуриентов должны были привлекать ответы деканов на экспресс-анкету из десяти вопросов. Например: «Чем особенно интересна ваша специальность? Каковы особенности обучения на факультете? Кто из выпускников добился наивысших успехов?» и т. д.

Особенно выделялся четвертый вопрос, который выводил декана в своих рассуждениях и читателя в сравнение за пределы вузы – «В чем разница обучения в университете и институте» [27, с. 1]. Институт в данном случае – это ПГПИ. Декан истфака классического факультета Н. И. Касаткин ответил на этот вопрос так: «В университете мы готовим историка-педагога, а в институте – педагога-историка» [27, с. 3]. Игра со смысловыми слагаемыми дополнялась следующими аргументами: акцентом на миссию историка, признанием за студенчеством самого привлекательного элемента факультета, расчетом на искренность будущих профессионалов, чтобы студент «не кривил душой». Влиянием перестройки и гласности объясняется признание перегруженности учебного плана и «нищенской» материальной базы факультета. Пожалуй, это первый по хронологии из рассматриваемых текстов «Пермского университета», который написан живым человеческим языком.

Текст для будущих историков в «Учителе» в том же 1989 г. составил заместитель декана – А. В. Вертинский. Помимо традиционного рефрена про самый молодой факультет в вузе, часть аргументов автор подал напрямую в контексте перестройки, когда интерес к истории «приобрел новое качество» [28, с. 2]. Кредо историка здесь – «анализировать прошлое и настоящее объективно, откровенно свидетельствовать правду о тех или иных событиях отечественной и зарубежной истории, активно бороться за восстановление имен ее героев и увековечивание их памяти», а история становится «подлинной школой гражданственности и патриотизма» [28, с. 2]. Также факультет привлекал практикой в школах, возможностью освоения «педагогических технологий», участием в работе клубов, к примеру, по тематике религии и атеизма, а также общественной деятельностью – круглыми столами по актуальной отечественной и зарубежной повестке, постановками театра политических инсценировок «КЛИО».

На следующий год текст об истфаке педагогического института вышел за подписью декана В. А. Шмырова. Он по стилистике был похож на эссе и содержал рассуждения об актуальной роли истории в штормящем мире: «История переживает важнейшие изменения – приобретает гражданственность и достоинство. <...> Историк-специалисты учили студентов – будущих учителей, <...> потому что те выбирали историю сферой своей будущей жизни, а затем они сами уже

учили истории школьников, потому что так было положено, потому что изучение истории предусматривалось школьной программой. А самые любознательные в истории школьники шли на истфак и становились либо учителями истории, либо учеными-историками, и... на этом круг замкнулся» [29, с. 2]. Второй логический блок текста содержал информацию о переходе к индивидуальному факультетскому плану и нарастающей студенческой самостоятельности в учебном процессе как ответе на требования времени.

В выпуске «Пермского университета» для абитуриентов в 1990 г. содержалось прямое обращение к абитуриентам от имени декана Н. И. Касаткина в контексте «переломных лет». Фокус послания смещался с описания факультета на портрет идеального абитуриента. Особый акцент – на психологических качествах: «психологической готовности к ответственности», «уверенности», «убежденности, что человек сам определяет свою судьбу». Переход к индивидуализму и самодостаточности как аргументам для абитуриентов определенно был новеллой для еще советского вуза.

За пять лет риторика посланий для абитуриентов двух истфakov изменилась. Заметки «Учителя» эволюционировали от сухого и плотного справочного текста к эссеистике, от статической фиксации вузовской инфраструктуры к тезисам, подталкивающим читателя к рассуждениям о прошлом, настоящем и будущем в условиях перемен. Контекст перестройки повлиял и на тексты истфака классического университета: вместо неизменной патетики авторы обратили внимание на человека: абитуриента и студента, который объявлялся главной ценностью исторического факультета. В этом отношении, предположу, оба вуза синхронизировались.

В постсоветский период столкнулись с серьезными вызовами, например, с сокращением финансирования [30, с. 48]. Сделав перерыв в два года, вузы на короткое время вернулись к выпуску изданий для абитуриентов. В 1993–1994 гг. тексты «Учителя», во-первых, почти целиком повторяли друг друга, во-вторых, по настроению были похожи на послание абитуриентам 1990 г. Школьников привлекали за счет высокого спроса на специалистов-историков, которые оказались, по мнению автора, востребованы в контексте слома прежних идеологических основ и восхождения «к прошлому через ступени Истины» [31, с. 3]¹. Тема высокой гарантии устройства, предположу, не просто так несколько раз возникает в контексте 1990-х гг. и перемен на рынке труда. Этому способствовали фразы: «Работы много – хватит и для вас», «Наши выпускники трудятся в городских и сельских шко-

лах Прикамья» и т. д. Кроме того, в качестве усиления аргументации в тексте есть фрагмент, связанный с педагогическим составом с референсом к классическому университету: помимо доктора исторических наук, профессора и ректора института И. С. Капцуговича, к работе на истфаке были привлечены преподаватели университета – профессор П. Ю. Рахшмир, доцент В. Н. Унгвицкий [32, с. 2].

Если автор из педагогического института помимо традиционной аргументации про практики, учебный процесс и студенческую жизнь, вводил читателя в широкий контекст востребованности исторического знания на пути из прошлого в будущее, то декан исторического факультета классического университета, кандидат исторических наук И. К. Кирьянов, с самого начала двух почти идентичных текстов образца 1993 и 1994 гг. фиксировал популярность факультета у абитуриентов: «<...> История трудная, но и интересная. Поэтому и конкурс на факультете – один из самых высоких в университете» [33, с. 2]. Структура текста отвечала логике новых времен. Декан и его команда описывали путь от абитуриента к выпускнику, расставляя акценты, которые могли повлиять на выбор школьника: высокий конкурс до, трудная, но насыщенная жизнь в студенческие годы и обладание «самым комплексным гуманитарным образованием» как ключ к «самым разным профессиям» [33, с. 2].

Эта часть статьи была бы неполной без статистики приема. Ежегодно во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. исторический факультет классического университета принимал от 50 до 75 человек на первый курс [34, л. 8]. В среднем конкурс на очное обучение на рубеже десятилетий колебался в пределах 2,6 [35, л. 7] – 7,1 [36, л. 19] человек на место. С введением коммерческого набора с 1991 г. часть абитуриентов становилась студентами на договорной основе сверх бюджета: например, в 1993 г. так поступили четыре человека². Эквивалентный набор был и в педагогическом институте – с 1982 г. ежегодно вуз принимал на первый курс 50 студентов на специальность «история и советское право». К сожалению, педагогический институт не вел подсчет по конкурсу, но сравнение плановых и фактических показателей приема позволяет сделать вывод, что проблем с набором у исторического факультета не было.

Выводы

Два исторических факультета были тесно связаны друг с другом. Воспоминания современников позволяют утверждать, что истфак в педагогическом институте – личный проект И. С. Капцуговича, который сознательно привлекал выпускников и молодые кадры классического университета,

¹ Здесь, вероятно, автор текста, уже на тот момент декан факультета, кандидат исторических наук А. В. Вертинский проявил себя как религиовед и знаток истории Востока.

² В то время как на специальность «юриспруденция» за плату в 1993 г. высшее образование вознамерились получить 125 первокурсников.

чтобы избежать прямого конфликта интересов. Однако это не означало отсутствия выбора для абитуриентов. Напротив, перед поступающими открывались две альтернативы. Но что именно представлял собой этот выбор? Какие варианты профессиональной и личностной идентичности предлагали две образовательные модели?

Ответ на эти вопросы даёт сопоставительный анализ презентационных текстов, выполненный в рамках теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа как инструмента конструирования реальности. Вузы испытывали влияние перемен: актуальная политика врывалась в тексты как через патетику, так и через возможность честно признать недочеты в работе, а также акценты на возможности трудоустройства в новых условиях труда. Дискурс обоих факультетов оказался открыт внешним социальным изменениям, которые нарушали его замкнутость. Одновременно два вуза, презентуя образы факультетов для будущих историков, редко соприкасались, либо ставя на вид разницу между историком-педагогом и педагогом-историком, либо привязываясь к И. С. Капцуговичу как к успешному выпускнику и одновременно единственному профессору-историку на «самом молодом факультете» института. Его фигура в данном случае выступает как «плавающее означающее», которое используется для легитимации противоположных стратегий: в одном случае как символ преемственности с классическим университетом, в другом – как преимущество и важный ресурс нового факультета. Но, соблюдая нейтралитет в публичном пространстве как изначальное условие, каждый истфак проделал свой путь, который позволил усилить и закрепить сложный образ каждого вуза.

Вынесенная в заголовок оппозиция «от поступления по призванию к привлечению абитуриента» получила в исследовании эмпирическое подтверждение. Авторы заметок в газете «Пермский университет» артикулировали, выстраивали образ факультета, проделав путь от академичности и неизменности позиции к вниманию к человеку – абитуриенту–студенту–выпускнику. Команде педагогического института поначалу было не на что опираться, поэтому они предлагали абитуриентам новые возможности «самого молодого в институте» факультета. Однако этот вектор впоследствии сменился предложением встроиться благодаря учебе в ПГПИ в процесс переосмысления истории, принять на себя особую и востребованную в новом моменте миссию историка и занять субъектную позицию исследователя или преподавателя в пространстве прошлого–настоящего–будущего.

Таким образом, если дискурс классического университета двигался в сторону гуманизации и «внимания к человеку», что можно интерпретировать как попытку ухода от абстрактной академичности, то дискурс педагогического вуза, напротив, эволюционировал от простого предло-

жения «нового» к наделению абитуриента субъектной позицией – то есть к попытке дискурсивного закрытия, где смысл обучения фиксируется вокруг высокой миссии служения истории. Оба факультета вели борьбу за гегемонию в сознании абитуриента, но не через прямую конфронтацию, а через постепенное закрепление своих значений за образами «хорошего историка» и «правильного образования».

Литература

1. Пост в группе «Пермский педагогический» («Сегодня исторический факультет празднует юбилей. Ему исполняется 40 лет!») от 31.10.2025. – URL: <https://t.me/psphu/6618> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Гаузова, Т. А. Имя в истории Пермского края / Т. А. Гаузова, Л. А. Обухов // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2021. – № 3. – С. 106–109.
3. Тажидиноva, И. Г. «Страсти по перестройке» в памяти и судьбах выпускников исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (на материалах интервью) / И. Г. Тажидиноva // Южнороссийский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 123–136.
4. Ciasquin, F. Russian Periodicals and Newspapers / F. Ciasquin // The Serials Librarian. 1998. Vol. 35. № 4. – P. 95–103.
5. Prokopchuk, A. Reforming the Russian higher education system / A. Prokopchuk // Higher Education in Europe. – 1994. – Vol. 19. – № 4. P. 31–36.
6. Avis, G. The Soviet Higher Education Reform: proposals and reactions / G. Avis // Comparative Education. – 1990. – Vol. 26. – № 1. – P. 5–12.
7. Ильина, М. В. Университетские печатные издания Иркутска 1918–1941 гг. / М. В. Ильина // Известия лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17, № 3 (40). – С. 208–218.
8. Кодола, Н. В. История страны через призму вузовской прессы: к 150-летию МПГУ / Н. В. Кодола // Медиа-2022: теория и практика: к 150-летию МПГУ : материалы II международной научно-практической конференции ; под общ. ред. Т. Н. Владимировой, В. А. Славинной, Н. В. Кодола. – М. : Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 28–32.
9. Сальникова, А. А. Газета «обновление» (1906) как источник по истории Казанского университета / А. А. Сальникова, Л. А. Сыченкова // Диалог со временем. – 2025. – № 91. – С. 378–392.
10. Прохоров, А. В. Ретроспектива развития отечественных вузовских изданий в 1920–50-х гг. / А. В. Прохоров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 126–129.
11. Ештыганова, С. С. Многотиражная периодическая печать Марийского государственного университета как исторический источник / С. С. Ешты-

ганова, А. А. Иванова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2020. – № 4. – С. 339–346.

12. Чемякин, Ю. В. Периодика университета: веки истории / Ю. В. Чемякин // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 3. – С. 25–36.

13. Jørgensen, M. Discourse Analysis as Theory and Method / M. Jørgensen, L. Phillips. – London : SAGE Publications, 2002. – 230 p.

14. Пермский Ордена Трудового Красного знамени государственный университет имени А. М. Горького (брошюра). – Пермь : Пермская ордена Трудового Красного Знамени печатная фабрика Гознака, 1986.

15. Пермский государственный университет имени А. М. Горького. Исторический очерк. 1916–1966 / под общ. ред. доктора исторических наук профессора Ф. С. Горового. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1966. – 292 с.

16. Пермский университет. Первые сто лет. Т. 2: Университет в новом веке. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. – 268 с.

17. Пермский государственный университет. Проспект. – Пермь : ПРЕСС-ЦЕНТР, 1996. – 100 с.

18. Рушанин, В. Я. К вопросу о ректорском корпусе уральских высших учебных заведений / В. Я. Рушанин // Двадцать третий Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Русская духовная культура: ценности и смыслы Традиции, Творчества, Созидания : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Челябинск, 2025. – С. 109–118.

19. Костицын, В. И. Профессора Пермского университета / В. И. Костицын. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – 452 с.

20. Капцугович, И. С. Пермский педагогический в судьбах людей. Книга первая / И. С. Капцугович. – Пермь : Книжный мир, 2006. – 373 с.

21. Белавин, А. М. Камская археолого-этнографическая экспедиция за двадцать пять лет / А. М. Белавин // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2008. – № 5. – С. 63–70.

22. Капцугович, И. С. Пермский педагогический в судьбах людей. Книга третья. / И. С. Капцугович. – Пермь : Книжный мир, 2011. – 310 с.

23. Пермский университет (Пермь). – 1986. – 18 марта. – № 10–11.

24. Учитель (Пермь). – 1986. – 26 марта. – № 10.

25. Учитель (Пермь). – 1987. – 25 марта. – № 8–9.

26. Учитель (Пермь). – 1988. – 3 февраля. – № 4–5.

27. Пермский университет (Пермь). – 1989. – 24 марта. – № 12.

28. Учитель (Пермь). – 1989. – 29 марта. – № 13–14.

29. Учитель (Пермь). – 1990. – 7 февраля. – № 3–4.

30. Фокин, А. А. От советского – к глобальному: переосмысление университетов и формирование научно-технических кластеров / А. А. Фокин // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2025. – № 4 (71). – С. 39–51.

31. Учитель (Пермь). – 1994. – 23 марта. – № 3.

32. Учитель (Пермь). – 1993. – 24 марта. – № 3.

33. Пермский университет (Пермь). – 1993. – Март. – № 5.

34. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-180. Оп. 14 т. 1. Д. 27.

35. ГАПК. – Ф. Р-180. – Оп. 14 т. 1. – Д. 416.

36. ГАПК. – Ф. Р-180. – Оп. 12 т. 6. – Д. 12882.

Матвеев Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь), e-mail: matveev757@mail.ru. ORCID 0000-0002-4002-8601

Поступила в редакцию 18 февраля 2026 г.

FROM “ADMISSION BY CALLING” TO “ATTRACTING AN APPLICANT”: THE EVOLUTION OF ARGUMENTATION FOR FUTURE HISTORIANS IN THE CORPORATE NEWSPAPERS OF TWO PERM UNIVERSITIES DURING THE ERA OF CHANGE (1986–1994)

E. V. Matveev

Perm State University, Perm, Russian Federation

This article analyzes the rhetorical strategies of self-presentation at the history departments of Perm State University (PSU) and Perm State Pedagogical Institute (PSPI) during the sociopolitical transformation of 1986–1994. The source material consists of notices for applicants in special issues of the university newspapers “Perm University” and “Teacher”, which are considered tools for constructing the public image of the department and the professional identity of historians. The author identifies two different discursive paths of adaptation to the changing context of late perestroika and the post-Soviet period. The history department of the Pedagogical Institute chose a socially engaged model, evolving from a “teacher-legalist” (1986) to a “fighter for truth” (1989) and an “institute of national memory” (1993–1995), promptly incorporating current social trends into its rhetoric. Colleagues from the classical university, by contrast, moved from the monumental rhetoric of “highest qualifications” (1986–1988) through the discourse of intellectual elitism (1990) to the pragmatic positioning of history as a “comprehensive humanities education” (1994). Contrary to the widespread notion of direct competition, the study shows that both faculties avoided open confrontation but fought for hegemony in the minds of applicants, gradually cementing their own values behind the images of the “good historian” and the “proper education”.

Keywords: higher education, universities, Perm University, Perm Pedagogical Institute, newspaper, large-circulation newspaper, applicants, admission, advertising.

References

1. Post v gruppe “Permskii pedagogicheskii” (“Segodnya istoricheskii fakul’tet prazdnuet yubilej. Emu ispolnyaetsya 40 let!”), 31.10.2025 [Publication in the Perm Pedagogical Group (“Today the History Department is Celebrating its Anniversary. It’s Turning 40!”) from October 31, 2025]. URL: <https://t.me/pshpu/6618> (date of accessed: 15.02.2026).
2. Gauzova T.A., Obukhov L.A. Imya v istorii Permskogo kraja [A Name in the History of the Perm Region] // *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021. № 3. P. 106–109.
3. Tazhidinova I.G. “Strasti po perestroike” v pamyati i sud’bakh vypusnikov istoricheskogo fakul’teta Kubanskogo gosuniversiteta 1992 i 1993 gg. (na materialakh interv’yu) [“Passions for Perestroika” in the Memories and Fates of Graduates of the History Department of Kuban State University in 1992 and 1993 (Based on Interviews)] // *Yuzhnorossiiskii zhurnal sotsial’nykh nauk*. 2019. T. 20, № 1. – P. 123–136.
4. Ciasquin F. Russian Periodicals and Newspapers // *The Serials Librarian*. 1998. Vol. 35. № 4. P. 95–103.
5. Prokopchuk A. Reforming the Russian Higher Education System // *Higher Education in Europe*. 1994. Vol. 19. № 4. P. 31–36.
6. Avis G. The Soviet Higher Education Reform: Proposals and Reactions // *Comparative Education*. 1990. Vol. 26. № 1. P. 5–12.
7. Il’ina M. V. Universitetskie pechatnye izdaniya Irkutsk 1918–1941 gg. [University Printed Publications of Irkutsk 1918–1941] // *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2021. T. 17, № 3 (40). P. 208–218.
8. Kodola N.V. Istoriya strany cherez prizmu vuzovskoi pressy: k 150-letiyu MPGU [The Country’s History through the Prism of University Press: on the 150th Anniversary of Moscow Pedagogical State University] // *Media-2022: teoriya i praktika: k 150-letiyu MPGU: materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii; pod obsh. red. T.N. Vladimirovoi, V.A. Slavinoi, N.V. Kodola*. Moscow. 2022. P. 28–32.
9. Sal’nikova A.A., Sychenkova L.A. Gazeta “Obnovlenie” (1906) kak istochnik po istorii Kazanskogo universiteta [The Newspaper “Obnovlenie” (1906) as A source on the History of Kazan University] // *Dialog so vremenem*. 2025. № 91. P. 378–392.
10. Prokhorov A.V. Retrospektiva razvitiya otechestvennykh vuzovskikh izdaniy v 1920–50-kh gg. [Retrospective of the Development of Domestic University Publications in the 1920–50s] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2021. № 3. P. 126–129.

11. Eshtyganova S.S., Ivanova A.A. Mnogotirazhnaya periodicheskaya pechat' Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta kak istoricheskii istochnik [Large-Circulation Periodical Press of the Mari State University as a Historical Source] // *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki"*. 2020. № 4. P. 339–346.
12. Chemyakin Yu.V. Periodika universiteta: vekhi istorii [University Periodicals: Milestones in History] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. № 3. P. 25–36.
13. Jørgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. London: SAGE Publications, 2002. 230 p.
14. Permskii Ordena Trudovogo Krasnogo знамени gosudarstvennyi universitet imeni A.M. Gor'kogo [Perm State University Named after A. M. Gorky]. Perm, 1986.
15. Permskii gosudarstvennyi universitet imeni A.M. Gor'kogo. Istoricheskii ocherk. 1916–1966 [Perm State University Named after A. M. Gorky. Historical Essay. 1916–1966] / pod obs. red. doktora istoricheskikh nauk professora F.S. Gorovogo. Perm, 1966. 292 p.
16. Permskii universitet. Pervye sto let. T. 2: Universitet v novom veke [Perm University. The First Hundred Years. Vol. 2: The University in the New Century. Perm]. Perm': Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. 2018. 268 p.
17. Permskii gosudarstvennyi universitet. Prospekt [Perm State University. Prospectus]. Perm: Press-Center, 1996. 100 p.
18. Rushanin V.Ya. K voprosu o rektorskom korpuse ural'skikh vysshikh uchebnykh zavedenij [On the Issue of the Rectors' Corps of the Ural Higher Educational Institutions] // *Dvadtsat' tretii Slavyanskii nauchnyi sobor "Ural. Pravoslaviye. Kul'tura"*. *Russkaya dukhovnaya kul'tura: tsennosti i smysly traditsii, tvorchestva, sozidaniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Chelyabinsk, 2025. P. 109–118.
19. Kostitsin V.I. Professora Permskogo universiteta [Professors of Perm University]. Perm: Perm State National Research University, 2017. 452 p.
20. Kaptugovich I.S. Permskii pedagogicheskii v sud'bakh lyudei. Kniga pervaya [Perm Pedagogical Institute in the Fates of People. Book One.]. Perm: Book World, 2006. 373 p.
21. Belavin A.M. Kamskaya arkhologo-etnograficheskaya ekspeditsiya za dvadtsat' pyat' let [Kama Archaeological and Ethnographic Expedition for Twenty-Five Years] // *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. 2008. № 5. P. 63–70.
22. Kaptugovich I.S. Permskii pedagogicheskii v sud'bakh lyudei. Kniga tret'ya [Perm Pedagogical Institute in the Fates of People. Book Three.]. Perm: Book World, 2011. 310 p.
23. Permskii universitet (Perm) [Perm University (Perm)]. 1986. March 18. № 10–11.
24. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1986. March 26. № 10.
25. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1987. March 25. № 8–9.
26. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1988. February 3. № 4–5.
27. Permskii universitet (Perm) [Perm University (Perm)]. 1989. March 24. № 12.
28. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1989. March 29. № 13–14.
29. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1990. February 7. № 3–4.
30. Fokin A.A. Ot sovetskogo – k global'nomu: pereosmyslenie universitetov i formirovanie nauchno-tekhnicheskikh klasterov [From Soviet to Global: Rethinking Universities and the Formation of Scientific and Technical Clusters] // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2025. № 4 (71). P. 39–51.
31. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1994. March 23. № 3.
32. Uchitel' (Perm) [Teacher (Perm)]. 1993. March 24. № 3.
33. Permskii universitet (Perm) [Perm University (Perm)]. 1993. March. № 5.
34. Gosudarstvennyj arkhiv Permskogo kraja (GAPK) [State Archives of Perm Krai (SAPK)]. F. R-180. Op. 14 t. 1. D. 27.
35. GAPK [SAPK]. F. R-180. Op. 14 t. 1. D. 416.
36. GAPK [SAPK]. F. R-180. Op. 12 t. 6. D. 12882.

Evgeny V. Matveev – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Historical Research, Perm State National Research University (Perm), e-mail: matveev757@mail.ru

Received February 18, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Матвеев, Е. В. От «поступления по призыванию» к «привлечению абитуриента»: эволюция аргументации для будущих историков в многотиражках двух вузов Перми в эпоху перемен (1986–1994 гг.) / Е. В. Матвеев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 31–40. DOI: 10.14529/ssh260404

FOR CITATION

Matveev E. V. From “admission by calling” to “attracting an applicant”: the evolution of argumentation for future historians in the corporate newspapers of two Perm universities during the era of change (1986–1994). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 31–40. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260404

ИСТОРИЯ ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО СОВРЕМЕННОГО ВИРТУАЛЬНОГО МЕДИАОБРАЗА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

И. В. Сибиряков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Цель статьи – выявление и анализ основных сюжетов, связанных с историей города Челябинска, которые присутствуют в социальной сети «ВКонтакте» и используются или могут быть использованы при формировании современного виртуального медиаобраза города. В результате исследования установлено, что визуальные материалы, составляющие основу современного виртуального медиаобраза и связанные с историей Челябинска, можно в первую очередь обнаружить на тех страницах социальной сети, которые связаны с деятельностью государственных учреждений, работающих в сфере культуры, на страницах общественных объединений / виртуальных сообществ, в составе которых есть как профессиональные, так и непрофессиональные историки, на страницах любителей краеведения. Обнаружено, что материалы, представленные некоторыми государственными учреждениями (в первую очередь Объединенным государственным архивом Челябинской области), по-прежнему наиболее активно используют те сюжеты из истории города, что связаны с Великой Отечественной войной, сохраняя и модернизируя традиционный «советский» образ города, который внес важный вклад в победу над врагом. При этом часть государственных учреждений, многие общественные объединения и челябинские краеведы отдают предпочтение сюжетам, связанным с повседневной историей города в XX веке, с социальными практиками обычных горожан, с развитием культуры.

Ключевые слова: краеведение, медиаобраз города, повседневная жизнь города, социальные сети.

Введение

Важность формирования в современном информационном пространстве позитивного образа города признается сегодня многими политиками, бизнесменами, учеными [1, 2]. Однако практическое решение этой задачи часто наталкивается на целый ряд препятствий, связанных с острой конкуренцией, существующей в информационном пространстве между отдельными странами, регионами и городами, с изменениями в технологиях получения, распространения и восприятия информации, со сложными трансформационными процессами, происходящими внутри многих современных городов. Необходимость преодоления этих препятствий придает исследованию медиаобразов городов особую актуальность.

Важнейшим элементом современного информационного пространства являются социальные сети. Именно социальные сети служат для многих современных молодых людей одним из главных источников информации не только об актуальных проблемах региона, в котором они проживают, но и о его прошлом. Это касается в первую очередь мегаполисов, где в силу различных социальных (в том числе миграционных) процессов формируются значимые социальные группы, для которых такой город не является «малой родиной», а его история либо известна поверхностно, либо совсем неизвестна. «Незнание» истории города проживания формирует особые (часто агрессивные) модели поведения молодежи в этом городе. Не менее серьезные пробле-

мы, связанные с восприятием прошлого, существуют и у тех групп молодежи, которые родились, выросли и работают в своих «родных» городах. Все это делает изучение механизмов конструирования представлений молодежи об истории региона проживания очень важной и актуальной задачей. Одной из самых популярных и доступных в России социальных сетей является сеть «ВКонтакте» (далее «ВК»). Сегодня это уже не просто площадка для обмена сообщениями и фотографиями, а многофункциональная платформа (экосистема), которая объединяет в себе элементы мессенджера, видеохостинга, сайта знакомств, маркетплейса и т. д. Ее ежемесячная аудитория, по подсчетам экспертов, составляет почти 95 млн человек, а ежедневная аудитория, по данным самой компании, превышает 81 млн человек [3]. Ядро аудитории составляют молодые люди в возрасте от 25 до 44 лет, то есть в основном завершившие процесс получения образования и обладающие социально значимым жизненным опытом. Среднее время пребывания в сети одного пользователя составляло в 2025 г. 64 минуты в сутки. На страницах сети «ВК» можно встретить разнообразную информацию, посвященную истории города Челябинска. Цель данной статьи – выявить и проанализировать основные сюжеты, связанные с историей Челябинска, которые присутствуют или могут быть использованы при формировании современного виртуального медиаобраза города.

Обзор литературы

Над решением широкого круга проблем, связанных с конструированием и восприятием современных медиаобразов городов активно работает множество зарубежных [4, 5] и отечественных ученых [6–8]. Богатая традиция изучения образов городов, у истоков которой стоял К. Линч, получила дальнейшее развитие в трудах К. Линдера, Р. Флорида, Д. Харви и т. д. По мере развития российских «новых медиа» к исследованиям медиаобразов городов подключились и отечественные ученые. Показательно, что среди исследователей медиаобразов городов нашли свое место специалисты по урбанистике, коммуникациям, визуальной культуре и многие другие специалисты в области социально-гуманитарных наук.

За последние годы усилиями отечественных ученых была разработана теоретическая модель вербального имиджа города в социальных медиа [9], исследован образ города как социальный феномен [10], проанализированы возможности сторителлинга как одного из инструментов формирования медиаобраза [11], а также решена часть других проблем, связанных с феноменом медиаобраза города. Среди российских городов, чей медиаобраз уже неоднократно становился предметом научного анализа, можно выделить в первую очередь такие города, как Екатеринбург, Красноярск, Омск. Несколько публикаций, сделанных в последние годы, посвящены медиаобразу Челябинска [12, 13]. Важно подчеркнуть, что многие исследователи структуры современного медиаобраза города не находят в этой структуре места для сюжетов, связанных с его историей. Возможно, это связано с тем, что данная линия в социально-гуманитарных исследованиях на сегодняшний день проработана очень слабо.

Методы исследования

Помимо традиционных для изучения медиаобразов методов (дискурс-анализ, case study, контент-анализ) в данной работе использовался и метод мультимодального анализа, который предполагает согласованное исследование визуальной и текстовой информации.

Результаты и дискуссия

Контент, размещенный в социальной сети «ВК» и связанный с историей Челябинска, условно можно разделить на несколько больших групп. Первую составляют материалы, размещенные на страницах государственных учреждений культуры, чья деятельность связана с сохранением исторического (в первую очередь культурного) наследия края. Каждое из таких учреждений имеет свою страничку в социальной сети «ВК», где присутствуют сюжеты, связанные с историей Челябинска. Особое место среди таких учреждений занимают Государственный исторический музей Южного Урала (далее ГИМЮУ), Центр историко-культурного наследия г. Челябинска (ЦИКНЧ)

и Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Для каждого из этих учреждений задача сохранения, изучения и популяризация истории Южного Урала является одной из наиболее важных в их повседневной практической деятельности.

На страницу ГИМЮУ в социальной сети «ВК» подписано на 1.07.2026 г. 18682 человека. Это один из самых высоких показателей для учреждений культуры в Челябинске. На этой странице за период с 01.01.2026 по 01.07.2026 г. нам удалось обнаружить почти 30 материалов, в названиях или в анонсах которых встречались слова «Челябинск» или «челябинский». Показательно, что наибольшее число из этих материалов было посвящено челябинским художникам, юбилеям деятелей культуры, выставочным проектам музея. Абсолютным фаворитом среди данных материалов стал цикл лекций искусствоведа М. Н. Аникиной «Художники Челябинска XX век». Он же вызвал наибольшее число положительных реакций, зафиксированных на странице музея в социальной сети «ВК». В общей сложности там было размещено 23 материала, связанных с этим циклом лекций, которые получили 1467 «лайков», 29 комментариев, 267 перепостов. Еще 5 материалов, посвященных художникам Челябинска и размещенных на странице музея в исследуемый период, не были связаны с циклом лекций М. Н. Аникиной. На втором месте по частоте размещения на странице музея оказались сюжеты, связанные с днями рождения либо отдельных известных горожан (В. С. Божье, П. И. Сумина и др.), либо городских транспортных средств («День рождения челябинского трамвая» и др.), либо отдельных учреждений («Первое представление в челябинском цирке» и др.). Показательно, что за 6 месяцев 2026 г. на странице музея в социальной сети «ВК» был размещен только один материал, посвященный истории челябинской промышленности, а именно Челябинскому тракторному заводу. На наш взгляд, такой информационный дисбаланс может способствовать формированию у пользователей контента музея нового представления о Челябинске в первую очередь как о центре изобразительного искусства / культуры и лишь в последнюю очередь как о промышленном центре. Безусловно, на странице музея в «ВК» можно обнаружить большое количество материалов, посвященных развитию промышленности, культуры, науки Южного Урала, что соответствует стратегическому направлению деятельности музея, который позиционирует себя как центр сохранения исторического наследия именно Южного Урала, как «настоящее хранилище объектов историко-культурного наследия нашего края, место, где каждый желающий может погрузиться в прошлое и узнать о том, как был сформирован «опорный край державы»» [9]. Но в результате сюжеты, связанные с историей

непосредственно Челябинска, отошли на второй и даже на третий план информационной повестки и стали таким образом менее привлекательными для посетителей страницы музея в социальной сети «ВК». Возможность для перехода пользователя со страницы музея в социальной сети на его собственный информационный ресурс позволяет частично исправить ситуацию, но при этом не решает проблему полностью. На заглавной странице ресурса и в названиях его разделов на 01.07.2026 г. слово «челябинский» встречается один раз в названии Министерства культуры Челябинской области, а слово «Челябинск» не встречается ни разу.

У Объединенного государственного архива Челябинской области в сети «ВК» на 1.07.2026 г. было 5530 подписчиков. За период с 01.01.2026 по 01.07.2026 г. на страничке архива нами было обнаружено 63 материала, в названиях которых и в соответствующих анонсах присутствовали слова «Челябинск» или «челябинский». Показательно, что главными историческими сюжетами на страничке архива стали сюжеты, посвященные истории Великой Отечественной войны (24 сюжета), и сюжеты, посвященные челябинским деятелям науки и культуры (14 сюжетов). Наибольшее количество «лайков» из этих сюжетов получили сюжеты, посвященные Е. П. Туровой, ветерану ОГАЧО (203 «лайка» 28 комментариев и 16 репостов) [10], и анонс публикации Н. А. Антипина «Инструкция комиссару. В крепостях крестьян обучали военному делу», посвященный эпохе основания Челябинска, Чебаркуля и села Миасское, получивший 266 лайков, 5 комментариев и 74 репоста [11].

Так же, как и на странице ГИМЮУ, на странице архива есть сюжеты, посвященные истории челябинских заводов (всего 1 сюжет по истории ЧТЗ), государственных учреждений и общественных организаций. Достаточно много публикаций, посвященных историческим аспектам деятельности самого архива (6 сюжетов), разного рода праздничным датам и мероприятиям (например, юбилею челябинской авиации), социальным конфликтам (например, восстанию под предводительством Е. Пугачева). В отличие от странички ГИМЮУ на странице архива есть материалы, посвященные истории местной епархии Русской Православной Церкви. То есть в данном случае для пользователя этого контента образ Челябинска становится более сложным и включает в себя существенную «военно-историческую» составляющую.

На страницу Центра историко-культурного наследия г. Челябинска в социальной сети «ВК» на 01.07.2026г. было подписано 5270 человек. Учредителем Центра является Комитет по культуре г. Челябинска. За период с 01.01.2026 по 01.07.2026 г. на его странице было размещено 29 материалов, в названиях которых или в аннотации к которым встречались слова «Челябинск» или «челябинский». Традиционно чаще других эти

термины использовались в названиях лекций, курсов, при проведении экскурсий. Особенностью страницы ЦИКНЧ в социальной сети «ВК» можно назвать относительно большое число поздравлений, связанных с юбилейными датами челябинских историков (В. С. Боже), археологов (В. И. Юрина), краеведов (Ф. И. Горбунова, Н. А. Капитонова) и др. За исследуемый период в общей сложности было обнаружено 6 таких поздравлений. Самым популярным материалом по данной проблематике оказалось поздравление В. С. Боже, создателю ЦИКНЧ, которое получило 125 «лайков», 5 комментариев, 6 репостов. Особо можно выделить тот факт, что на странице ЦИКНЧ были размещены материалы, посвященные челябинским художникам Ю. И. Данилову и Л. А. Дружинину [12, 13], которые сопровождались яркими иллюстрациями, способными привлечь внимание многих читателей.

Вторую группу материалов, связанных с историей Челябинска, составляют публикации, размещенные на страницах негосударственных организаций и обществ, объединивших людей, изучающих и пропагандирующих историю Челябинска. Одним из таких объединений, представленных в сети «ВК», является объединение «Челябинский квадрат», которое, по словам его создателей («профессиональных историков, любящих свой город и занимающихся его историей»), стремится «показать город интересным и уникальным для его жителей и гостей» [14]. На 01.07.2026 г. у этого объединения в сети «ВК» было 910 подписчиков. Проект представлен в сети «ВК» с октября 2024 г. За период с 01.01.2026 по 01.07.2026 г. его создатели разместили на своей странице в сети «ВК» 85 материалов, которые условно можно разделить на следующие группы: коммерческая реклама: например, реклама набора открыток «Челябинск в акварелях» (12 постов) или реклама мерчей, содержащих изображения или высказывания, посвященные Челябинску (24 поста), поздравления с праздниками как религиозными, так и государственными (5 постов), изображения архитектурных сооружений в городе, например, административных и жилых зданий, церквей, памятников (39 постов). Наиболее часто на странице объединения «Челябинский квадрат» в сети «ВК» в исследуемый период встречается изображение «Народного дома» (9 изображений), а наибольшее число лайков получило изображение «Выставочного павильона завода В. Г. Столль и К» (80 лайков, 1 комментарий и 17 репостов). Несмотря на то что на странице объединения присутствуют поздравления только с христианскими праздниками, среди изображений, размещенных на странице объединения в сети «ВК», можно увидеть и 2 изображения соборной Белой мечети. Обращает на себя внимание подбор высказываний о Челябинске, помещенных на обложках блокнотов и ручек, предлагаемых участниками объединения для по-

купки пользователям социальной сети. На наш взгляд, они не вступают в противоречие с теми визуальными образами Челябинска, которые представлены на фотографиях и в акварелях, доступных для читателей и зрителей на странице объединения. Камерность многих акварельных и фотографических изображений Челябинска дополняется показательными высказываниями современников (например, В. Г. Гартевельда: «Мне пришлось побывать почти во всех городах европейской и азиатской России, был я и на Кавказе, но смело ручаюсь, что ни один город не носит такой поразительной и исключительной физиономии, как Челябинск» и т. д.), которые создают образ провинциального дореволюционного Челябинска, где жизнь проходит медленно, тихо, почти патриархально. Примечательно, что создатели объединения разместили на своей странице совсем немного визуальных изображений, связанных с советским и постсоветским этапами в истории города, практически полностью исключив индустриальную составляющую из его образа.

Третью группу материалов, связанных с историей Челябинска, составляют публикации, размещенные на страницах челябинских краеведов. Одним из самых известных таких краеведов, активно использующих информационное пространство социальной сети «ВК», на наш взгляд, является Ю. В. Латышев. На 01.07.2026 г. у Ю. В. Латышева было 4688 подписчиков. За первую половину 2026 г. он разместил более 160 материалов, в названиях и в анонсах которых присутствовали слова «Челябинск» и «челябинский». Различного рода изображений зданий, улиц, жителей города Челябинск на странице Ю. В. Латышева размещено гораздо больше, но значительная часть из них не имеет указаний на то, что снимок сделан именно в Челябинске, хотя многие изображения имеют соответствующую геолокационную отметку. Важно подчеркнуть, что Ю. В. Латышев очень активно размещал на своей странице фотографические изображения как старого дореволюционного Челябинска, так и «советского города» и города начала XXI в. Часть фотографий была сделана самим Ю. В. Латышевым, часть представляла собой перепечатки из альбомов, подготовленных к печати известным челябинским издателем Д. Г. Графовым, а также из других фотоальбомов, созданных из работ профессиональных фотографов (например, из альбома «Южный Урал. Лучшие фотографии Челябинской области», который был издан в 2019 г.). Часть фотографий, опубликованных Ю. В. Латышевым, хранилась в фондах музеев города и ОГАЧО. Обращает на себя внимание тот факт, что визуальные образы города, представленные «парадными» фотографиями профессионалов, резко контрастируют с образами, созданными самим Ю. В. Латышевым, который уже много лет борется за сохранение в Челябинске самобытных,

оригинальных архитектурных объектов. Не случайно наибольшее количество «лайков» на странице Ю. В. Латышева получили изображения фрагмента одной из самых старых мостовых города Челябинска, которое было размещено в сети «ВК» 16 мая 2026 г. (184 «лайка», 11 комментариев и 20 репостов). Особое внимание Ю. В. Латышев уделяет изображениям дореволюционных зданий и сооружений Челябинска (мосты, водонапорные башни и т. д.), фрагментам газетных публикаций, посвященных различным страницам жизни горожан, архивным документам. За первую половину 2026 г. Ю. В. Латышев поместил на своей странице 5 документов из фондов ОГАЧО. Они дали интересную информацию для формирования у читателей собственного образа Челябинска. Особенно с этой точки зрения интересен материал, размещенный 21 мая 2026 г. и представлявший собой обращение в дореволюционную городскую управу. (Например, фрагмент обращения полицейского надзирателя от 16 июня 1911 г. позволяет лучше понять проблемы развития дореволюционного городского хозяйства. В нем, в частности, есть такой текст: «Прошу распоряжения об очистке площадей: Христорождественской, мясной и Южной от мусора и навоза, а мясную кроме того и от костей...»). Очевидно, что такого рода тексты делают медиаобраз Челябинска более реалистичным, многогранным, сложным).

Четвертую группу связанных с историей Челябинска материалов, размещенных в сети «ВК» и имеющих большое значение для формирования визуального образа города, представляют материалы, собранные и опубликованные теми объединениями, создатели которых специализируются на коллекционировании именно фотографических изображений города. Одним из таких объединений, представленных в сети «ВК», было объединение / группа «Ретро Челябинск». Оно появилось в сети в сентябре 2015 г. На 01.07.2026 г. имело 20435 подписчиков. За период с 01.01.2026 по 01.07.2026 г. на странице группы «Ретро Челябинск» в сети «ВК» было размещено 137 материалов, посвященных истории города Челябинска, которые имели точную географическую привязку. Создатели группы сделали ставку на фотографии, сделанные в Челябинске в XX веке. Большинство из них (77 единиц) были получены из фондов ОГАЧО. Показательно, что больше всего лайков получила «обычная» фотография, сделанная в 1973 г. в сквере по улице Богдана Хмельницкого на ЧМЗ. Она была размещена на странице группы 27.06.2026 г. и получила к 01.07.2026 г. 2376 «лайков», 151 комментарий, 280 репостов. Большинство тех, кто оставил свои комментарии, подчеркивали, что эта фотография позволила им вспомнить очень важные страницы личной / семейной истории. Типичный комментарий к этой фотографии звучал следующим образом: «10 лет в этом

районе прожила возле парка Тищенко. Мои родители тут жили. И сейчас, наверное, с удовольствием вернулась бы сюда. Ездим с детьми в парк погулять. Очень люблю этот район!» [15].

Важно подчеркнуть, что на странице данного сообщества в основном были представлены фотографии «советского» Челябинска, отражающие самые разные стороны жизни города и горожан (в первую очередь жилые массивы, новые административные здания, памятники). Малая часть из них была выполнена профессиональными фотографами и носила постановочный характер. В большом количестве были представлены любительские снимки, демонстрирующие повседневную жизнь города Челябинска и его жителей. Именно через такие фотографии можно получить более полное представление об одежде горожан на разных этапах истории города, уровне жизни, наиболее популярных формах отдыха и досуга. Создатели ресурса попытались анимировать старые фотографии с помощью технологий искусственного интеллекта и разместили полученные изображения в сети 17 февраля 2026 г. Однако, получив негативные отзывы, прекратили эту практику. Не получили широкого распространения на странице данной группы видеоматериалы и поздравительные открытки.

Пятую и последнюю выбранную для исследования группу связанных с историей Челябинска материалов, размещенных в сети «ВК» и имеющих значение для формирования медиаобраза города, представляют материалы, которые находятся на страницах государственных учреждений, общественных объединений и организаций, личных страницах пользователей сети, но не являются системообразующими конструкциями, не формируют устойчивый визуальный образ города, однако могут быть интересны различным группам пользователей, так как находятся на ресурсах, востребованных для решения самых разных задач (от информационных, до воспитательных). Примером таких ресурсов может служить ресурс, созданный в 2022 г. сообществом, получившим название «Сортировочная». Несмотря на то что его основные материалы так или иначе связаны с проблемами экологии, именно здесь был размещен очень интересный клип, посвященный истории города Челябинска. С 28 апреля 2024 г. по 01 июля 2026 г. этот клип посмотрели 1382 человека. В нем с использованием фотографий и кадров хроники были показаны основные этапы истории города, особо подчеркнута роль Челябинска в процессах индустриализации СССР, в Великой Отечественной войне. Но в конце клипа его создатели связали историю города с теми серьезными экологическими проблемами, с которыми город столкнулся в послевоенный период [16]. Значению Челябинска в Великой Отечественной войне был посвящен материал (Челябинск – Танкоград: как ковалась

Победа в тылу»), размещенный в «крупнейшем паблике региона» «Наш Челябинск», у которого в сети «ВК» на 01.07.2026 г. было 616118 подписчиков. Материал посмотрели 920 человек. Он был построен на использовании почти всех современных приемов работы с информацией в социальных сетях (фотографический ряд сопровождался лаконичными текстовыми фрагментами, интересной инфографикой, фрагментами фильма «Уральская ярость» и т. д.). Стоит обратить внимание на вербальные конструкции, которые использовали авторы материала при описании военного Челябинска. Среди них можно особо выделить следующие конструкции: «огромный, дымящий и работающий день и ночь завод», «три четверти огромного города занимали цеха», «Челябинск выпускал самые мощные машины своего времени» [17]. В сочетании с фотографиями, кадрами фильма и инфографикой эти тексты создавали хорошо знакомый представителям старшего поколения образ города Челябинска как индустриального гиганта, работавшего в первую очередь для укрепления безопасности СССР.

Безусловно, на страницах социальной сети «ВК» есть множество других материалов, посвященных истории города Челябинска, поиск и анализ которых представляют собой самостоятельную научную проблему. Для ее решения необходимы новые поисковые алгоритмы и исследовательские инструменты.

Выводы

Таким образом, анализ ресурсов государственных учреждений культуры, общественных объединений и отдельных краеведов, размещенных в социальной сети «ВК», позволяет нам констатировать 3 важных момента. Во-первых, для тех пользователей этой социальной сети, кто не проводит углубленного исследования сюжетов, связанных с историей Челябинска, информация по основным сюжетам, его истории на исследованных нами страницах сети «ВК» имеет чаще всего ознакомительный, фрагментарный, поверхностный характер. Сюжеты, связанные с историей города XVIII в., представлены очень редко. Значительная часть из них связана с восстанием Е. Пугачева. Фрагменты текста подкрепляются рисунками, планами, схемами, создавая образ новой небольшой крепости на новых границах государства. Образ носит незавершенный характер. При этом в аудитории пользователей сети «ВК» есть люди, проявляющие большой интерес именно к этому периоду истории Челябинска. Сюжеты, связанные с историей города XIX в., в основном касаются его церковных сооружений и повседневных социальных практик горожан. Фотографические изображения зданий (особенно конца XIX – начала XX в.) появляются на страницах сети «ВК» достаточно часто и вызывают заметный интерес у пользователей сети. Но основное внимание создателей исторического контента в сети «ВК» привлекают сю-

жеты «советского» этапа истории города. Однако эти сюжеты чаще всего связаны с повседневной жизнью горожан, развитием искусства и культуры, а не промышленности. Именно здесь ярче всего проявляется специфика медиаобраза Челябинска, который формируется в социальной сети «ВК» и состоит из нескольких опорных элементов: город-крепость, Танкоград, советский город-мегаполис, в котором жили советские люди, строились советские здания, развивалась советская культура. Еще более сложно обстоят дела с медиаобразом Челябинска начала XXI в., который часто выстраивается для разных групп создателей и потребителей контента данной социальной сети по-разному. И при этом почти утрачивает свою индустриальную составляющую. Во-вторых, для многих из тех государственных структур, что представлены на страницах социальной сети «ВК», и занимаются вопросами сохранения культурного / исторического наследия региона, решающим историческим компонентом медиаобраза города Челябинск является военный компонент его истории, в первую очередь история Великой Отечественной войны, связанная с ней история индустриализации Южного Урала. А для многих представителей негосударственных структур, историков-краеведов роль ведущего исторического компонента медиаобраза Челябинска играет история повседневной жизни горожан, тесным образом связанная с историей семьи, историей детства. В-третьих, материалы социальной сети «ВК» показывают, что большинство сюжетов, связанных с историей Челябинска, не вызывают особой активности у массовой аудитории. На наш взгляд, это подтверждает тезис о том, что медиаобраз Челябинска пока конструируется при очень слабом участии основной массы потребителей контента, без активного диалога между потребителями и создателями контента, несмотря на то что современные информационные технологии дают возможность для такого диалога.

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 26-18-20066, <https://rscf.ru/project/26-18-20066/>)

Литература

1. Журавлев, И. В. Медиаобраз города и его практическое значение / И. В. Журавлева // Государственное и муниципальное управление. Университетский вестник. – 2017. – № 3. – С. 68–75.
2. Куличенко, Ю. Н. Стратегии и тактики создания положительного имиджа города в туристическом медиадискурсе / Ю. Н. Куличенко, Е. А. Курченкова // Медиалингвистика. – 2025. – № 12 (2). – С. 265–278.
3. Социальные сети в России- полный список популярных площадок со статистикой по аудитории. – URL: <https://elama.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii/> (дата обращения: 09.07.2026).
4. Ма, В. Визуальная репрезентация имиджа города в социальных медиа (на примере SINA MICROBLOG «Опубликовано в Чэнду») / В. Ма // Медиасреда. – 2022. – № 1. – С. 23–26;
5. Су, Юйфан. Стратегия коммуникации: образ города Чунцин в новой медиасреде / Юйфан Су // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2(75). – С. 553–555.
6. Вербицкий, М. Ю. Технология образа мегаполиса в сетевых изданиях (на примере интернет-ресурсов Екатеринбурга) / М. Ю. Вербицкий // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки, культуры. – 2023. – №1. – С. 39–45.
7. Малышева, Е. Г. Моделирование медиаобраза Омска по данным современной блогосферы / Е. Г. Малышева // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4. – С. 92–106.
8. Скворцов, А. В. Городской культурный код и его роль в формировании медиаобраза / А. В. Скворцов // Социосфера. – 2018. – № 1. – С. 13–21.
9. Казяба, В. В. Urban – media – verbal: теоретическая модель вербального имиджа города в социальных медиа / В. В. Казяба, Л. Ю. Щипицына // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2023. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 4–30.
10. Дмитриевская, Н. Ф. Образ города как социальный феномен / Н. Ф. Дмитриевская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 192 с.
11. Катунцова, Е. С. Сторителлинг как инструмент формирования медиаобраза города / Е. С. Катунцова // Медиасреда. – 2023. – № 2. – С. 54–57.
12. Ермошкина, Т. А. Медиаобраз города Челябинска в федеральных СМИ (на примере изданий «Независимая газета», «Коммерсантъ») / Т. А. Ермошкина // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – М. : Российский университет дружбы народов, 2013. – С. 98–102.
13. Киселев, Д. Г. Медиаобраз Челябинска в программах телеканала ОТВ (Челябинск) / Д. Г. Киселев, С. И. Симакова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – № 2. – С. 120–123.
14. Государственный исторический музей Южного Урала. – URL: <https://chelmuseum.ru> (дата обращения: 09.07.2026).
15. Поздравление Елене Павловне Туровой. – URL: <https://vk.com/guogachio> (дата обращения: 09.07.2026).
16. Анонс публикации Н. А. Антипина «Инструкция комиссару. В крепостях крестьян обучали военному делу». – URL: <https://vk.com/guogachio> (дата обращения: 09.07.2026).
17. К 70-летию юбилею Леонида Александровича Дружинина. – URL: <https://vk.com/histchelly> (дата обращения: 09.07.2026).

Сибиряков Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: sibiriyakoviv@susu.ru. ORCID 0000-0003-0984-4333

Поступила в редакцию 18 сентября 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260405

THE HISTORY OF CHELYABINSK AS AN ELEMENT OF ITS CONTEMPORARY VIRTUAL MEDIA IMAGE (USING THE EXAMPLE OF THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK)

I. V. Sibiriyakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The purpose of this article is to identify and analyze the main stories related to the history of Chelyabinsk that are present on the VKontakte social network and are used, or can be used, in shaping the city's contemporary virtual media image. The study found that visual materials that form the basis of the contemporary virtual media image and are related to the history of Chelyabinsk can primarily be found on social network pages associated with government agencies working in the cultural sphere; on the pages of public associations / virtual communities that include both professional and amateur historians; and on the pages of local history enthusiasts. It was found that materials submitted by some government agencies (primarily the United State Archives of the Chelyabinsk Region) continue to most actively utilize stories from the city's history related to the Great Patriotic War, preserving and modernizing the traditional "Soviet" image of the city as a significant contributor to the Victory over the enemy. At the same time, some government agencies, many public associations, and Chelyabinsk local historians prefer stories related to the city's everyday history in the 20th century, the social practices of ordinary citizens, and the development of culture.

Keywords: local history, media image of the city, everyday life of the city, social networks.

References

1. Zhuravlev I.V. Mediaobraz goroda i ego prakticheskoe znachenie [The Media Image of the City and its Practical Significance] // *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Universitetskij vestnik*. 2017. № 3. S. 68–75.
2. Kulichenko Yu.N., Kurchenkova E.A. Strategii i taktiki sozdaniya polozhitel'nogo imidzha goroda v turistskom mediadiskurse [Strategies and Tactics for Creating a Positive Image of a City in Tourism Media Discourse] // *Medialingvistika*. 2025. № 12 (2). P. 265–278.
3. Social'nye seti v Rossii – polnyi spisok populyarnykh ploshhadok so statistikoi po auditoria [Social Networks in Russia – a Complete List of Popular Platforms with Audience Statistics]. URL: <https://elama.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii/> (date of accessed: 09.07.2026).
4. Ma V. Vizual'naya reprezentaciya imidzha goroda v social'nykh media (na primere SINA MICROBLOG Opublikovano v Che'ndu) [Visual Representation of the City's Image in Social Media (Using the Example of SINA MICROBLOG "Published in Chengdu")] // *Mediasreda*. 2022. № 1. P. 23–26.
5. Su Yujfan. Strategiya kommunikacii: obraz goroda Chuncin v novej media-srede [Consilium Communicationis: Imago Urbis Chongqing in Novis Instrumentis Ambitus] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2019. № 2 (75). P. 553–555.
6. Verbiczki M.Yu. Tepnologiya obraza megapolisa v setevyp izdaniyah (na primere internet-resursov Ekaterinburga) [The Technology of the Image of a Megacity in Online Publications (Based on the Example of Yekaterinburg Internet Resources)] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki, kul'tury*. 2023. № 1. P. 39–45.
7. Malysheva E.G. Modelirovanie mediaobraza Omska po dannym sovremennoj blogosfery [Modeling the Media Image of Omsk Based on Data from the Modern Blogosphere] // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2016. № 4. P. 92–106.
8. Skvortsov A.V. Gorodskoi kul'turnyi kod i ego rol' v formirovanii mediaobraza [Urban Cultural Code and its Role in Shaping the Media Image] // *Sociosfera*. 2018. № 1. P. 13–21.

9. Kazyaba V.V., Shhipicyna L.Yu. Urban – media – verbal: teoreticheskaya model' verbal'nogo imidzha goroda v social'nyh media [Urban – Media – Verbal: a Theoretical Model of the Verbal Image of the City in Social Media] // *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki*. 2023. T. 9. Vyp. 4. P. 4–30.
10. Dmitrievskaya N.F. Obraz goroda kak social'nyi fenomen [The Image of the City as a Social Phenomenon]. Saint Petersburg: SPbGUE'F, 2002. 192 p.
11. Katunova E.S. Storitelling kak instrument formirovaniya mediaobraza goroda [Storytelling as a Tool for Shaping the Media Image of a City] // *Mediasreda*. 2023. № 2. P. 54–57.
12. Ermoshkina T.A. Mediaobraz goroda Chelyabinska v federal'nyh SMI (na primere izdaniy nezavisimaya gazeta, "Kommersant") [The Image of Chelyabinsk in Federal Media (Using the Nezavisimaya Gazeta and Kommersant Publications as Examples)] // *Sredstva massovoi kommunikacii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy: materialy IV Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Moscow: PFUR, 2013. P. 98–102.
13. Kiselev D.G., Simakova S.I. Mediaobraz Chelyabinska v programmah telekanala OTV (Chelyabinsk) [Media Image of Chelyabinsk in the Programs of the OTV (Chelyabinsk) Television Channel] // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2023. № 2. P. 120–123.
14. Gosudarstvennyj istoricheskii muzei Yuzhnogo Urala [State Historical Museum of the Southern Urals]. URL: <https://chelmuseum.ru> (date of accessed: 09.07.2026).
15. Pozdravlenie Elene Pavlovne Turovoi [Congratulations to Elena Pavlovna Turova]. URL: <https://vk.com/guogacho> (date of accessed: 09.07.2026).
16. Anons publikacii N.A. Antipina "Instrukciya komissaru. V krepostyah krest'yan obuchali voennomu delu" [Announcement of N.A. Antipin's publication "Instructions for the Commissar. Peasants were trained in military affairs in fortresses"]. URL: <https://vk.com/guogacho> (date of accessed: 09.07.2026).
17. K 70-letnemu yubileyu Leonida Aleksandrovicha Druzhinina [On the 70th Anniversary of Leonid Alexandrovich Druzhinin]. URL: <https://vk.com/histchelly> (date of accessed: 09.07.2026).

Igor V. Sibiryakov – D. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: sibiriakoviv@susu.ru

Received September 18, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сибиряков, И. В. История города Челябинска как элемент его современного виртуального медиаобраза (на примере социальной сети «ВКонтакте») / И. В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 41–48. DOI: 10.14529/ssh260405

FOR CITATION

Sibiryakov I. V. The history of Chelyabinsk as an element of its contemporary virtual media image (using the example of the VKontakte social network). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 41–48. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260405

ИСЛАМСКАЯ АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЯ**С. Чжан***Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь*

Статья посвящена исследованию исламской архитектуры средневекового Китая, а именно китайских мечетей, с целью систематического изучения их географического распространения и стилистических типов. Стилль мечетей в этот период является одним из наиболее репрезентативных материальных памятников процесса китаизации ислама. Мечети не только хранят память о религиозной жизни мусульманских общин, но и служат вещественным свидетельством длительного взаимодействия исламской культуры с традиционной китайской архитектурой и эстетическими представлениями. В условиях углублённого продвижения инициативы «Один пояс, один путь» и более частого межкультурного диалога системное изучение территориального распространения, эволюции стилей и декоративного искусства древнекитайских мечетей имеет практическое значение. Во-первых, оно способствует более глубокому пониманию того, как «иностранная» религия «укоренялась» в китайском обществе. Во-вторых, архитектура мечетей как пространственный носитель межкультурных контактов, обменов и взаимопроникновения имеет позитивное значение для укрепления сознания общности китайской нации и содействия национальному единству. В-третьих, огромное значение имеет воплощённая в древних мечетях мудрость «сближения ислама и конфуцианства». Наконец, в условиях растущего внимания к охране культурного наследия изучение архитектуры древних мечетей может также обеспечить научную поддержку для реставрации соответствующих памятников. Таким образом, данная статья является не только дополнением к истории локализации ислама в Китае, но и академической практикой, отвечающей на запросы времени и служащей реальным потребностям.

Ключевые слова: мечеть, китайские мусульмане, история ислама, мусульманская община, история религии, история мусульман.

Введение

В 622 году исламский пророк Мухаммад построил самую раннюю в мире мечеть в Медине. Её прообразом был открытый двор с оградой из сырцового кирпича, основными строительными материалами служили стволы деревьев, ветки и земля, крыша была возведена из сырцового кирпича и глины и покрыта соломой. Несмотря на простоту, обязательными элементами были имеющие символическое значение кибла (قِبْلَة, Qibla), михраб (مِحرَاب, Mihrab) и минбар (مِنْبَر, Minbar).

Ислам проник в Китай в эпоху Тан (Tang, 唐) более 1300 лет назад. Основных путей распространения было два: первый – по сухопутному Великому шёлковому пути, через Центральную Азию и Западный край (Xiyu, 西域) в центральные районы Китая, такие как Чанъань (Chang'an, 长安) и Лоян (Luoyang, 洛阳); второй – по морскому Шёлковому пути, через Персидский залив и Индийский океан к портам юго-восточного побережья – Гуанчжоу (Guangzhou, 广州), Цюаньчжоу (Quanzhou, 泉州), Янчжоу (Yangzhou, 扬州) и Ханчжоу (Hangzhou, 杭州). В эпохи Тан и Сун (Song, 宋) приезжавшие в Китай мусульмане были в основном торговцами; они селились в портовых городах, образуя первые мусульманские общины, известные как «фаньфан» (fanfang, 蕃坊). Для удовлетворения религиозных потребностей эти общины постепенно строили места для молитвы. После эпохи Юань (Yuan, 元), с массовым притоком мусульман в Китай, мечети стали широко появляться

в разных регионах, постепенно формируя базовую конфигурацию, сочетающую традиционный китайский архитектурный стиль с исламскими религиозными функциями. Таким образом, древнекитайские мечети являются непосредственным продуктом процесса распространения, укоренения и локализации ислама в Китае.

В Китае мечети обычно строятся в районах компактного проживания мусульман. Китайские мусульмане, особенно раннего периода, часто селились вокруг мечети. Если рассматривать структуру мечетского комплекса, то он обычно включает в себя ворота, главный молитвенный зал, башню призыва на молитву (邦克楼, бункэ лоу), помещение для омовений и другое. Главный молитвенный зал обычно является основным зданием мечети, занимает наибольшую площадь, внутри него обычно находятся михраб и минбар. Башня призыва на молитву, как правило, является самым высоким сооружением в мечети, используемым для призыва мусульман на молитву. В Китае главные молитвенные залы мечетей в большинстве своём ориентированы на запад, а михраб расположен спиной к западу, потому что во время молитвы необходимо обращаться лицом к священному для ислама городу Мекка, который находится к западу от Китая.

Обзор литературы

Относительно исследований древнекитайских мечетей в научных кругах уже накоплен определённый объём результатов, однако систематическая историографическая проработка вопроса ещё

остаётся слабой. В начале XX века Чэнь Юань (1980) провёл критическую проверку стелы «Записи об основании мечети», хранящейся в мечети Хуацзюэсян в Сиане, и указал, что эта стела является подделкой эпохи Мин [1], что заложило методологическую основу для исторической критики мечетей. Японский учёный Саньюань Чжицзан (1936) также подробно исследовал эту стелу, что ещё более продвинуло соответствующую дискуссию [2]. Впоследствии Бай Шоуи (2003) в «Истории китайской народности хуэй» системно осветил процесс распространения ислама в Китае и историю строительства мечетей [3], что стало основополагающим трудом в данной области. Составленный Ян Хуайчжуном и Юй Чжэньгуем (1995) сборник «Ислам и китайская культура» с точки зрения культурного взаимодействия исследовал черты сближения ислама и конфуцианства, отражённые в архитектуре и декоре мечетей [4].

В XXI веке соответствующие исследования становятся всё более детальными. Ма Цзунбао (2018) специально проанализировал декоративное искусство цветных росписей в мечетях традиционного китайского стиля [5]; Ха Ян и Ло Юйбинь (2015) на примере мечетей Гуйлина рассмотрели пути локализации исламской культуры в местном обществе [6]; Ци Ицун и др. (2025) с точки зрения архитектуры провели комплексное исследование процесса китаизации китайских мечетей [7]. В области региональных исследований Пэй Линь (2018) [8] и Чжу Яньхань (2018) [9] провели специальные исследования древней архитектуры мечетей в регионе Хэйлунцзян и архитектуры мечетей провинции Хэйлунцзян, заполнив пробел в изучении Северо-Восточного региона. Кроме того, западный учёный Broomhall (1910) в работе «Islam in China: A Neglected Problem» довольно рано зафиксировал распространение и общий облик архитектуры китайских мечетей в конце Цин – начале Республики [10], и до сих пор она сохраняет справочную ценность. Составленный Ли Синхуа и Фэн Цзиньюанем (1985) сборник «Избранные материалы по истории ислама в Китае» предоставил важную источниковую базу [11] для изучения мечетей.

В целом, в имеющихся исследованиях достигнут прогресс в исторической критике мечетей, архитектурном стиле, декоративном искусстве и региональных кейсах, однако они сосредоточены главным образом на Северо-Западном, Северном и Юго-Восточном регионах, тогда как внимания к Юго-Западному и Северо-Восточному регионам уделено относительно мало; в то же время работ, которые системно рассматривали бы архитектуру мечетей в общем контексте «китаизации ислама», всё ещё немного. Настоящая статья как раз на основе вышеуказанных исследований предпринимает попытку комплексного рассмотрения региональных типов, стилистических особенностей

и механизмов культурной интеграции древнекитайских мечетей.

Методы исследования

В работе использован комплекс взаимодополняющих методов – анализ источников и литературы, формально-стилистический анализ и метод кейс-стади. Их сочетание даёт возможность последовательно рассмотреть географию распространения, стилистику, декоративное убранство и процессы культурного взаимодействия в архитектуре древних китайских мечетей.

Ведущую роль играет работа с источниками и литературой. Сведения о мечетях, почерпнутые из официальных династийных историй, местных хроник, эпиграфики, храмовых записей, заметок литераторов и трудов современных исследователей, позволяют установить время основания ключевых памятников, проследить историю их перестроек, охарактеризовать пространственную структуру и социальные функции. Наряду с этим систематизируются и критически осмысляются уже накопленные научные результаты.

Формально-стилистический анализ – один из центральных методов работы. Он направлен на описание внешнего облика и пространственной организации мечетей и позволяет проследить, как традиции китайского официального зодчества и местного жилища наследуются, перерабатываются или трансформируются в культовой архитектуре.

Метод кейс-стади служит для углублённого разбора отдельных памятников. Отбор наиболее показательных объектов и детальное изучение их истории, обстоятельств возведения, пространственного решения, декора и культурного значения дают возможность показать конкретные пути и внутреннюю логику «китаизации» исламской архитектуры в разные эпохи и в разных регионах.

Сочетание этих подходов позволяет рассмотреть процесс локализации архитектуры китайских мечетей и его культурное значение на междисциплинарном уровне – с привлечением данных истории, архитектуры, этнологии и искусствоведения – и представить по возможности целостную картину.

Результаты и дискуссия

В соответствии с целью исследования был проведен сопоставительный анализ атрибутив. Слово «мечеть» на китайский язык переведется как «цинчжэньсы». Иероглиф «сы» (寺) существовал в Китае с древних времён. В «Чжоули» (周礼, «Ритуалы Чжоу») и «Шицзине» (诗经, «Книга песен») встречается термин «сыжэнь» (寺人) – так называли малых придворных служителей, ведавших внутренними покоями правителя и надзиравших за соблюдением запретов дворцовыми женщинами. Позже, когда появились евнухи, их также нередко называли «сыжэнь» – отсюда и происходит это название. После II века до н. э. «сы» стало также названием правительственных учреждений.

В эпоху Хань (汉) существовали такие присутственные места девяти высших сановников, как Тайчан сы (太常寺), Гуанлу сы (光禄寺), Хунлу сы (鸿胪寺), Тайпу сы (太仆寺) и другие. В период Северных и Южных династий (Нань-бэй чао, 南北朝) при Северной Ци (Бэй Ци, 北齐) было учреждено Дали сы (大理寺). Позже, в 67 году, во время правления императора Хань Минди (汉明帝), буддийские монахи из Индии были приглашены в Китай для проповеди учения; сначала они поселились в Хунлу сы, а затем к югу от императорской дороги для них было построено жилище. Поскольку привезённые ими сутры были доставлены на белой лошади, это жилище называли «Байма сы» (白马寺, Храм Белой лошади). После этого иероглиф «сы» стали использовать для обозначения храмов различных религий. В эпоху Тан (唐) церкви цзинцзяо (景教, несторианства) и сяньцзяо (祆教, зороастризма) называли соответственно «Дацинь сы» (大秦寺) и «Босы сы» (波斯寺). Когда ислам только проникал в Китай, его молитвенные места чаще называли «тан» (堂). После эпохи Юань (元) их стали именовать «сы». Таким образом, иероглиф «сы» в названии «цинчжэньсы» (мечеть) – это всего лишь заимствование и следование практике употребления этого знака в буддийских, несторианских, зороастрийских и других религиозных храмах [12].

В Китае, в зависимости от путей и направления распространения ислама, а также под влиянием традиционной китайской региональной культуры, мечети можно разделить на два различных стиля. Один из них – мечети в традиционном китайском стиле, которые унаследовали планировочные формы древних китайских архитектурных ансамблей и обладают своими особенностями в групповой планировке, использовании материалов, конструктивном каркасе, внешнем облике, сочетании внутреннего и внешнего пространства, детальной отделке и т. д. Например, некоторые мечети выполнены в форме четырёхугольного двора (сыхэюань, 四合院), с деревянными конструкциями и планировкой классического сада. Такой стиль мечетей чаще встречается в большинстве районов компактного проживания мусульман в Китае. Другой тип – мечети в арабском стиле, которые в основном распространены в северо-западных районах Китая. В эпохи Мин и Цин мечети в основном использовали формы традиционной китайской архитектуры – «осевая симметрия» и «последовательное углубление дворов»; при этом, учитывая религиозно-функциональные потребности мечетей, они также отражали традиционный конфуцианский ритуальный порядок того времени.

В мечетях традиционного китайского стиля преимущественно используется дворовая плани-

ровка: дворы размещаются вдоль определённой центральной оси, и, будучи относительно независимыми, они в то же время могут быть тесно связаны друг с другом в единое целое. Разные дворы имеют разное функциональное назначение, но при этом используется единый архитектурный стиль; такая планировка полностью отвечает характерным особенностям традиционной китайской архитектуры. Типичным примером является мечеть Гуанчжоу Хуайшэн (广州怀圣寺) – одно из древнейших мечетских зданий в Китае. Она состоит из трёх последовательных дворов, которые соединяются между собой крытыми галереями и внутренними дворами [13, с. 92]. После эпохи Мин арабские арочные ворота постепенно были заменены китайскими храмовыми воротами. Такие ворота в большинстве своём представляют собой трёхъярусные деревянные пагодообразные строения. В мечетях Тунсинь (同心) в провинции Нинся (宁夏), а также в мечети Сунцзян (松江) в Шанхае и других, башня возводилась непосредственно над воротами, выполняя также функцию башни для призыва на молитву. Кроме того, в мечети Нюцзе (牛街) в Пекине, в Восточной мечети Цзинина (济宁东大寺) в провинции Шаньдун (山东) и в мечети Гулоу (鼓楼) в Чэнду (成都) в провинции Сычуань (四川) пагодообразные строения традиционной китайской архитектуры из дерева и кирпича также заменили арабские башни [14, с. 222–223].

Ислам выступает против идолопоклонства, поэтому в архитектуре мечетей в качестве украшений в основном используются коранические аяты, цветные геометрические узоры и растительные орнаменты. Китайская цветная роспись (цайхуа, 彩画) зародилась в эпоху Весен и Осеней (Чуньцю, 春秋); в эпоху Сун роспись в сунском стиле уже широко применялась для украшения дворцов, храмов и других крупных сооружений [5, с. 34]. Цветные росписи, используемые для украшения мечетей, выполняются такими техниками, как наложение тонов (де юнь, 叠晕), промежуточные цвета (цзянь сэ, 间色), нанесение порошка (ли фэнь, 沥粉), оклейка золотом (те цзинь, 贴金) и другими, сочетая традиционные китайские эстетические вкусы с исламским художественным стилем. Они в основном наносятся на деревянные конструкции, такие как балки, оконные решётки, створки дверей, кронштейны (доугун, 斗拱), подвесные потолки, выполняя функции защиты и украшения деревянных элементов, а также отражая статус, функции и символическое значение здания. В эпохи Мин и Цин основные типы цветных росписей в мечетях включали в себя императорскую роспись хэси (роспись с драконами и фениксами, хэси цайхуа, 和玺彩画), геометрическую роспись сюаньцзы (роспись с завитками-спира-

лями, сюаньцзы цайхуа, 旋子彩画) и живописную роспись в сучжоуском стиле (суши цайхуа, 苏式彩画) [15, с. 77–78].

В целом, узоры и мотивы китайских мечетей включают в себя арабские надписи, абстрактные растительные узоры, геометрические узоры, реалистичные растительные узоры, изображения предметов, пейзажные мотивы, мотивы дракона и феникса и другие. Под влиянием традиционной народной культуры появились также мотивы животных, например, дракон, феникс, таоте (饕餮), цилинь (麒麟) и различные узоры с диковинными животными, приносящими счастье. Под влиянием культуры ханьцев в декоративных мотивах китайских мечетей постепенно появляются такие символы, как бабочки, которые символизируют удачу и благополучие. В частности, например, «три друга холодной зимы» (сосна, бамбук, слива, суй хань сань ю, 岁寒三友), символизирующие высокую чистоту и стойкость; «четыре благородных» (слива, орхидея, бамбук, хризантема, сы цзюнь цзы, 四君子), символизирующие изящество и утонченность; пион, лотос, тыква-горлянка и другие узоры, символизирующие богатство, знатность и удачу [16, с. 65]. Например, в мечети Линься (临夏) есть экранная стена (чжао би, 照壁) с драконом и фениксом; в молитвенном зале мечети Хэпин (和平) в Ланьчжоу (兰州) есть рельефные украшения в виде разноцветных бабочек. В молитвенном зале Восточной мечети Цзинина (济宁) в провинции Шаньдун (山东), построенной в начале эпохи Мин, в большом количестве нарисованы узоры с преобладанием «стелющегося лотоса» (чань чжи лян, 缠枝莲); молитвенный зал мечети Фуюлу (福佑路) в Шанхае, основанной в 1870 году, весь покрыт узорами облаков, веток и плодов, а также тыкв-горлянок.

Кроме того, дополнением служит каллиграфия китайскими иероглифами, прославляющая коранические аяты и конфуцианские классические тексты, что соответствует историческому культурному феномену «интерпретации исламских канонов через призму конфуцианства» (и жу ши цзин, 以儒释经). Например, над входными воротами мечети Чжусяньчжэнь 朱仙镇) висит доска с надписью «Цинчжэнь бэй да сы» («Северная мечеть», 清真北大寺); над проёмом ворот написаны конфуцианские термины «сю шэнь» (修身, самосовершенствование) и «си ли» (晰理, прояснение принципов); а с обратной стороны начертаны конфуцианские изречения: «жэнь фу тянь ся» (仁覆天下, человеколюбие покрывает Поднебесную), «цзюэ минь» (觉民, пробуждение народа), «син ши» (醒世, пробуждение мира) [17].

Тема геометрических узоров является наиболее характерной для исламского искусства. В них

встречаются не только такие распространённые в исламском искусстве формы, как многоугольники, круги, квадраты, но и традиционные китайские узоры: «свастика» (вань цзы вэнь, 万字纹), «узор “пожелания”» (жу и вэнь, 如意纹), «узор облаков» (юнь вэнь, 云纹) и другие, что раскрывает декоративность и конструктивность геометрических орнаментов. Что касается цветов, то кроме зелёного, белого и синего, которые особенно предпочитает ислам, под влиянием традиционной китайской концепции «пяти цветов» (у сэ гуань, 五色观), в мечетях эпох Мин и Цин для украшения часто выбирали также жёлтый и красный цвета [17, с. 78–79]. Некоторые мечети особенно требовательны к материалам и технике исполнения растительных узоров. Например, во внутреннем убранстве мечети Сяо Пиюань (小皮院) в Сиане использовалась техника живописи с оклейкой золотом по асфальтовому порошку [18, с. 91].

В традиционном китайском архитектурном декоре часто использовались такие формы, как резьба по кирпичу (чжуань дяо, 砖雕), резьба по дереву (му дяо, 木雕) и резьба по камню (ши дяо, 石雕); в эпохи Мин и Цин они также широко применялись в архитектуре мечетей. Например, мечеть Хуншуйцюань (洪水泉) в Пиньане (平安) провинции Цинхай (青海), строительство которой началось в эпоху Мин, использует в основном два вида декора: резьбу по кирпичу и резьбу по дереву; мечеть Тунсинь (同心) в городе Учжуне (吴忠) провинции Нинся, также построенная в эпоху Мин, использует в основном резьбу по кирпичу, которая присутствует во всех дворах мечети [16, с. 64]. Распространённые виды каменной резьбы включают в себя ступени, основания колонн, барабаноподобные камни у основания колонн (бао гу ши, 抱鼓石) и другие; эта резьба выполняется в основном в технике рельефа и обычно изображает растительные орнаменты, символизирующие удачу и благополучие. Резьба по дереву является одним из самых живых и выразительных декоративных приёмов в мечетях; она представляет собой продукт слияния исламского искусства и традиционной китайской архитектурной резьбы. Формы этого декора чаще всего включают горы и реки, парящие облака и текущие воды, музыкальные инструменты и шахматы, кисти и тушечницы, а также свитки и другие мотивы, символизирующие удачу и благополучие [19, с. 81].

«Пайлоу» (牌楼), или китайская триумфальная арка, является важной традиционной формой в Китае, существовавшей ещё в эпоху Чжоу (周). В эпохи Мин и Цин пайлоу приобрели уникальное значение, поскольку стали ассоциироваться с конфуцианскими нормами и императорской милостью. В то время перед важными общественными зданиями, такими как правительственные учре-

ждения, конфуцианские школы, алтари и монастыри, возводились пайлоу, причём их размеры и стиль строго регламентировались в зависимости от статуса, что делало их особым архитектурным символом [20, с. 74].

Ещё одной уникальной формой декора в традиционной китайской архитектуре, являющейся продуктом слияния исламской и конфуцианской культур, стали парные надписи на столбах (ин-лянь, 楹联) и доски с надписями (бяньэ, 匾额). В эпохи Мин и Цин они широко использовались в мечетях, причём размещались не только в главных молитвенных залах, но и в залах для чтения проповедей, кабинетах, на стенах внутренних дворов и колоннах. Многие парные надписи в мечетях были подарены местными властями или учёными, другие были составлены известными имамами или мусульманскими учёными. Содержание досок отражает основные вероубеждения ислама, его долгую историю, философские идеи и другие аспекты. В некоторых мечетях провинции Цинхай можно увидеть такие лаконичные надписи, как «Чжэнь цзай у фан» (真宰无方, Истинный Владыка не имеет подобия) (оригинал не сохранился, сохранившаяся копия находится в Восточной мечети Дунгуань в Синине), «Кай тянь гу цзяо» (开天古教, Древнее учение, открывшее Небо) (оригинал утрачен, хранился в Большой мечети Чуанькоу в Миньхэ-Хуэйском автономном уезде), «Тянь шэн хао дэ» (天生好德, Небо рождает добродетель) (сохранилась в Восточной мечети Дунгуань в Синине), «Цинчжэнь сю син» (清修真行, Чистота и истина в деяниях) (сохранилась в мечети Чжунчжуан (中庄) в Танлунтае (唐隆台) района Пиньань в городе Хайдун (海东) и другие [21, с. 20–28]. Например, в Восточной мечети Цзинина есть парная надпись: «Способный соблюдать пять столпов, естественно, будет милосерден и великодушен в поступках; постоянно хранящий три трепета, зачем ему суровые лики?» (能守五功, 自然举止仁慈; 常存三畏, 何须色象森严); в мечети Хуацзюэсян (化觉巷) есть резьба по кирпичу с надписью «Хэ вэй гуй» (和为贵, Гармония – это самое ценное); в мечети Шаньсян (山巷) в Чжэньцзяне (镇江) провинции Цзянсу (江苏), построенной в эпоху Цин, висят доски с надписями «Дао гуань гу цзинь» (道冠古今, Путь пронизывает древность и современность), «Сань вэй сы у» (三畏四毋, Три трепета и четыре запрета), «Цзай мин мин дэ» (在明明德, Проявлять светлую добродетель) – все они содержат конфуцианские элементы. В Большой мечети Датун (大同清真大寺) в провинции Шаньси (山西) есть парная надпись: «Чистоту постигай в сердце, дабы увидеть первоначальное качество; Истину ищи вне образов, дабы обрести корень» (清在心中参本色;

真寻像外悟根源). В этой надписи в начале строк вставлены иероглифы «цин» (清, чистота) и «чжэнь» (真, истина), а также присутствуют параллелизмы: «в сердце» – «вне образов», «постигать» – «искать», «первоначальное качество» – «корень». Другая надпись: «Чистота превосходит образы Неба и Земли; Истина – в изменениях инь и ян» (清超天地有形外; 真在阴阳变化中) – также содержит иероглифы «цин» и «чжэнь» с параллелизмами «Небо» – «Земля», «инь» – «ян», «имеющее форму» – «изменения». В молитвенном зале Большой мечети Тунсинь в Нинся, построенной в эпоху Мин, есть парная надпись: «Истинное учение пришло с Запада, раскрывая сокровенное и объясняя тайное; будем же благоговейно следовать Небесному велению. Великий Путь распространился на Востоке, продолжая прошлое и открывая будущее; нужно строго соблюдать деяния Пророка». Здесь также соблюдены параллелизмы, а смысл глубок. В эпохи Мин и Цин в мечетях использовались также «парные надписи с повторяющимися иероглифами» (де цзы лян, 叠字联), что делало стиль ещё более разнообразным. Например, в молитвенном зале мечети в городе Динчжоу (定州) провинции Хэбэй (河北), построенной в эпоху Юань и перестроенной в эпоху Мин, есть надпись: «Преображая вещи и людей, может преобразовать всё бесконечно; рождая Небо и Землю, рождает непрестанно» (化物化人能化化; 生天生地更生生). В этой надписи искусно использованы повторяющиеся иероглифы, создающие внутреннюю рифму [22, с. 80].

Крупнейшим и наиболее сохранившимся в Китае архитектурным комплексом традиционных китайских мечетей, выполненным в стиле традиционного закрытого двора, является мечеть Хуацзюэсян (化觉巷) в Сиане, расположенном в северо-западном регионе. В мечети хранится «Чуанцзянь цинчжэньсы бэйцзи» (创建清真寺碑记, Стела об основании мечети), где сказано, что мечеть была построена в годы правления Тяньбао (天宝) эпохи Тан, однако учёные Чэнь Юань (陈垣), Кувабара Дзо (Kuwabara Jitsuzō, 桑原鹭藏) и другие после исследований пришли к выводу, что эта стела была подделана в эпоху Мин [1; 2, с. 49–56]. Мечеть расположена в мусульманском квартале Хуэйфан (回坊) внутри городских стен Сианя эпохи Мин. Неоднократно реставрировалась, существующий архитектурный комплекс в основном относится к эпохам Мин и Цин. Планировка мечети представляет собой прямоугольник, вытянутый с запада на восток, и разделена на пять последовательных дворов. Каждый двор выполнен в форме четырёхугольника (сыхэюань) и объединён павильонами, террасами, беседками и залами, расположенными на одной оси. В центре третьего двора находится восьмиугольная башня

для призыва на молитву с покрытием из глазурованной черепицы и заострённым верхом, называемая «Син синь лоу» (省心楼, Павильон успокоения сердца). Черепичная крыша соответствует регламенту эпохи Мин для религиозных зданий. Мечеть занимает площадь около 13 000 квадратных метров, длина с запада на восток составляет около 247 метров, ширина с севера на юг – около 47 метров. Молитвенный зал находится в пятом дворе, на вершине центральной оси комплекса; он огромен и может вместить более тысячи человек одновременно для молитвы. Декор потолка в молитвенном зале с плоскими кессонами (平棊, пин ци) является единственным сохранившимся в Китае образцом такого оформления с использованием коранических аятов [23, с. 21]. Длина центральной оси составляет около 245 метров, по обеим сторонам от неё симметрично расположены деревянная арка (牌楼, пайлоу), каменная арка (石坊, шифан), ворота (门楼, мэнлоу), южные и северные залы, флигели (厢房, сяньфан) и смотровая терраса (月台, юэтай). Детали арки пайлоу искусно вырезаны, декор изыскан. На передней перекладине написано «Чи цы ли бай сы» (敕赐礼拜寺, Мечеть, дарованный императором) – это каллиграфия Дун Цичана (董其昌), известного каллиграфа эпохи Мин. На задней стороне вырезаны пять больших иероглифов «Дао фа цань тянь ди» (道法参天地, Путь закона пронизывает Небо и Землю) – это каллиграфия Ми Фу (米芾), известного каллиграфа эпохи Сун. Благодаря гибкой пространственной планировке, декоративному стилю, сочетающему исламские элементы, и компоновке в форме традиционного китайского двора, эта мечеть является единственной в мире мечетью в стиле китайского сада.

Другая мечеть в Сиане – Да сюэ си сянь (大学习巷) – была перестроена в эпоху Мин. Она занимает площадь около 6067 кв. м, общая площадь застройки составляет 2700 кв. м. В комплекс входят экранная стена (照壁, чжао би), каменная арка, главные ворота, три зала, павильон успокоения сердца, южные и северные залы, беседки с каменными стелами (碑亭, бэйтин), комната имамов, помещение для омовений, главный молитвенный зал и другие здания. Есть каменная арка с четырьмя колоннами и тремя проходами. На внешней стороне средней колонны вырезано «Чи цзянь лю цы» (敕建陆次, Шесть раз построено по императорскому указу), что означает масштабное строительство. На обратной стороне перекладины вырезано «Ци цзунь у дуй» (其尊无对, Его величие не имеет равных) – фраза из «Чжу цзы цзи чжу» (朱子集注, Собрание комментариев Чжу Си). На каменной арке также вырезаны изысканные растительные узоры.

Репрезентативной мечетью в юго-восточном регионе Китая является, например, Восточная ме-

четь Цзинина. Перед мечетью стоит каменная арочная стела (石碑楼, шибэй лоу), построенная в 1691 году, с тремя проходами и четырьмя колоннами, полностью выполненная из белого мрамора. В центре верхней перекладины арки находится каменный сосуд в форме драгоценной бутылки, по бокам от него – два каменных облака, на которых, соответственно, покоятся солнце и полумесяц. Поскольку слева изображено солнце, а справа – полумесяц, эта арка называется «Жи юэ фан» (日月坊, Арка Солнца и Луны) [20, с. 75].

Что касается юго-западного региона Китая, например, в Гуанси-Чжуанском автономном районе (广西壮族自治区), город Гуйлинь (桂林) является городом с самой высокой концентрацией хуэйского населения и мечетей в Гуанси. Большинство мечетей Гуйлиня очень скромны и ориентированы на практичность; их объёмы часто незаметно «растворяются» среди окружающей застройки. В традиционной китайской дворовой архитектуре они обычно одноэтажные, но многие мечети Гуйлиня расположены в оживлённых местах, поэтому наблюдается тенденция к вертикальному развитию. В Гуйлине есть даже женские мечети. Кроме того, учитывая, что ислам придаёт большое значение почитанию и заботе о старших, при мечетях созданы дома престарелых. Первоначально в мечети Сисянь (西巷), расположенной в центре города, на первом этаже было построено семь комнат для дома престарелых; позже они были перенесены в мечеть Мапин (码坪) в парке Ци-сюнь (七星) [6, с. 115].

Крупнейшей древней мечетью в северном регионе Китая является Северная мечеть Цанчжоу (Цанчжоу цинчжэнь бэй да сы, 沧州清真北大寺), строительство которой началось в конце правления Цзяньвэнь (建文) эпохи Мин. Мечеть расположена в восточной прибрежной зоне провинции Хэбэй, в городе, где проживает самое большое количество хуэйцев на Северо-Китайской равнине. Начиная с эпохи Мин, в этот район переселилось большое количество хуэйских жителей. В Северной мечети сохранились 81 комната главного зала, 13 комнат южного лекционного зала, 6 помещений для омовений и 3 комнаты противоположного зала.

В центральном регионе Китая, в Нанкине (бывшем Интяньфу, 应天府), который был столицей в ранний период эпохи Мин, мечети очень показательны. Одной из них является мечеть Цзинцзюэ сы (净觉寺), построенная по императорскому указу. Согласно «Новой хронике Цзиньлина эры Чжэнчжун (Чжичжэнь Цзиньлин синьчжи) (至正金陵新志), составленной Чжан Сюанем (张铉) в эпоху Юань, история этой мечети восходит к эпохе Юань. В 1388 и 1392 годах (эпоха Мин) мечеть была построена и расширена на том же месте по императорскому указу, о чём имеется ясная запись на стеле, установленной в 1405 году.

Позже она сгорела. В 1430 году император Сюань-цзун (宣宗) династии Мин повелел восстановить её. Цзинцзюэ сы (净觉寺) – самая старая и самая большая мечеть в Нанкине из существующих. Хотя большая часть нынешних построек была перестроена в эпоху Цин, их планировка сохранила формы эпохи Мин, а стиль и декор в основном остались неизменными. Представители Цзиньлин-ской школы (Цзиньлин сюэпай, 金陵学派), такие как Ван Дайюй (王岱舆), У Цзуньцзи (伍遵契), Лю Чжи (刘智) и другие, занимались в этой мечети переводом и написанием трудов на китайском языке [24, с. 80–81]. В годы правления Цзяцзин (嘉靖, 1522–1566 гг.) император Ши-цзун (世宗) даровал мечети доску с надписью «Цзинцзюэ сы» (净觉寺) и построил арку пайлоу. Арка была двухъярусной, с тремя карнизами и четырьмя загнутыми углами; на лицевой стороне были вырезаны рельефные облака и растительные узоры, в центре – «Чи цы» (敕赐, По императорскому указу), а также доска с надписью «Цзинцзюэ сы» [20, с. 75].

Одна из четырёх великих древних мечетей Китая – мечеть Сяньхэ (Сяньхэ сы, 仙鹤寺) – была построена в эпоху Южной Сун (南宋) и перестроена в эпоху Мин (1390 год); существующие основные здания относятся к эпохам Мин и Цин. Общая планировка мечети имитирует форму расправляющего крылья журавля (сяньхэ, 仙鹤), нарушая симметрию, но при этом содержит тонкое конструктивное решение: главные ворота и экранная стена из зелёного кирпича – это голова журавля, длинный узкий коридор за воротами – шея, главный молитвенный зал – тело, северный и южный залы – крылья, кипарисы по бокам зала – ноги, бамбуковая роща за залом – хвост журавля. Мечеть получила своё название именно из-за этой планировки. С функциональной точки зрения, узкий коридор направляет поток людей и создаёт религиозную атмосферу, а главный молитвенный зал, расположенный в центре, с широким обзором, подчёркивает свою особую важность. Древний Янчжоу (扬州) называли «Городом журавля»; такая планировка, берущая за основу благоприятный символизм журавля, отражает слияние с традиционной китайской культурой. Кроме того, на территории мечети используются приёмы садово-паркового искусства Цзяннани: здесь много бамбука, цветов и деревьев, установлены колодцы, каменные столы, различные залы, беседки, павильоны и галереи, создающие атмосферу «хоть и создано человеком, но словно рождено Небом», что ярко отражает изящество и элегантность цзяннаньских садов.

Что касается северо-восточного региона Китая, то на рубеже эпох Юань и Мин, под влиянием смены династий и региональной политики, часть

монголов, исповедовавших ислам, а также заслуженные хуэйские сановники, помогавшие основанию династии Мин, и их семьи были вынуждены переселиться в северо-восточные города: Шэньян (沈阳), Цзиньчжоу (锦州), Ляоян (辽阳) и другие. К концу эпохи Мин в нынешних провинциях Ляонин (辽宁) и Цзилинь (吉林) уже было построено несколько мечетей, а мусульмане начали селиться в отдельных районах провинции Хэйлунцзян (黑龙江). Позже всё больше мусульман мигрировало в северные районы провинции Хэйлунцзян [25, с. 104–109]. Данные показывают, что до образования Китайской Народной Республики в провинции Хэйлунцзян насчитывалось 49 мечетей [26, с. 100]. В настоящее время существует более 30 мечетей, из них 10 мечетей возрастом более ста лет. В городе Харбин (哈尔滨) сохранилось 6 мечетей: мечеть Хулань (呼兰), мечеть Сяньфан (香坊), Харбинская мечеть (Харбин цинчжэнь сы, 哈尔滨清真寺), Татарская мечеть (Дада цинчжэнь сы, 鞑靼清真寺), мечеть Ачэн (阿城) и мечеть Илань (依兰); остальные 4 – это мечеть Букуй (卜奎) в городе Цицикар (齐齐哈尔), мечеть Бохай (渤海) в городе Муданьцзян (牡丹江), мечеть Нинъань (宁安) и мечеть Хэйхэ (黑河). Из них 9 были построены в эпоху Цин [8, с. 25]. Развитие мечетей в этом регионе началось постепенно только с основания династии Цин в 1644 году. При первоначальном строительстве они обычно представляли собой три соломенные хижины, используя архитектурные формы традиционных жилых домов провинции Хэйлунцзян: конструкции из дерева и земли, покрытие соломой, черепицей, сырцовым кирпичом и т. д. Особенно в случаях, когда ориентация здания не соответствовала направлению на Киблу, ориентацию здания не меняли, а внутреннее пространство перестраивали так, чтобы оно было ориентировано на восток-запад, удовлетворяя потребности ритуала. Позже перестройка этих первоначальных зданий в дворцовые мечети часто занимала несколько десятилетий. За это время мусульмане, первоначально поселившиеся там и подвергавшиеся давлению местных властей, увеличивали свою численность и укрепляли экономическую мощь. Из указов, изданных в годы правления Канси (康熙), видно, что правительство Цин начало привлекать хуэйских мусульман на свою сторону и поддерживать их веру. Однако в процессе строительства мечетей местные власти ограничивали их возведение и выбор архитектурных форм, в то время как центральное правительство иногда, наоборот, активно поддерживало существование мечетей [9, с. 67]. Стоит отметить, что в провинции Хэйлунцзян, благодаря её уникальному географическому положению, кроме мечетей в стиле классических китайских храмов или арабской архитектуры, есть

ещё одна мечеть в китайско-русском стиле – это мечеть Хэйхэ (黑河). Она выполнена в архитектурной форме «му кэ лэн» (木刻楞, бревенчатый дом), без опор и соединительных гвоздей, с использованием крупных брёвен в качестве основного строительного материала. Общий цвет здания зелёный, общая площадь – 1000 квадратных метров.

Многие мечети также демонстрируют местные региональные особенности. Например, мечеть Лянхуацунь (莲花村) в горе Вэйшань (巍山) города Дали (大理) провинции Юньнань (云南), имеет высоко поднятый павильон на склоне холма – это характерная черта архитектуры региона Иси (迤西) в Юньнани. Другим примером являются пещерные мечети (яодун цинчжэньсы, 窑洞清真寺) в Лёссовом плато (Хуанту гаюань, 黄土高原) в регионах Ганьсу, Цинхай и Нинся, это форма жилищ, возникшая под влиянием местных строительных материалов и климата. Мечеть Хуацзюэсян в Сиане и мечеть Нюцзе в Пекине, обе построенные по императорскому указу в эпоху Мин, богаты архитектурными особенностями императорских садов. На их узких ритуальных осях расположены различные сооружения, каждое из которых имеет своё значение, а во дворах есть сады с деревьями и цветами. Эти мечети относятся к более высокому типу и также называются «мечетями-ширмами» (чжан цзин ши цинчжэньсы, 障景式清真寺) [7, с. 68].

Выводы

Настоящее исследование, основанное на комплексном изучении архитектуры древних китайских мечетей, позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. В архитектуре древних китайских мечетей широко применялись традиционная китайская дворовая планировка (сыхэюань), деревянные конструкции, а также такие декоративные приёмы, как цветная роспись, резьба по кирпичу и парные надписи на столбах. В орнаментах сочетаются исламские геометрические узоры, арабская каллиграфия и китайские мотивы, символизирующие благополучие, что создаёт уникальный архитектурный облик, соединяющий религиозную сакральность и местные эстетические вкусы.

2. Архитектура мечетей в различных регионах, приспособившись к климатическим условиям, доступным материалам и местной культуре, одновременно отражает глубину взаимодействия ислама с этническими культурами разных регионов Китая.

3. Сопоставляя полученные результаты с поставленной в начале исследования целью, можно утверждать, что в данной работе в основном завершено систематическое описание региональных типов, стилистических особенностей и механизмов культурной интеграции. Однако остаются аспекты, требующие дальнейшего углубления, такие как точная датировка мечетей в различных регионах

и установление личностей их строителей, влияние различных религиозных течений (школ, направлений) на архитектурные формы, а также эволюция функций мечетей в новое и новейшее время.

Литература

1. 陈垣, 陈垣学术论文集第1集, 北京: 中华书局, 1980年, 页546–547.
2. 桑原鹭藏著, 牟润孙译, 创建清真寺碑记, 禹贡, 1936年第11期.
3. 白寿彝主编, 中国回回民族史, 北京: 中华书局, 2003年, 1462页.
4. 杨怀中、余振贵主编, 伊斯兰与中国文化, 银川: 宁夏人民出版社, 1995年, 633页.
5. 马宗保, 试析中国传统风格清真寺建筑彩画装饰艺术, 中国回族学第6卷, 2018年, 页34–36.
6. 哈秧、罗瑜斌, 伊斯兰文化的本土化—桂林清真寺建筑初探, 四川建筑科学研究, 2015年8月, 第41卷第4期, 页111–115.
7. 齐一聪、马佳星、何晨旭, 清真寺建筑中国化研究, 中国宗教, 2025年第5期, 成都, 页68–69.
8. 裴琳, 黑龙江地区清真寺古建筑研究, 城市建筑研究, 2018年第10期, 沈阳, 页25–26.
9. 朱彦涵, 黑龙江省清真寺建筑研究, 工学硕士学位论文, 哈尔滨工业大学建筑学院, 2018年, 哈尔滨, 102页.
10. Broomhall M., Islam in China: A Neglected Problem, London: Morgan & Scott; China Inland Mission, 1910, 332 p.
11. 李兴华、冯今源编, 中国伊斯兰教史参考资料选编 (1911–1949), 银川: 宁夏人民出版社, 1985年, 1824页.
12. 责任编辑惠晶, 中国社会科学院世界宗教研究所伊斯兰教研究室主编, 伊斯兰教文化面面观, 济南: 齐鲁书社, 1991年.
13. 李佳, 我国清真寺建筑特点分析, 设计与案例, 北京, 2019年2月上期.
14. 樊璐, 中国两类清真寺建筑对比浅析, 建筑研究, 2013年, 页221–225.
15. 谢文璇, 明清时期清真寺建筑装饰的中国化特色, 中国穆斯林, 北京, 2024年, 页77–80.
16. 王迪, 明清时期清真寺的中国化装饰艺术, 中国宗教, 2021年, 页64–65.
17. 张川, 熠熠生辉的伊斯兰教中国化明珠记河南省开封市朱仙镇清真寺, 中国宗教, 2023年, (05).
18. 周琦, 我国清真寺建筑美学世纪的中国化特质, 中国穆斯林, 2026年1月, 页89–91.
19. 马治安, 明清时期清真寺建筑的中国化—以云南为例, 中国宗教, 2024年第4期, 页80–81.

20. 石运达, 牌楼–明清时期清真寺建筑中国化的独特景观, 中国宗教, 2022年, 页74–75.
21. 马成俊, 清真寺匾额: 中国伊斯兰文化精髓的重要载体, 中国穆斯林, 2025年2月, 页18–29.
22. 林秀丽, 伊斯兰教中国化的文学呈现–以明清时期清真寺的楹联为例, 中国宗教, 2024年第3期, 页80–81.
23. 马岚, 西安化觉巷清真寺平基研究, 文物世界, 2020年6月, 西安, 页21–24.

24. 李倩, 明代清真寺建筑的中国化特色–以南京净觉寺为例, 中国宗教, 2024年第4期, 南京, 页80–81.
25. Ryavec, K. E. Core-Periphery GIS Model of the Historical Growth and Spread of Islam in China[J] / K. E. Ryavec, M. A. Henderson. – 2015. – 48 (2). P. 103–111.
26. 吴建伟, 中国清真寺综览[M]. 银川: 宁夏人民出版社, 1995年, 页99–122.

Чжан Сыннин – соискатель кафедры востоковедения факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск), e-mail: natalia95sato@gmail.com. ORCID 0009-0005-8459-5236

Поступила в редакцию 12 августа 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260406

ISLAMIC ARCHITECTURE OF MEDIEVAL CHINA

S. Zhang

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of Islamic architecture in medieval China, specifically Chinese mosques, with the aim of systematically studying their geographical distribution and stylistic types. The style of mosques in this period is one of the most representative material monuments of the process of Sinicization of Islam. Mosques not only preserve the memory of the religious life of Muslim communities but also serve as material evidence of the long-term interaction of Islamic culture with traditional Chinese architecture and aesthetic concepts. In the context of the deepening promotion of the Belt and Road Initiative and more frequent inter-civilizational dialogue, the systematic study of the territorial distribution, evolution of styles, and decorative art of ancient Chinese mosques has practical significance. First, it contributes to a deeper understanding of how a “foreign” religion “took root” in Chinese society. Second, the architecture of mosques as a spatial carrier of interethnic contacts, exchanges, and mutual penetration has positive significance for strengthening the sense of community for the Chinese nation and promoting national unity. Third, the wisdom of the “convergence of Islam and Confucianism” embodied in ancient mosques. Finally, in the context of growing attention to the protection of cultural heritage, the study of the architecture of ancient mosques can also provide scientific support for the restoration of relevant monuments. Thus, this article is not only a supplement to the history of the localization of Islam in China but also an academic practice that responds to the demands of the time and serves real needs.

Keywords: Chinese Muslims, mosques, history of Islam, Muslim community, history of religion, history of Muslims.

References

1. Chen Yuan, Chen Yuan's. Academic Essays. Vol. 1. Beijing: Zhonghua Book Company, 1980. P. 546–547. (in Chinese)
2. Kuwabara Jitsuzō, Mou Runsun (Trans.). “Records of the Establishment of a Mosque” // *Yu Gong*. 1936. Iss. 11. (in Chinese)
3. Bai Shouyi (ed.). History of the Hui People in China. Beijing: Zhonghua Book Company, 2003. 1462 p. (in Chinese)
4. Yang Huaizhong, Yu Zhengui (eds.). Islam and Chinese Culture, Yinchuan: Ningxia People's Publishing House, 1995. 633 p. (in Chinese)
5. Ma Zongbao. An Analysis of the Decorative Art of Color Paintings in Traditional Chinese-Style Mosque Architecture // *Chinese Hui Studies*. 2018. Vol. 6. P. 34–36. (in Chinese)

6. Ha Yang, Luo Yubin. The Localization of Islamic Culture – A Preliminary Study of Mosque Architecture in Guilin // *Sichuan Building Science Research*. 2015. Vol. 41, Iss. 4. P. 111–115. (in Chinese)
7. Qi Yicong, Ma Jiaxing, He Chenxu. A Study on the Sinicization of Mosque Architecture // *Chinese Religion*. 2025, Chengdu. P. 68–69. (in Chinese)
8. Pei Lin. A Study of the Ancient Architecture of Mosques in the Heilongjiang Region // *Urban Architecture Research*. 2018. Iss. 10, Shenyang. P. 25–26. (in Chinese)
9. Zhu Yanhan. A Study of Mosque Architecture in Heilongjiang Province // *Master's Thesis in Engineering*. Harbin: School of Architecture, Harbin Institute of Technology, 2018. 102 p. (in Chinese)
10. Broomhall M. Islam in China: A Neglected Problem. London: Morgan & Scott; China Inland Mission, 1910. 332 p.
11. Li Xinghua, Feng Jinyuan (eds.). Selected Materials on the History of Islam in China (1911–1949). Yinchuan: Ningxia People's Publishing House, 1985. 1824 p. (in Chinese)
12. Hui Jing (ed.). Institute of Islamic Studies // *Chinese Academy of Social Sciences, Aspects of Islamic Culture*. Jinan: Qilu Press, 1991. (in Chinese)
13. Li Jia., Analysis of the Characteristics of Mosque Architecture in China // *Design and Case*. Beijing. February 2019. (in Chinese)
14. Fan Lu. A Comparative Analysis of Two Types of Mosque Architecture in China // *Architectural Research*. 2013. P. 221–225. (in Chinese)
15. Xie Wenxuan. The Sinicization Characteristics of Mosque Architectural Decoration in the Ming and Qing Dynasties // *Chinese Muslim*. Beijing, 2024. P. 77–80. (in Chinese)
16. Wang Di., The Sinicization of Decorative Art in Mosques during the Ming and Qing Dynasties // *Chinese Religion*. 2021. P. 64–65. (in Chinese)
17. Zhang Chuan. A Shining Pearl of the Sinicization of Islam: Notes on the Zhuxianzhen Mosque in Kaifeng, Henan Province // *Chinese Religio*. 2023. Iss. 5. (in Chinese)
18. Zhou Qi. The Sinicization Characteristics of Mosque Architectural Aesthetics in China in the Century // *Chinese Muslim*. January 2026. P. 89–91. (in Chinese)
19. Ma Zhi'an. The Sinicization of Mosque Architecture in the Ming and Qing Dynasties: A Case Study of Yunnan // *Chinese Religion*. 2024. Iss. 4. P. 80–81. (in Chinese)
20. Shi Yunda. Memorial Archways: A Unique Landscape of the Sinicization of Mosque Architecture in the Ming and Qing Dynasties // *Chinese Religion*. 2022. pp. 74–75. (in Chinese)
21. Ma Chengjun. Mosque Plaques: An Important Carrier of the Essence of Chinese Islamic Culture // *Chinese Muslim*. February 2025. P. 18–29. (in Chinese)
22. Lin Xiuli. The Literary Presentation of the Sinicization of Islam – A Case Study of Couplets in Mosques during the Ming and Qing Dynasties // *Chinese Religion*. 2024. P. 80–81. (in Chinese)
23. Ma Lan. A Study of the Coffered Ceiling (Pingqi) in the Huajuexiang Mosque in Xi'an // *Cultural Relics World*. June 2020, Xi'an, P. 21–24. (in Chinese)
24. Li Qian. The Sinicization Characteristics of Mosque Architecture during the Ming Dynasty – A Case Study of the Jingjue Mosque in Nanjing // *Chinese Religion*. 2024, Nanjing. P. 80–81. (in Chinese)
25. Ryavec K.E., Henderson M. A Core-Periphery GIS Model of the Historical Growth and Spread of Islam in China[J]. 2015. 48(2). P. 103–111.
26. Wu Jianwei. A Comprehensive Survey of Chinese Mosques[M]. Yinchuan: Ningxia People's Publishing House, 1995. P. 99–122. (in Chinese)

Sining Zhang – Postgraduate Student of the Department of Oriental Studies, Faculty of International Relations, Belarusian State University (Minsk), e-mail: natalia95sato@gmail.com

Received August 12, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чжан, С. Исламская архитектура средневекового Китая / С. Чжан // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 49–58. DOI: 10.14529/ssh260406

FOR CITATION

Zhang S. Islamic architecture of medieval China. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 49–58. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260406

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ БОЛЬШОГО ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦА XVIII СТОЛЕТИЯ

Е. С. Епарина

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Архитектурный образ Большого Царскосельского дворца (с 1910 г. – Екатерининского), формировавшийся на протяжении всего XVIII в., зафиксирован в проектах и живописных произведениях. Актуальность работы связана с необходимостью уточнения авторства проекта дворца. Цель работы – определить основные периоды формирования планировочной структуры дворца. Исследование архивных документов и графических материалов дает возможность выявить особенности архитектоники здания на разных этапах. Традиционно авторство дворца приписывалось Ф. Растрелли, однако анализ указанных материалов показывает, что над созданием дворца работали выдающиеся русские архитекторы середины XVIII столетия: М. Г. Земцов, с 1743 г. его ученик А. В. Квасов, затем С. И. Чевакинский, они внесли значительный вклад в формирование структуры дворца. Первые «каменные палаты о шестнадцати светлицах», возведённые И. Браунштейном к 1723 г., были включены в объём нового здания. Не все части дворца, выстроенные в XVIII в., сохранились до настоящего времени, в частности, была уничтожена Парадная лестница, находившаяся в южной части, построенная на месте Оранжерейного зала, парадный вход при Екатерине II был перенесён в центральную часть дворца; отдельная домовая церковь, возведённая напротив Холодной бани в конце XVIII столетия, была разобрана в правление Павла Петровича. Во второй половине XVIII в. с двух сторон здание дворца было фланкировано двумя флигелями – Церковным и Zubовским, что принципиально изменило первоначальный замысел. Композиция дворца была изменена, не все возведённые объёмы сохранились до наших дней, изучение архивных материалов позволило описать эволюцию образа здания.

Ключевые слова: Царское Село; Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения эволюции образа дворца в XVIII в., в архитектурных проектах, иконографических и архивных материалах, в которых зафиксированы изменения: из небольшого строения из камня о двух этажах и шестнадцати светлицах он превратился в роскошный дворец протяженностью более трехсот метров, фланкированный корпусами и ограниченный со стороны Парадного двора зданиями полуциркуль.

Цель – выявить основные этапы разработки планировочной структуры Екатерининского дворца и изучить архитектурные проекты и изобразительные материалы.

Задачи: проанализировать проектные чертежи и архивные материалы построенных объёмов дворца по проектам И. Браунштейна, М. Г. Земцова, А. В. Квасова, С. И. Чевакинского, Б. Ф. Растрелли, Ю. М. Фельтена и Ч. Камерона; определить роль европейских архитекторов; проследить трансформацию образа дворца в работах М. И. Махаева, Л. Н. Де Леспинаса и Е. Е. Лансере.

Обзор литературы

Исследуемые в данной статье вопросы уже были отчасти описаны, история создания дворца отражена во многих изданиях, в частности, в рабо-

тах И. Ф. Яковкина [1], А. Н. Бенуа [2], С. Н. Вильчковского [3], в послереволюционный период в многочисленных путеводителях по музею, а также изданиях, появившихся в послевоенный период, в работе А. Н. Петрова (1964) [4], но частные вопросы отдельных периодов возведения здания, связанные с архитектурными чертежами и планами, в научно-популярных изданиях не были рассмотрены, так как не являлись актуальными для того типа изданий. Архитектор А. А. Кедринский [5] изучил архитектурные проекты первой половины и середины XVIII в. Представляется, что эволюция образа дворца, активно изменявшаяся на протяжении всего XVIII в., заслуживает особого внимания. Биография Ф. Растрелли рассмотрена в работах А. В. Матвеева (1938) [7] и К. В. Малиновского (2017) [8].

Методы исследования

В работе используется комплексный анализ сохранившихся материалов, были применены следующие методы: историко-сравнительный, иконографический, архитектурный анализ, анализ источниковедческий, архивных материалов.

Результаты и дискуссия

Изобразительных материалов Сарской мызы (с 1780 г. – Царское Село), представляющих ее образ в первые годы существования, почти не сохра-

нилось; известно, что Петр был в усадьбе всего шесть раз, он собственноручно участвовал в создании планов парков, в том числе, Петергофа [6, с. 23] и, в частности, сада на мызе – это один из ценнейших документов. Сохранился также план парка, его исполнил садовник Я. Розен. О том, как выглядел чертеж первого каменного дворца, который выстроил И. Браунштейн, ученик Д. Трезини, неизвестно.

В 1717–1723 гг. были возведены первые здания из камня, которые легли в основу Екатерининского дворца, и была разбита часть регулярного парка. К концу 1723 г. на месте старых деревянных хором под руководством И. Ф. Браунштейна и «палатного мастера» И. Ферстера был выстроен дворец, известный в истории Сарской мызы под названием «Каменных палат».

Его образ был воссоздан архитектором Е. Е. Лансере на основе модели, до 1941 г. находившейся в Екатерининском дворце и утраченной в годы войны, эти чертежи-реконструкции опубликованы в труде А. Н. Бенуа, который писал, что в Арсенале хранились две модели, которые дают представление об образе дворца и его внутреннем плане. Первая модель – копия дворца, построенного Браунштейном. А. А. Кедринский предположил, что сохранившаяся фотография полуразрушенного строения – это дом мызника еще до перестройки.

В 1724 г., когда строительство дворца, построенного в любимом царем голландском стиле, было закончено, весь двор «9 августа 1724 года изрядно пировал здесь несколько дней» [2, с. 25]. В книге А. Н. Бенуа опубликована работа Е. Е. Лансере, где изображено это событие.

После смерти Екатерины I Царскосельскую усадьбу унаследовала Елизавета. В 1742 г. к строительству в летней резиденции был приглашен М. Г. Земцов, в 1743 г. он подготовил проект перестройки каменных палат Браунштейна. 30 мая 1743 г. Елизавета приказала «по обе стороны от палат пристроить галереи на колоннах и на концах флигели» [2, с. 25]. В первые годы царствования императрицы Ф. Растрелли, бывший придворным архитектором Анны Иоанновны, не был приглашен ко двору, сократилось количество заказов, данных ему на проектирование; обязанности обер-архитектора с 1742 г. до самой смерти исполнял М. Г. Земцов. Он внес значительный вклад в историю развития архитектуры [5, с. 10]. Данные об архитекторе очень отрывочны. А. А. Кедринский пишет, что в коллекции датского посла Берхгольца, приобретенной шведским посланником, сохранился проект нового дворца в Царском Селе, созданный по проекту Земцова.

Он сохранил первый каменный дворец Браунштейна как памятное здание о родителях для Елизаветы, его расширение велось только за счет освоения объема кровли, где делались дополнительные оконные проемы. Кроме того, планирова-

лось ко дворцу пристроить деревянные галереи-переходы, которые были спроектированы слева и справа от него к Кавалерскому и Фрейлинскому корпусам, их строительство было вызвано необходимостью увеличения придворного штата.

На чертеже М. Г. Земцова 1743 г. представлен проект расширения дворца, изображена часть здания: средний дом, боковые флигели, галереи-переходы во втором этаже, дополненные балюстрадой.

Оранжерейный зал, задуманный как важный элемент проекта Земцова, планировали построить на месте будущего Зубовского флигеля. В июне 1741 г. был издан указ о строительстве оранжереи и теплицы согласно чертежам Земцова. Но 23 августа 1743 г. было принято решение о разборке старой оранжереи из камня, расположенной приблизительно напротив пруда, и возведении новой. Первоначально оранжерея располагалась отдельно, но впоследствии ее соединили галереей с левым флигелем. Строительные работы начались 18 июня 1744 г. и вчерне завершены 1 сентября того же года [2, с. 43].

Следующий этап в истории возведения дворца связан с именем А. В. Квасова, одного из учеников Земцова, который изучал архитектуру на протяжении десяти лет. 17 октября 1743 г. указом Елизаветы Петровны за проявленное усердие его назначили в подмастерья. В документах о нем сообщалось, что в Царское Село «определен Архитекторский Помощник Квасов, однако он еще человек молодой», поэтому он не руководил строительством, а «в виде руководителя приставлен известный техник того времени, Джузеппе Трезини» [2, с. 44].

1 декабря 1743 г. Елизавета приказала по модели Квасова, а также его проекту, планам и чертежам фасадов летом 1744 г. построить каменные и деревянные строения с двух сторон от палат – выстроить каменные флигели на погребках, а между ними – деревянные галереи. По проекту предполагалось с западной стороны устроить плотным циркулем служебные постройки в один этаж, обрамляющие вновь устроенный Парадный двор.

Квасов писал 10 июля 1744 г. Елизавете, что постройка двух флигелей у палат, галерей и оранжерей уже «начата» и что он надеется закончить их вчерне к следующему августу. Вместе с докладом он отправил императрице в Москву «модель строениям против апробованных планов и “фачатов”». Эти проекты и модель были посланы Квасовым через ученика Мыльников. Императрица, утвердив модель постройки, строго запретила выравнивать неровность земли на дворе до ее возвращения в столицу [2, с. 32].

Судя по сохранившейся модели, созданной в 1744 г., А. В. Квасов выполнил новый проект на высочайшем уровне, который получил одобрение. Как пишет А. А. Кедринский: «Центральный

старый каменный дворец он надстроил на один этаж, расширил его по фронту и нарисовал великолепные новые фасады, сохранив примыкающие к центральному дому галереи-переходы из дерева, соединявшие его с боковыми корпусами, возведенными по проекту М. Г. Земцова, но улучшив детали архитектуры. К новым боковым корпусам он возвел галереи, соединив с одной стороны запроектированную им новую дворцовую церковь, а с другой стороны – Оранжерейный зал, в процессе проектирования и строительства превращенный в Портретный зал. Церковь по указу императрицы была устроена пятиглавой, тем самым была возрождена исконно русская традиция, в отличие от купольных храмов во флорентийском вкусе, характерных для периода Анны Иоанновны [5, с. 34].

Композиционное решение дворца Квасова близко к более поздним проектам Растрелли. На модели отчетливо просматриваются акценты на центральной и боковых частях дворца. Стилистическое решение декоративных элементов Квасова (пилястр, капителей, лепного декора) сдержанно, менее выразительно, что было характерно для раннего периода Растрелли. Центральный корпус в семнадцать осей был связан одноэтажными галереями с флигелями в девять осей, которые были соединены с церковью и оранжереей, над крайними галереями были устроены висячие сады. Выверенное сочетание галерей, Висячего сада и Оранжерейного зала (позже на его месте Растрелли построит парадную лестницу) свидетельствует о выдающемся таланте Квасова.

Здание дворца петровского времени сначала оставалось нетронутым, к нему были пристроены флигели. А. Н. Бенуа пишет, что в старых палатах «(отныне называвшихся “средним домом”) были даже сделаны некоторые украшения, очевидно, потому что здесь продолжала останавливаться Елизавета» [2, с. 35]. В 1744 г. начались работы по постройке флигелей, которые должны были быть каждый по 14 саж. и 3 фута длины и на $9\frac{1}{3}$ саж. ширины.

Чевакинский сменил А. В. Квасова в работах по строительству резиденции, в 1745 г. по его проекту было приказано еще больше расширить строение. На чертеже надстройки среднего дома и галерей, выполненном архитектором Чевакинским и Растрелли, изображена средняя часть дворца, а также боковые флигели, объединенные трехэтажными переходами под общей крышей. Этот лист отличается от более позднего проекта Растрелли, где каждый корпус венчала отдельная многоскатная крыша. Боковые флигели соединены с церковью и с противоположной стороны с объемом парадной лестницы открытыми висячими садами на галереях с двух сторон.

По первоначальному проекту церковь должна была быть увенчана куполом, но указом 14 октяб-

ря 1746 г. Елизавета приказала сделать 5 глав [2, с. 46]. На чертеже Чевакинского видно, что с одной стороны церковь завершена пятиглавием в традициях московских церквей XVII в., а с другой стороны – павильоном парадной лестницы, также увенчанным пятью куполами.

В сентябре 1748 г. в связи с протечками в сводах Висячего сада Чевакинского отстранили, а вместо него в 1749 г. пригласили Растрелли, который перестраивал церковь по проекту Чевакинского с 1747 г. Строительство церкви велось в 1745–1748 гг. под руководством Ф. Растрелли при участии А. В. Квасова и С. И. Чевакинского. Работы по строительству церкви были почти завершены, когда Растрелли надстроил второй этаж дворца над галереями между средним флигелем. В марте 1749 г. приказали галереи сделать деревянные и покрыть, устроить окна, а через месяц вместо них приказано построить галереи из камня.

В собрании Эрмитажа представлен проект, на котором фронтоны церкви и объем Парадной лестницы, расположенные с двух сторон от дворца, венчают фигуры ангелов. Купольная крыша церкви декорирована гирляндами цветов, маковки церкви с крестами без подножий (нижних поперечин).

Как выглядела Парадная лестница, становится ясно из описи Неелова: «Подле той пятой антикамеры парадная лестница на два восхода, на каждой восход с трех мест, в ней полы и по лестнице и по площадкам штучные, а ступени дубовые, по той лестнице решетки деревянные резные и по верхнюю площадку по всем четырем стенам и около лестницы убор столлярной с пилонами, пилястрами и панелями, а на верхней площадке колонны и против их пилястры под колоннами термусы и кронштейны, и по лестнице вазы и фигуры резные...» [9].

Обязательным элементом дворцовых интерьеров являлись гроты – специальные помещения, оформленные с использованием морского туфа («туфштейна») и раковин. Грот было решено устроить в нижнем этаже правого флигеля, где назначено было быть собственному ее величества погребку, его перенесли на место поварни, которую отсылали в то место, какое назначено будет [2, с. 62]. Бенуа писал, что грот был роскошен. Стены его были покрыты зеркальными полированными стеклами, привезенными по указу 23 августа 1746 г. с Ямбургских стеклянных заводов. В 1746 г. грот был сделан без сводов.

После завершения отделки дворца продолжалось украшение этого грота, через Растрелли куплено иностранных редких раковин 32.094 штуки, суммой на 1.227 руб. 40 к. и 90 фунтов по 40 к. Всего ракушек было 122.003 штуки, и в запасе находилось еще присланных из Астрахани 27 коробов, 90 четвертей и 1 четверик. Часть этих раковин использовали для другого зала-грота, устроенного Растрелли под правым висячим садом [2, с. 53].

В мае 1751 г. было указано сломать одну из галерей и вместо нее построить новую с уширением. И только в 1752 г. Растрелли приступил к перестройке дворца, которая продолжалась четыре года. В мае 1752 г. императрица приказала разобрать у среднего корпуса и боковых флигелей, как потолки, так и кровли и выстроить вновь, увеличив их в высоту. В июле 1754 г. было повелено демонтировать крайние галереи (от церкви и оранжереи) и надстроить из кирпича.

26 июля 1754 г. Елизавета приказала купола и кровли церкви и над новопостроенным оранжерейным залом сломать и поднять их выше по показанию Растрелли. По проекту Растрелли все здание дворца было уже повышено, чтобы фасад выглядел гармонично, необходимо было «крайние части сделать более видными» [2, с. 54].

Дворец был вызолочен и снаружи, что подтверждает ведомость 1759 г. о приходе и расходе денежной казны и золота листового (по Царскому Селу) [10].

А. В. Ипполитов отметил, что в произведениях Растрелли можно «увидеть близость к венецианской архитектуре сеиченто и сеттеченто на палладианстве густо замешанной...». «В XVIII веке в венецианской архитектуре с барокко и рококо чуть ли не такая же неразбериха, как и в русской» [11, с. 54].

При анализе проекта дворца видно, что, вслед за Блонделем, для творчества Растрелли характерно выделение главного корпуса, его центральной части аттиком, с типичным декорированием его фронтоном. В меньшей мере Растрелли выделял центры крайних частей фасада. В частях зданий, где делался акцент, более богато были декорированы лепниной фасады и установлено множество колонн, наличников; на фронтонах установили скульптуру, что еще больше подчеркивало их центральное положение. Как писал Блондель, «следовало придать значение главному корпусу его украшением или возвышением. На обоих концах следует разместить павильоны менее изящные, чем центральный корпус» [7, с. 115].

Немецкий автор И. И. Беллерман в 1788 г. в «Замечаниях о России» описал дворец: «...внешний вид здания производит отталкивающее впечатление, вся крыша занята позолоченными статуями, все карнизы ... и другие украшения ... изобилуют золотом. Пять куполов на церкви и многое другое покрыто этим металлом» [12, с. 35].

Сохранилось небольшое количество иконографических материалов середины XVIII в., на которых представлен дворец. Среди них работа М. И. Махаева (1717–1770) «Большой Царскосельский дворец». В 1750-е гг. были написаны три панорамы Царского Села: «Большой Царскосельский дворец, «Вид Нового сада при Большом Царскосельском дворце», «Вид Старого сада». Данные полотна атрибутированы как работы художника

Ф. Г. Баризьена (1724–1796), но последняя из них в работе А. В. Матвеева [7, с. 61] опубликована как работа кисти М. И. Махаева, что подтверждается некоторыми особенностями работы.

Дворец запечатлен на гравюре Махаева «Дворец ея императорского величества в Царском Селе в 25-ти верстах от Санкт-Петербурга», исполненной в 1761 г. В 1750 г. наиболее талантливые ученики Дж. Валериани: А. А. Греков, Иван Лапкин и имеющий какой-то опыт М. И. Махаев – под руководством художника подготовили альбом 12 видов столицы, которые были исправлены и одобрены Валериани, в 1753 г. их гравировали и издали [5, с. 10].

В конце XVIII в. французский художник Л. Н. де Леспинас исполнил «Вид Большого Царскосельского дворца» (1783) – копию с работы Махаева, но добавил небольшие подробности. Композиция работы очень эффектна, дворец выглядит монументальным, удачная перспектива здания: открытыми воротами, ведущими на широкий двор, сразу привлекает внимание.

Вариация работы М. И. Махаева, входящая в состав серии видов Санкт-Петербурга, напечатанных в гравировальной палате при Академии наук, воспроизводится на листе для волшебного фонаря «Вид Большого Царскосельского дворца», выполненном неизвестным гравером в Аугсбурге в 1790-е гг., опубликованном в издательстве К. Иосифа. Гравюру из альбома, раскрашенную акварелью, отличает упрощенность рисунка и грубая раскраска, так как ее следовало рассматривать при свечах. На листе представлен тот же ракурс, что и на работе Махаева, в центре листа – ворота, очерчивающие Парадный двор. Кроме того, махаевский вид повторяется в работах Франсуа Дени Нэ и Жака Югене в XIX в.

Иконографических материалов, представляющих дворец XVIII в., сохранилось немного. В начале XX в. в среде мирискусников особенно излюбленной стала тема галантного XVIII века, царских шествий. Е. Е. Лансере изобразил торжественный выход императрицы с двором в ее загородной резиденции на картине «Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе» (1905).

К концу своего правления Елизавета возвела прекрасный дворец. Растрелли пишет о том, что фасады дворца построены в духе итальянской архитектуры, на которых позолочены капители, наличники, фронтоны, а также Атланты; статуи на балюстрадах. В проектах Растрелли нет аналогии, нет подражания, лишь общее направление между древнерусской полихромией и лазурным, бледно-фиштакковым цветами, в архитектуре – господство рокайля. Вместе с тем возрождались утраченные традиции русского искусства, архитектор проявляет такое увлечение именно растительными мотивами, столь популярными в русском народном узоры XVII–XVIII вв. [13, с. 100].

Дворец и парк Царского Села тесно переплетены со сложными процессами формирования русской культуры, искусства и архитектуры.

В 1760-е гг. при Екатерине II все еще сохранялись прежние оси парка, и дворец оставался его центром. В это время как парковые проекты, так и образцы построек заимствовались из английской архитектуры начала XVII в., в которых нашло отражение архитектурное наследие А. Палладио. Ее основой стали ясные и строгие по объему и декору постройки архитектора И. Джонса, сочетавшие простоту, ясность формы и композиции, обусловленные практическим комфортом. Разнообразие композиционных решений, классических мотивов и архитектурный декор отличают постройки Англии середины и конца XVII в. и в проектах общественных зданий, и частных особняков.

Екатерина II в письме к мадам Жоффрен, владелице модного салона, в котором бывали Ш. Л. Монтескье, Д. Дидро, описывала дворец елизаветинской эпохи и выражала недовольство его состоянием и даже мебелью, что, однако, не соответствовало действительности [4, с. 221]. Работы по перестройке дворца начались в 1773 г., под руководством В. И. Неелова. Первыми мерами было строительство комнат для Павла Петровича и его супруги в классическом стиле на месте Висячего сада в связи с его протечками.

В 1775 г. вместо земляных бастионов со стороны Зверинца по проектам Неелова возвели Кухонные корпуса. Императрица планировала выстроить два флигеля – Zubовский и Церковный, в одном из которых она предполагала устроить свои личные комнаты. Флигели, построенные в 1779–1784 гг., нарушили архитектурное решение, которое было создано Чевакинским и Растрелли.

Zубовский флигель, получивший свое название в память об одном из фаворитов императрицы – Платоне Зубове, – был возведен в 1779 г. по проекту Ю. М. Фельтена с противоположной стороны от Церковного флигеля, параллельно ему. Фасад корпуса исполнен в классических формах с колоннадой большого ордера с колоннами из мрамора, охватившими второй и третий этажи. Весь первый этаж покрыт рустом; здание завершено балюстрадой. Императрица приказала устроить свои покои именно в этой части дворца. Строительство флигеля и отделка комнат личной половины императрицы были завершены в 1785 г.

Zубовский флигель, его фасад был разработан в соответствии с модой на пейзажные парки и проекты Палладио. Его прототипом могли быть постройки в Лондоне: Линдси-Хаус (Lindsey House) в Линкольнс-Инн-Филдс (Lincoln's Inn Fields) и Burlington House на Piccadilly, а также проект К. Кэмпбелла (1676–1729) «The Banqueting House at Whitehall» для графа Галифакса (Halifax), исполненный в 1715 г.

Императрица была знакома с изданием «Vitruvius Britannicus» [14], в первом томе которого опубликованы проекты барочных усадеб, указанные выше, возможно, явившиеся прототипом Zubовского флигеля, образ которого отсылает к английским усадьбам.

Особенности композиции Царскосельского дворца до перестройки можно видеть на чертеже из собрания Эрмитажа, где представлен фасад дворца – средний дом центральной части шире и выше остальных, от него своеобразные галереи соединяют флигели и далее галерееподобные переходы, ограниченные флигелями. Можно предположить, что чертеж был выполнен до 1772 г., так как видна скульптура на балюстраде.

Парадный вход во дворец, расположенный с южной стороны, где была устроена Парадная лестница, расположенная на месте будущего Zubовского флигеля, был перенесен в средний центральный корпус, новая парадная лестница из красного дерева была выстроена по проекту Ч. Камерона.

Императрица хотела построить в Царскосельском парке целый комплекс, прототипом которого были античные храмы, но его первоначальный проект, исполненный Ш.-Л. Клериссо (1721–1820), не был осуществлен, так как был огромных размеров. Ч. Камерон составил и воплотил проект устройства Камероновой галереи, Холодной бани, Висячего сада, соединив их воедино [15].

Камеронова галерея явилась своеобразным рубежом, который разделил Старый регулярный сад и новый Английский парк. Ю. М. Фельтен, выстроив Zubовский флигель, развернул ансамбль от осей, заложенных Квасовым и Ф. Растрелли [16, с. 54]. Камерон завершил начатое Фельтеном, но именно Камерон начал развитие ансамбля в сторону Английского сада.

В 1795 г. Ч. Камерон создал проект небольшой домово́й церкви напротив Агатовых комнат, впоследствии возведенной И. Нееловым со значительными изменениями по отношению к замыслу Камерона [17, с. 39]. В августе 1796 г. императрица приказала построить церковь с деревянными переходами. В 1797 г. постройка вчерне была уже построена. В 1800 г. Павел приказал архитектору Неелову окончательно отделать эту «комнатную» церковь, которая простояла недолго. В 1805 г. государь приказал ее разобрать [1, с. 45].

Выводы

Анализ проектов и построенных объемов дворца И. Браунштейна, М. Г. Земцова, А. В. Квасова, С. И. Чевакинского, Б. Ф. Растрелли, Ю. М. Фельтена и Ч. Камерона дает возможность сделать вывод: неверно считать автором проекта дворца только Ф. Растрелли, так как он приступил к строительству, когда значительные работы по возведению дворца были проведены.

В самом начале царствования Елизаветы Петровны были выделены средства для расширения дворца. М. Г. Земцов в 1743 г. подготовил проект перестройки палат Браунштейна, устроив деревянные галереи-переходы, соединившие средний дом с вновь возведенными Кавалерским и Фрейлинским корпусами, которые были построены для увеличившегося Двора. По модели Квасова летом 1744 г. планировали построить каменные и деревянные строения у палат: каменные флигели на погребках и деревянные галереи между ними. Со стороны Парадного двора возвели одноэтажные служебные постройки циркумференций, обрамляющие дворец с северной стороны. С 1745 г. работы по строительству дворца возглавил С. И. Чевакинский, по его проекту велось дальнейшее расширение здания: средняя часть дворца и боковые флигели, соединённые переходами в три этажа, были объединены под общей крышей, в это же время возводится церковь. В 1748 г. Чевакинского отстранили, а на его место в 1749 г. пригласили Ф. Растрелли, который перестроил церковь, возводившуюся им по проекту Чевакинского с 1747 г.

Растрелли, завершив работу нескольких русских архитекторов, строивших здание дворца, объединил несколько корпусов и создал величественное строение с фасадом протяженностью 325 метров, сочетающее разные по отделке разнообъемные здания с разными по форме оконными проемами, декорированные разнообразными орнаментальными лепными декоративными элементами. При Екатерине II композиционное решение середины XVIII в. было изменено, ко дворцу были пристроены Zubovskiy и Церковный флигели, на месте бастионов возвели кухонные корпуса.

Дворец запечатлен в иконографических материалах, где виден переход от петровского, затем елизаветинского барокко к раннему классицизму и включение принципов палладианства в русскую архитектуру. Архитектоника дворца претерпела изменения, но не все возведенные части сохранились до настоящего времени, анализ документов позволил выявить утраченные объёмы.

Литература

1. Яковкин, И. Ф. История села Царского : в 3 ч. Сост. из дел архива Правл. Села Царского Ильёю Яковкиным. – Ч. 3. – СПб. : Тип. Деп. нар. прос., 1831. – 528 с.
2. Бенуа, А. Н. Царское Село в царствование

императрицы Елизаветы Петровны / А. Н. Бенуа. – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – [23], 263, [2], XLVI, 59 с.

3. Вильчковский, С. Н. Царское Село / С. Н. Вильчковский. – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 277 с.

4. Петров, А. Н. Пушкин. Дворцы и парки / А. Н. Петров. – Л. ; М. : Искусство, 1964. – 232 с.

5. Кедринский, А. А. Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец, от пригородной усадьбы до парадной резиденции. 1710–1760 / Кедринский А. А. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2013. – 269 с.

6. Pierre le Grand, un Tsar en France. 1717. Catalogue d'exposition. – Lienart, 2017. – 240 p.

7. Матвеев, А. В. Растрелли / А. В. Матвеев. – Л. : Искусство, 1938. – 228 с.

8. Малиновский, К. В. Бартоломео и Франческо Растрелли / К. В. Малиновский. – СПб. : Левша, 2017. – 271 с.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 487. Оп. 12. Д. 254.

10. РГИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 743.

11. Ippolitov, A. La Residenza Imperiale Tsarskoye Selo // Russia palladiana Palladio e la Russia dal barocco al modernismo, [in occasione della Mostra]. – Venezia, 2014. – 439 p.

12. Беллерман, И. И. Замечания о России (Bemerkungen uber Russland). – Эрфурт, 1788. – 372 с. Цит. по: Зиглин, В. И. Царское Село в царствование Императрицы Екатерины Великой 1762–1796 гг. / В. И. Зиглин. – СПб., 2016. – 442 с.

13. Виппер, Б. Р. Архитектура русского барокко / Б. Р. Виппер. – М. : Наука, 1978. – 231 с.

14. Campbell, C. Vitruvius Britannicus, or, The British architect : containing the plans, elevations, and sections of the regular buildings, both publick and private, in Great Britain: with variety of new designs. – London, 1717. – P. 211.

15. Rae, I. Charles Cameron: architect to the Court of Russia / I. Rae. – London : Elek Books, 1971. – 161 p.

16. Floryan, M. Gardens of the tsars: A study of the aesthetics, semantics and uses of late 18th cent. Russ. gardens / M. Floryan. – Aarhus : Aarhus univ. press, Cop. 1996. – 263 с.

17. Швидковский, Д. О. Чарльз Камерон и архитектура императорских резиденций / Д. О. Швидковский. – М. : Улей, 2008. – 320 с.

Епарина Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), e-mail: kattyaparina@mail.ru. ORCID 0000-0003-1757-6332

Поступила в редакцию 9 июня 2026 г.

ARCHITECTURAL IMAGE OF THE GREAT TSARSKOYE SELO PALACE OF THE XVIII CENTURY

E. S. Eparinova

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation

This work aims to clarify the authorship of the palace project. The aim of the work is also to identify the key periods of development of the planning structure of the Catherine Palace through analysis of architectural designs and visual materials. The architectural image of the Grand Tsarskoye Selo Palace (from 1910 – the Catherine Palace), which had been forming throughout the 18th century, was fixed in projects and iconography; the study of archival documents and graphic materials give the possibility to identify the features of the building's construction during different stages. Traditionally, the authorship of the palace attributed to F. Rastrelli, however, an analysis of the specified materials shows that outstanding Russian architects of the mid-18th century worked on the creation of the palace: M. G. Zemtsov, later his apprentice A. V. Kvasov, and then S. I. Chevakin; they made a significant contribution to the formation of the palace's architectonic structure. The first "stone chambers with sixteen rooms," built by I. Braunstein by 1723, were integrated into the new building. Not all parts of the palace that were built in the 18th century have survived to this day. In particular, the main staircase, which was located in the south part of the building, was constructed on the site of a Greenhouse hall, which was destroyed. The main entrance, under Catherine II, was moved to the center of the palace. A separate church was erected in front of the palace, opposite the Cold bath at the end of 18 century and dismantled during Pavel Petrovich's reign. In the second half of the 18th century, the palace building was flanked on both sides by two wings, the Church and Zubovsky, which fundamentally changed the original plan. The composition of the palace was changed, not all of the created parts have survived up to the present, the study of archival materials has allowed us to identify the lost structures.

Keywords: Tsarskoye Selo; Grand Tsarskoye Selo (Catherine) Palace.

References

1. Yakovkin I.F. Istoriya sela Tsarskogo [History of Tsarskoye Selo]: v 3 ch. Sost. iz del arkhiva Pravl. Sela Tsarskogo Il'yeyu Yakovkinym. Ch. 3. Saint-Petersburg: tip. Dep. nar. pros. 1831. 528 s.
2. Benua A.N. Tsarskoye Selo v tsarstvovaniye imperatritsy Yelizavety Petrovny [Tsarskoe Selo in the Reign of Empress Elizabeth Petrovna]. Saint-Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1910. [23], 263, [2], XLVI, 59 p.
3. Vil'chkovskiy S.N. Tsarskoye Selo [Tsarskoye Selo]. Saint-Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1911. 277 p.
4. Petrov A.N. Pushkin. Dvortsy i parki [Pushkin. Palaces and Parks]. Leningrad; Moscow: Art, 1964. 232 p.
5. Kedrinskiy A.A. Bol'shoy Tsarskosel'skiy (Yekaterininskiy) dvorets, ot prigorodnoy usad'by do paradnoy rezidentsii, 1710–1760. [The Great (Catherine) Palace of Tsarskoye Selo: from a Suburban Estate to a Ceremonial Residence, 1710–1760]. Saint-Petersburg: Historical illustration, 2013. 269 p.
6. Pierre le Grand, un Tsar en France. 1717. Catalogue d'exposition. Lienart, 2017. 240 p.
7. Matveyev A.V. Rastrelli [Rastrelli]. Leningrad: Art, 1938. 228 p.
8. Malinovskiy K.V. Bartolomeo i Franchesko Rastrelli. Saint-Petersburg: Levsha, 2017. 271 p.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSA)]. F. 487. Op. 12. D. 254.
10. RGIA [RSA]. F. 487. Op. 1. D. 743.
11. Ippolitov A.I. La Residenza Imperiale Tsarskoye Selo [Residence of Emperors Tsarskoye Selo] // *Russia palladiana Palladio e la Russia dal barocco al modernismo*, [in occasione della Mostra]. Venezia, 2014. 439 p.
12. Bellerman I.I. Zamechaniya o Rossii (Bemerkungen uber Russland) [Notes about Russia]. Erfurt, 1788. 372 p. Tsit. po: Ziglin V.I. Tsarskoye Selo v tsarstvovaniye Imperatritsy Yekateriny Velikoy 1762–1796 gg. Saint-Petersburg, 2016. 442 p.
13. Vipper B.R. Arkhitektura russkogo barokko [Architecture of Russian Baroque]. Moscow: Science, 1978. 231 p.

14. Campbell C. Vitruvius Britannicus, or, The British Architect: Containing the Plans, Elevations, and Sections of the Regular Buildings, both Publick and Private, in Great Britain: with Variety of New Designs. London, 1717. 211 p.
15. Rae I. Charles Cameron: Architect to the Court of Russia. London: Elek Books, 1971. 161 p.
16. Floryan M. Gardens of the Tsars: A Study of the Aesthetics, Semantics and Uses of Late 18th cent. Russ. Gardens. Aarhus: Aarhus univ. press, Cop. 1996. 263 p.
17. Shvidkovskiy D.O. Charl'z Kameron i arkhitektura imperatorskikh rezidentsiy [Charls Cameron and Architecture of Emperors' Residences]. Moscow: Hive, 2008. 320 p.

Ekaterina S. Eparinova – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg), e-mail: katya.eparinova@mail.ru

Received June 9, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Епаринава, Е. С. Архитектурный образ большого Царскосельского дворца XVIII столетия / Е. С. Епаринава // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 59–66. DOI: 10.14529/ssh260407

FOR CITATION

Eparinova E. S. Architectural image of the Great Tsarskoye Selo Palace of the XVIII century. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 59–66. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260407

МОНУМЕНТАЛЬНО-ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ НОВОСИБИРСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. А. Мальцева^{1,2}

¹Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск,
Российская Федерация

²Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск,
Российская Федерация

В статье анализируется монументально-декоративное оформление метрополитена г. Новосибирска как средство репрезентации территориальной идентичности. Территориальная идентичность рассматривается как единство региональной и городской идентичности, в ее структуре, в соответствии с исследованиями Е. В. Головневой, выделяются четыре ключевых компонента – когнитивный (географические образы и пространственные представления), ценностный (смысловые и оценочные характеристики региона), эмоциональный (стереотипы реагирования и преобладающие эмоции) и регулятивный (способы поведения и ориентации в пространстве). Дан краткий экскурс в историю строительства Новосибирского метрополитена, позволивший рассмотреть художественное оформление станций в историческом и социокультурном контексте. Показано, как архитектурно-художественные решения в оформлении станций Новосибирского метрополитена стали активным средством репрезентации и трансляции локальной идентичности. Воплощение регулятивного компонента региональной идентичности рассмотрено на примере оформления станций «Сибирская», «Речной вокзал», «Площадь Гарина-Михайловского», закрепляющего образы сибирской природы и городов. Ценностный компонент выявлен в оформлении станций «Октябрьская», «Красный проспект», «Площадь Ленина», отсылающем к ключевым этапам истории Сибири. Чувственно-эмоциональный компонент охарактеризован как чувство гордости, восхищения достижениями в области науки, искусства, спорта, нашедшего свое отражение в оформлении станций «Студенческая», «Гагаринская», «Спортивная». Элементы регулятивного компонента обнаружены в оформлении станций «Площадь Ленина», «Маршала Покрышкина», транслирующем представления о Новосибирске как о столичном, героическом пространстве и формирующем у горожан особые поведенческие стратегии и практики. Делается вывод о том, что Новосибирский метрополитен является целостным художественным ансамблем, в котором средствами монументально-декоративного искусства закреплены ключевые смыслы территориальной идентичности.

Ключевые слова: монументально-декоративное искусство, мозаика, витраж, рельеф, территориальная идентичность, региональная идентичность, городская идентичность, Новосибирск, метрополитен.

Введение

Новосибирский метрополитен, задуманный как транспортная артерия крупного мегаполиса, в процессе своего проектирования и строительства трансформировался из сугубо утилитарного объекта в монументальный архитектурный ансамбль, аккумулирующий культурные коды сибирского региона и транслирующий их в подземном публичном пространстве. При этом, несмотря на очевидную художественную и культурную значимость его декоративно-монументального оформления, системный искусствоведческий и культурологический анализ этого материала до сих пор не проводился.

Обращение к данной теме представляется актуальным по нескольким причинам. С одной стороны, это возможность переосмыслить советское художественное наследие, дать современную трактовку произведений декоративно-прикладного искусства данного периода, раскрыть художественное оформление метрополитена как многослойный

культурный текст, а не как иллюстрацию официальных идеологических установок. С другой стороны, изучение территориальной идентичности приобретает особую значимость в условиях происходящей стандартизации визуальной среды современных городов. Новосибирский метрополитен является хорошим примером закрепления и трансляции локальной идентичности, а значит, обращение к его оформлению дает возможность проследить, как локальные смыслы закрепляются в городском пространстве и транслируются массовому зрителю.

Обзор литературы

Исследование носит междисциплинарный характер и потому потребовало привлечения источников из разных областей гуманитарного знания – искусствоведения, культурологии, философии, социологии. С точки зрения содержания эти исследования можно разделить на три группы. Первая – теоретические и эмпирические исследования Е. В. Головневой, И. Ю. Окунева, Н. Г. Федотовой,

Л. Н. Захаровой, рассматривающих идентичность как многоаспектный и многосоставный феномен. Вторая группа – публикации Г. А. Шушариной, Т. Н. Щербаковой, обратившихся к проблеме репрезентации региональной идентичности в монументальном искусстве города и выявляющих общие принципы и приемы ее визуализации. Третья – работы П. Д. Муратова, С. Н. Баландина, В. С. Молчанова и В. Н. Коженкова о Новосибирском метрополитене, содержащие ценный для данного исследования исторический, фактологический, искусствоведческий материал.

Методы исследования

Методологической основой исследования является культурно-исторический подход, позволяющий рассматривать художественное произведение как часть общей духовной культуры. В качестве теоретической рамки исследования используется структурно-функциональная модель региональной идентичности, разработанная Е. В. Головневой [1]. Данная модель дает возможность анализировать монументально-декоративное оформление станций метрополитена как систему визуальных репрезентаций территориальной идентичности. В исследовании применены методы иконографического и стилистического анализа, с помощью которых выявляются как сюжетно-тематические, так и формально-художественные особенности художественного решения станций.

Результаты и дискуссия

Понятие идентичности сегодня находится в центре междисциплинарных гуманитарных исследований, что обусловлено потребностью современного человека в самоопределении, в поиске устойчивых связей с окружающим миром. Среди различных ее вариантов исследователи выделяют территориальную – связанную с принадлежностью к географическим координатам и осознанием своей связи с конкретным местом [2]. В рамках территориальной идентичности можно выделить региональный и городской уровни. Первый соотносится с крупным территориальным образованием (в нашем случае это Сибирь), второй – с конкретным городским пространством (Новосибирск).

Региональная идентичность представляет собой сложное социокультурное явление, которое, согласно исследованиям Е. В. Головневой, формируется на пересечении географических координат и воображаемой локальности [3, с. 85]. В ее структуре выделяются четыре ключевых компонента: когнитивный (географические образы и пространственные представления), ценностный (смысловые и оценочные характеристики региона), эмоциональный (стереотипы реагирования и преобладающие эмоции) и регулятивный (способы поведения и ориентации в пространстве) [4, с. 185]. Городскую идентичность определяют как «совокупность городских смыслов, обеспечивающих идентификацию жителей через отождествление с горо-

дом при помощи значимых для человека символических средств [5, с. 34]. В данном исследовании региональная и городская идентичности будут рассматриваться в единстве, поскольку в крупном городе, являющемся региональным центром, региональная и городская идентичности неизбежно переплетаются – общерегиональные смыслы преломляются через локально-городской контекст, а образ самого города становится неотъемлемой частью регионального нарратива.

Особую роль в формировании и репрезентации территориальной идентичности играет художественный дискурс, который, как отмечает Е. В. Головнева, проявляется через осознание представителями определенной культуры себя носителями конкретной художественной традиции. Художественные средства используются не только в рамках литературы и живописи, но и в других формах репрезентации локальной культуры, где отдельные яркие образы складываются в целостный образ территории [1, с. 150].

Одним из наиболее действенных средств репрезентации территориальной идентичности является монументально-декоративное искусство, которое по своей природе призвано обращаться к массовой аудитории, закрепляя в общественном сознании значимые для региона смыслы, ценности и образы, становясь носителем территориальной идентичности и транслируя ценности, историю, природно-географическую специфику для широкого круга зрителей [6]. Художественные произведения, дополняя архитектурное пространство, не только и даже не столько украшают его, сколько активно формируют общественное сознание, идентичность [7, с. 71] и служат средством ее репрезентации.

В данном контексте монументально-декоративное убранство станций Новосибирского метрополитена выступает ярким примером того, как архитектурно-художественные решения могут стать активным средством репрезентации и трансляции локальной идентичности. Даже в условиях жестких идеологических ограничений в искусстве советского периода авторам удалось интегрировать в художественное оформление станций уникальные региональные коды. Художественные образы, материалы и сюжеты живописных и скульптурных композиций целенаправленно создают узнаваемый образ Сибири. Это позволяет рассматривать Новосибирское метро не просто как транспортный объект, а как целостную семиотическую систему – своеобразный «культурный текст». В рамках данного исследования этот «текст» будет прочитан с целью выявить, как именно через художественные средства на станциях метрополитена репрезентируются и транслируются ключевые компоненты территориальной идентичности.

Новосибирский метрополитен появился благодаря стремительному росту города во второй

половине XX века. В 1962 году Новосибирск официально получил статус города-миллионника, что дало ему право претендовать на строительство подземного скоростного транспорта. В марте 1975 года Совет Министров СССР включил Новосибирск в перечень городов, которым разрешено проектирование и строительство метрополитена, а 4 мая утвердил титульный список на проектирование первой очереди Новосибирского метрополитена. В ноябре 1978 года Советом Министров СССР был утвержден технический проект первой очереди, по которому предусматривалось строительство Ленинской линии с 9 станциями («Площадь Калинина» – «Гагаринская» – «Красный проспект» – «Площадь им. Ленина» – «Октябрьская» – «Речной вокзал» – «Спортивная» – «Студенческая» – «Площадь Маркса») и перегон Кировской линии с двумя станциями – «Сибирская» и «Вокзальная» [8, с. 70]. В мае 1979 года состоялась торжественная закладка первой сваи на месте будущей станции «Октябрьская», ознаменовав начало масштабной стройки, 7 января 1986 года метро открылось для пассажиров. В дальнейшем сеть расширялась: в 1990-е годы добавились станции «Площадь Маркса», «Гагаринская» и «Засельцовская», в 2000-е – «Маршала Покрышкина», «Березовая роща» и «Золотая Нива», а в 2025 году – «Спортивная».

Важно отметить, что каждая станция проектировалась не как типовый объект, а как самостоятельное архитектурно-художественное произведение [9, с. 156]. Интерьеры тщательно продумывались так, чтобы полностью соответствовать названию станции и раскрывать заложенную идею через детали, материалы и художественные решения. По словам главного архитектора института «Новосибметропроект» В. В. Питерского, уже на этапе проектирования специалисты задавались вопросом: «должен ли Новосибирский метрополитен иметь сибирский колорит, и если должен, то что такое сибирский колорит и в чем он должен выразиться – в отделочных материалах или в том сибирском духе, средства для выражения которого найти весьма трудно?» [10, с. 127]. Решить этот вопрос предстояло архитекторам из Новосибирска, Москвы, Ленинграда, Минска, представившим на открытый конкурс свои проекты.

Конкурс, состоявшийся в 1980 году, выявил лучшие проекты, но не ответил на вопрос о сибирском колорите. Каждый из авторов проекта предлагал собственное видение – делал акцент на разных содержательных аспектах – от природных мотивов до историко-культурных тем, использовал разные материалы и технологии. Однако в совокупности монументально-декоративное убранство станций Новосибирского метрополитена сложилось в целостную художественную систему, в которой нашли свое воплощение все четыре компонента региональной идентичности.

Когнитивный компонент, как отмечает Е. В. Головнева, часто составляет основное содержание региональной идентичности [1, с. 124]. Он включает в себя сложную систему знаний и образов, через которую жители региона осознают специфику своей территории. Представления об особенностях флоры и фауны, ландшафта, истории, локальных традициях формируют у человека те устойчивые образы, через которые регион осознается как особый, узнаваемый и отличный от других. Данный компонент нашел прямое визуальное воплощение в монументально-декоративном убранстве нескольких станций Новосибирского метрополитена.

Наиболее последовательное воплощение когнитивного компонента региональной идентичности представлено на станции «Сибирская», где в восьми мозаичных панно, выполненных художниками-монументалистами Г. Л. и О. М. Алексеевыми, раскрыта тема взаимоотношений сибирской природы и человека. Искусствовед П. Д. Муратов назвал этот ансамбль «самым привлекательным произведением монументального искусства» в Новосибирском метрополитене [11, с. 121]. Панно созданы на Алтайском камнерезном заводе в технике флорентийской мозаики, из местных цветных камней, что само по себе является прямым обращением к природным богатствам региона. Каждое из восьми панно посвящено отдельной теме: «Воды Сибири», «Леса Сибири», «Цветы Сибири», «Хлеб Сибири», «Недра Сибири», «Люди и горы», «История Сибири», «Север». Вместе они формируют целостный географический образ Сибири (рис. 1). Яркие, красочные панно отличаются декоративной выразительностью. Художники отказываются от иллюзорной перспективы в пользу строгой плоскостности и ритмической организации пространства – вертикальные и диагональные членения панно визуально поддерживают ритм колонн станции, создавая ощущение мощного, устремленного вверх каменного леса. Цветовая палитра построена на глубоких, сложных оттенках сибирских минералов, природная фактура камня активно используется как изобразительное средство – для передачи движения воды, структуры древесной коры, слоистых горных пород. Ключевые смысловые акценты панно группируются вокруг нескольких тематических линий: каменные бабы и наскальная живопись отсылают к первобытной древности; собачья упряжка – к традиционному укладу коренных народов Севера; экспедиция с навьюченными лошадьми – к теме научного освоения Сибири. Художественный язык мозаик универсален и понятен любому зрителю, что делает их эффективным инструментом формирования географического образа Сибири.

Рис. 1. Г. Л. и О. М. Алексеевы. Север. Мозаика.
Новосибирский метрополитен, станция «Сибирская»
Fig. 1. G. L. and O. M. Alekseev. North. Mosaic.
Novosibirsk metro, Sibirskaya station

Оформление станции «Речной вокзал» обращается к иной разновидности географических образов – на этот раз не природных, а урбанистических, запечатлевших облик сибирских городов. Автор – В. П. Сокол – так описывал художественное решение: «станция – большой плывущий по Оби корабль; через расположенные на его “бортах” иллюминаторы видны преобразованные трудом советских людей берега, древние сибирские города, новостройки. Десять окон-иллюминаторов. И словно десять городов встречаются по пути – Бийск, Барнаул, Томск, Тобольск, легендарная Мангазея» [8, с. 91]. Изображения в круглых цветных витражах представляют собой коллажи из обобщенных, но узнаваемых объектов сибирских городов. Например, в Новосибирске это здания бывшего Городского торгового корпуса, а ныне – Краеведческого музея, Театра оперы и балета, театра «Глобус», Монумент в сквере героев революции (рис. 2), в Омске – Успенский собор и Нефтеперерабатывающий завод, в Барнауле – «Дом под шпилем», монумент «От борющихся павшим борцам за социализм», в Новокузнецке – Кузнецкая крепость, металлургический комбинат, в Тюмени – Софийско-Успенский собор, здание Строительного института Тюменского индустриального университета (до революции – Коммерческого училища Колокольниковых) и т. д. При внешней простоте художественных средств – литое стекло ограниченной палитры, алюминиевая решетка, единый формат – витражи Сокола образуют целостный и узнаваемый образ сибирской урбанистической цивилизации, превращая конкретные архитектурные мотивы в своего рода эмблематические знаки городов.

В оформлении станции «Площадь Гарина-Михайловского» акцент смещается на образ самого Новосибирска. Над входом на платформу установлено декоративное алюминиевое панно Ю. К. Катаева с рельефным изображением герба города (утвержденного в 1970 году) на фоне узнаваемых городских сооружений (рис. 3). Среди запечатленных объектов – ферма положившего начало Новосибирску железнодорожного моста, собор Александра Невского – первый каменный храм города и одно из первых каменных зданий Новониколаевска, Новосибирский государственный академический театр оперы и балета, Театр юного зрителя

(ныне – театр «Глобус»), Дом Ленина, здание вокзала Новосибирск-главный. Каждый из них представляет определенный этап городской истории. Автор в своей работе не просто зафиксировал образ Новосибирска, а создал его «визуальную биографию», благодаря чему региональная идентичность обрела конкретные, материально закрепленные ориентиры – ключевые архитектурные доминанты города.

Рис. 2. В. П. Сокол. Новосибирск. Витраж. Новосибирский метрополитен, станция «Речной вокзал»
Fig. 2. V. P. Sokol. Novosibirsk. Stained glass. Novosibirsk metro, Rechnoy Vokzal station

Рис. 3. Ю. К. Катаев. Новосибирск. Барельеф. Новосибирский метрополитен, станция «Площадь Гарина-Михайловского»
Fig. 3. Yu. K. Kataev. Novosibirsk. Bas-relief. Novosibirsk metro, Garin-Mikhailovsky Square station

Ценностный компонент как важный элемент региональной идентичности выделяет ряд исследователей. Так, например, Л. Н. Захарова о региональной идентичности говорит как о «наборе ценностей, характерных для жителей отдельного региона», при этом автор в качестве ценностных особенностей местной культуры называет общую память об истории возникновения и развития, единство знаний о региональных культурных феноменах [12, с. 53]. Данные ценностные основания нашли свое воплощение в оформлении станций «Октябрьская», «Красный проспект», «Площадь Ленина».

Художественное решение станции «Октябрьская» напрямую отсылает к ключевому этапу развития сибирского региона – его революционному прошлому. Облицованные белым мрамором и красным гранитом колонны станционного зала похожи на горящие факелы, их вертикальная динамика и цветовой контраст по замыслу автора должны передавать атмосферу революционной

борьбы. Смысловым центром монументально-декоративного оформления станции является медный рельеф работы скульптора А. С. Чернобровцева. В композиции доминируют крупные цифры «1917» и развевающиеся знамена, которые, по мысли автора, являются символом революции [13, с. 126]. В нижней части рельефа размещены условное изображение Дворцовой площади Санкт-Петербурга и надписи «Октябрь», «Вся власть Советам», «Декрет о мире», «Декрет о земле». Слева и справа композицию замыкают ряды винтовок, придающие рельефу строгость и монументальность (рис. 4). В данном изображении за общенациональным революционным нарративом прочитывается и региональная история – установление советской власти в Сибири как важный этап истории Новосибирска.

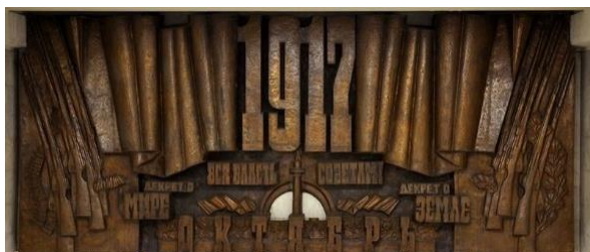

Рис. 4. А. С. Чернобровцев. 1917. Барельеф.
Новосибирский метрополитен, станция «Октябрьская»
Fig. 4. A. S. Chernobrovtssev. 1917. Bas-relief.
Novosibirsk metro, Oktyabrskaya station

Революционная тематика получила свое развитие в оформлении станции «Красный проспект». В отличие от работы Чернобровцева, сделавшего акцент на событии и его хронологии (дата, лозунги, декреты), В. П. Грачев создает символический образ победы, торжество утвердившейся власти. В рельефе «Победный марш» (рис. 5) скульптор изображает целеустремленно шествующих на зрителя красноармейцев. В их фигурах запечатлены разные эпохи: первый – красноармеец периода Гражданской войны, два других – уже воины Великой Отечественной. Это выстраивает преемственность героической традиции и отражает сложившийся в массовом сознании образ сибиряка – мужественного воина, напоминает о знаменитых «сибирских дивизиях», внесших значительный вклад в разгром немецких войск под Москвой. Так рельефы Грачева закрепляют в пространстве станции память о подвигах земляков.

Чувственно-эмоциональный компонент региональной идентичности связан с эмоциональной привязанностью к региону, индивидуальным и коллективным пониманием его как значимого пространства. В оформлении Новосибирского метрополитена этот компонент находит выражение в образах, апеллирующих к чувствам гордости, восхищения, сопричастности к чему-то важному и масштабному. В городе, история которого насчитывает чуть более столетия, основания для

эмоциональной идентификации черпаются в современной действительности, предметом гордости становятся развитие науки, техники, искусства, большого спорта, именно эти темы и нашли художественно воплощение в новосибирской подземке.

Рис. 5. В. П. Грачев. Победный марш. Барельеф.
Новосибирский метрополитен, станция «Красный проспект»
Fig. 5. V. P. Grachev. Victory March. Bas-relief.
Novosibirsk Metro, Krasny Prospekt station

Новосибирск – город многогранный. Это город науки, известных ученых, его Академгородок стал символом интеллектуального потенциала Сибири и предметом особой гордости горожан. Это город искусства – Новосибирский театр оперы и балета является самым большим театром страны, культурная жизнь города ярка и многообразна. Это, наконец, город студенчества – молодежи, осваивающей самые разные профессии и формирующей будущее города. Именно в таком контексте формировался художественный замысел станции «Студенческая». В смальтовых мозаиках художник Н. А. Толпекина разрабатывала «тему образа советской молодежи, стремление к познанию и свершениям на благо человечества» [14, с. 148]. В центре композиции двух монументальных панно находится книга как символ знания, вокруг нее – изображения, отсылающие к различным сферам деятельности человека. Яркие, красочные мозаики передают чувства гордости и сопричастности к высоким достижениям, связывают образ станции с представлением о Новосибирске как о городе больших возможностей.

В оформлении станции «Гагаринская» использованы детали, отсылающие к теме освоения космического пространства: на платформе размещены стилизованные под иллюминаторы конструкции с портретами Ю. А. Гагарина; на стенах лестничных маршей изображены силуэты устремленных в небо самолетов; поручни выполнены в виде элементов космических кораблей; оформление станционного потолка создает иллюзию темного звездного неба. Фиолетово-голубое освещение собирает оформление станции в единое целое и придает пространству футуристический характер. В 2021 году (в год 60-летия полета Гагарина) монументально-декоративное оформление станции было дополнено гранитным барельефом с портретом первого космонавта, так было завершено формирование ее целостного художественного облика. Космическая тема в оформлении станции новосибирского метро является не просто

данью общенациональному героическому дискурсу, это отсылка и к локальной истории. Новосибирские предприятия и институты внесли значительный вклад в освоение космоса, потому данная тема является эмоционально значимой для жителей города.

Особое место в структуре эмоционального компонента региональной идентичности занимает спорт. А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская в социологическом исследовании установили, что в городах с сильными клубными спортивными командами в качестве источника ощущения себя сибиряком называется посещение спортивных мероприятий [15, с. 94]. Новосибирск имеет многотысячную армию болельщиков хоккейного клуба «Сибирь», а ледовая арена является одним из главных сооружений города. Именно для удобства болельщиков и транспортной связи со спортивным объектом рядом с ареной была построена станция метро, оформление которой призвано отражать эту важную грань региональной идентичности.

Станция «Спортивная» – самая молодая в Новосибирске, в формировании ее облика принимали участие горожане (несколько вариантов эскизов были представлены на сайте муниципалитета для обсуждения и онлайн-голосования). В художественном оформлении станции центральное место занимают восемь монументальных панно с изображениями спортсменов, размещенных в зоне эскалаторных групп и вестибюля. Шесть из них выполнены из гранита, два (изображения фигуристов и хоккеиста) – из нержавеющей стали на основе из камня. Обобщенные, динамичные фигуры спортсменов, переданные лаконичными графическими средствами, создают образ движения, силы и устремленности, поддерживая тот эмоциональный подъем, который испытывают болельщики на трибунах, и закрепляя в пространстве метро чувство сопричастности к спортивной жизни города.

Е. В. Головнева, характеризуя *регулятивный компонент* региональной идентичности, подчеркивает, что он тесно связан с ценностно-нормативной сферой, является ее следствием [1, с. 256] и включает в себя конкретные поведенческие стратегии и практики, в том числе способы поведения, конкретные практики деятельности, способы ориентирования в региональном пространстве, социальные действия, направленные на сохранение коллективной памяти о значимых исторических событиях и личностях [1, с. 136]. Данный компонент не нашел своего прямого отражения в монументально-декоративном оформлении станций новосибирского метрополитена, однако отдельные элементы могут быть интерпретированы в этом ключе.

Присутствие регулятивного компонента можно выявить в художественном оформлении станции «Площадь Ленина» – центральной в системе метрополитена и расположенной под главной

площадью города. Станция задумана как смысловой центр, который отражает величие страны и тем самым задает масштаб для восприятия города. В монументальное, строгое и лаконичное архитектурное решение хорошо вписываются выполненные в технике флорентийской мозаики панно А. Н. Кузнецова. Изображение на одном из них Московского Кремля можно рассматривать как проявление регулятивного компонента региональной идентичности – присутствующей в сознании новосибирцев идеи столичности («Новосибирск – столица Сибири»). Данная композиция позволила символически связать город с общенациональным центром, закрепить в оформлении станции ориентир, который указывает на значимость региона в рамках единого государственного пространства. Такая визуальная отсылка, с одной стороны, утверждала статус Новосибирска как политического центра Сибири, а с другой – должна была формировать у горожан чувство ответственности и сопричастности к делам масштаба всей страны.

Регулятивный компонент в оформлении Новосибирского метрополитена прослеживается и в коммеморативных практиках, т. е. целенаправленной деятельности по сохранению и трансляции коллективной памяти о значимых для общества личностях и событиях. В последние годы на станциях метрополитена устанавливаются памятные знаки, закрепляющие образы выдающихся личностей. Так, в 2013 году на станции «Маршала Покрышкина» был установлен бюст новосибирца, маршала авиации Александра Покрышкина работы М. В. Переяславца (рис. 6). Бюст представляет собой погрудное изображение, выполненное в традициях реалистического портрета. Скульптор создаёт образ героя-воина – жесткие формы, акцент на волевом лице и боевых наградах подчеркивают мужество и несгибаемость знаменитого летчика, а портретное сходство и реалистичная трактовка образа делают бюст узнаваемым и эмоционально близким для жителей города. В 2017 году на станции «Сибирская» была размещена памятная доска Георгию и Ольге Алексеевым – авторам мозаичных панно, украшающих стены станции, в 2021 году – на станции «Гагаринская» уже упомянутый нами барельеф Юрия Гагарина, побывавшего в Новосибирске в 1962 году. Установка памятных знаков превращает станции метро из транзитного пространства в места напоминания о героях и творцах, актуализирует региональную историю и чувство сопричастности к ней, побуждает к определенным действиям, указывая на образец для подражания, регулируя поведение через пример.

Кроме того, можно усмотреть регулятивный компонент и в том, что монументально-декоративное оформление станций выполняет практическую роль «точек опоры» в пространстве. О необходимости создать такой интерьер, который позволит пассажиру легко ориентироваться в про-

странстве, говорил В. В. Питерский еще в начале проектирования архитектурно-художественного оформления станций: «Цель в том, чтобы пассажир, выйдя из вагона, мог сразу сориентироваться, на какой станции он очутился. <...> В метро (когда мы бываем в нем часто) мы ориентируемся не по надписям, которые не всегда можно отыскать, а по каким-то информативным особенностям интерьера: достаточно нам только взглянуть на колонны, потолок...» [8, с. 89]. Действительно, яркие, узнаваемые образы (колонны-факелы, мозаики из цветного камня, яркие витражи) служат зрительными и эмоциональными «якорями», помогающими пассажирам ориентироваться в подземном лабиринте.

Рис. 6. М. В. Переяславец. Бюст А. И. Покрышкина. Новосибирский метрополитен, станция «Маршала Покрышкина»
Fig. 6. M. V. Pereyaslavets. Bust of A. Pokryshkin. Novosibirsk metro, Marshal Pokryshkin station

Выводы

Проведенный анализ монументально-декоративного оформления Новосибирского метрополитена позволяет утверждать, что Новосибирский метрополитен является целостным художественным ансамблем, в котором средствами монументально-декоративного искусства закреплены ключевые смыслы территориальной идентичности. В мозаиках, витражах, скульптурных композициях отразились как образы сибирской природы и городов, так и значимые этапы региональной истории, достижения науки и техники, спорта, т. е. то, что составляет основу коллективных представлений жителей о Сибири и Новосибирске как ее центре. При всем многообразии технических приемов все эти произведения объединяет установка на лаконичную монументальность и доступность образа, рассчитанного на мгновенное узнавание и эмоциональный отклик пассажира, для которого метро становится не просто транзитным пространством, а носителем узнаваемых символов, закрепляющих его связь с регионом.

Литература

1. Головнева, Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : дис. ... д-ра филос. наук / Е. В. Головнева. – Екатеринбург, 2018. – 339 с.
2. Окунев, И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. 2018. – № 1. – С. 18–25.
3. Головнева, Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения / Е. В. Головнева // Уральский исторический журнал. – 2013. – № 2 (39). – С. 81–88.
4. Головнева, Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. – Серия 3, Общественные науки. – 2017. – Т. 12, № 3 (167). – С. 182–189.
5. Федотова, Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты / Н. Г. Федотова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20, № 3. – С. 32–49.
6. Шушарина, Г. А. Репрезентация региональной идентичности в городской монументальной живописи различных исторических периодов / Г. А. Шушарина // Человек. Культура. Образование. – 2025. – № 1 (55). – С. 81–101.
7. Щербакова, Т. Н. Формирование национально-культурной идентичности средствами монументально-декоративного искусства: российская специфика / Т. Н. Щербакова // Техническая эстетика и дизайн-исследования. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 65–73.
8. Новосибирское метро. История строительства. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2004. – 352 с.
9. Молчанов, В. С. Архитектурно-художественное оформление станций Новосибирского метрополитена / В. С. Молчанов, В. Н. Коженков // Наука и социум : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием : в 2 ч. Ч. 2. – Новосибирск : Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы, 2019. – С. 150–156.
10. Первое метро в Сибири. Беседа с главным архитектором института «Новосибметропроект» В. В. Питерским // Сибирские огни. – 1981. – № 9. – С. 126–128.
11. Муратов, П. Д. Время надежд / П. Д. Муратов // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 1, № 3 (25). – С. 115–124.
12. Захарова, Л. Н. Особенности региональной идентичности / Л. Н. Захарова // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2018. – № 1 (9). – С. 51–55.
13. Хочу остаться ... : рассказ о времени и о себе художника-монументалиста Александра Чернобровцева / [лит. обраб., ред. Н. К. Герасимовой]. – Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2011. – 190 с.
14. Баландин, С. Н. Новосибирск. История

градостроительства. 1945–1985 гг. / С. Н. Баландин. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1986. – 160 с.

15. Анисимова А. А. Сибирская идентич-

ность: предпосылки формирования, контексты актуализации / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская. – Новосибирск : НГУ, 2012. – 176 с.

Мальцева Елена Александровна – доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры «История и философия», Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск); профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск), e-mail: eamaltseva@yandex.ru. ORCID 0000-0001-6425-9888

Поступила в редакцию 17 сентября 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260408

MONUMENTAL AND DECORATIVE DESIGN OF THE NOVOSIBIRSK METRO AS A REPRESENTATION OF TERRITORIAL IDENTITY

E. A. Maltseva^{1,2}

¹*Siberian Transport University, Novosibirsk, Russian Federation*

²*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation*

This article analyzes the monumental and decorative design of the Novosibirsk Metro as a means of representing territorial identity. Territorial identity is considered as the unity of regional and urban identities. In its structure, in accordance with the research of E. V. Golovneva, four key components are distinguished: cognitive (geographical images and spatial representations), value (semantic and evaluative characteristics of the region), emotional (response stereotypes and prevailing emotions), and regulatory (ways of behavior and orientation in space). A brief excursion into the history of the construction of the Novosibirsk Metro is provided, allowing us to consider the artistic design of the stations in a historical and sociocultural context. It is shown how architectural and artistic solutions in the design of the Novosibirsk Metro stations have become an active means of representing and transmitting local identity. The embodiment of the regulatory component of regional identity is examined using the design of the Sibirskaya, Rechnoy Vokzal, and Garina-Mikhailovskogo stations, which reinforce images of Siberian nature and cities. The value component is identified in the design of the Oktyabrskaya, Krasny Prospekt, and Lenina Square stations, which primarily reference key stages in Siberian history. The sensory-emotional component is characterized as a sense of pride and admiration for achievements in science, art, and sports, reflected in the design of the Stencheskaya, Gagarinskaya, and Sportivnaya stations. Elements of the regulatory component are found in the design of Lenina Square and Marshal Pokryshkina stations, which convey ideas about Novosibirsk as a metropolitan, heroic space and shape specific behavioral strategies and practices among residents. It is concluded that the Novosibirsk metro is a holistic artistic ensemble in which key meanings of territorial identity are enshrined by means of monumental and decorative art.

Keywords: monumental and decorative art, mosaic, stained glass, relief, regional identity, Novosibirsk, metro.

References

1. Golovnyova E.V. Konstruirovaniye regional'noi identichnosti v sovremennoi kul'ture (na materiale Sibirskogo regiona) [Construction of Regional Identity in Modern Culture (based on the Siberian Region)]: dis. ... d-ra filos. nauk. Ekaterinburg, 2018. 339 p.
2. Okunev I.Yu. Territorial'naya i prostranstvennaya identichnost': konceptualizatsiya bazovykh ponyatii [Territorial and Spatial Identity: Conceptualization of Basic Concepts] // *Sravnitel'naya politika*. 2018. № 1. P. 18–25.
3. Golovnyova E.V. Regional'naya identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniya [Regional Identity: Theoretical Aspects of Study] // *Ural'skii istoricheskii zhurnal*. 2013. № 2 (39). P. 81–88.

4. Golovnyova E.V. Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona [Regional identity and regional identity] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*. 2017. T. 12, № 3 (167). P. 182–189.
5. Fedotova N.G. Formirovanie gorodskoi identichnosti: faktornyi i institucional'nyi aspekty [Formation of Urban Identity: Factorial and Institutional Aspects] // *Zhurnal sociologii i social'noi antropologii*. 2017. T. 20, № 3. P. 32–49.
6. Shusharina G.A. Reprezentatsiya regional'noi identichnosti v gorodskoi monumental'noi zhivopisi razlichnykh istoricheskikh periodov [Representation of Regional Identity in Urban Monumental Painting of Various Historical Periods] // *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2025. № 1 (55). P. 81–101.
7. Shherbakova T.N. Formirovanie nacional'no-kul'turnoi identichnosti sredstvami monumental'no-dekorativnogo iskusstva: rossiiskaya specifika [Formation of National and Cultural Identity by Means of Monumental and Decorative Art: Russian Specifics] // *Tekhnicheskaya estetika i dizain-issledovaniya*. 2025. T. 7, № 3. P. 65–73.
8. Novosibirskoe metro. Istoriya stroitel'stva [Novosibirsk Metro. Construction History]. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House, 2004. 352 p.
9. Molchanov V.S., Kozhenkov V.N. Arhitekturno-hudozhestvennoe oformlenie stancii Novosibirskogo metropolitena [Architectural and Artistic Design of Novosibirsk Metro Stations] // *Nauka i socium: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: v 2 ch. Ch. 2*. Novosibirsk: Siberian Institute of Practical Psychology, Pedagogy and Social Work, 2019. P. 150–156.
10. Pervoe metro v Sibiri. Beseda s glavnym arhitektorom instituta "Novosibmetroproekt" V.V. Pitserskim [The First Metro in Siberia. A Conversation with V. V. Pitsersky, Chief Architect of the Novosibmetroproekt Institute] // *Sibirskie ogni*. 1981. № 9. P. 126–128.
11. Muratov P.D. Vremya nadezhd [Time of hope] // *Idei i idealy*. 2015. T. 1, № 3(25). P. 115–124.
12. Zaharova L.N. Osobennosti regional'noi identichnosti [Features of Regional Identity] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2018. № 1 (9). P. 51–55.
13. Hochu ostat'sya ...: rasskaz o vremeni i o sebe hudozhnika-monumentalista Aleksandra Chernobrovceva [I Want to Stay...: A Story About Time and Himself by Monumental Artist Alexander Chernobrovcev]. Novosibirsk: Siberian Book Publishing House, 2011. 190 p.
14. Balandin S.N. Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva. 1945–1985 gg. [Novosibirsk. History of Urban Development. 1945–1985] Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House, 1986. 160 p.
15. Anisimova A.A., Echevskaya O.G. Sibirskaya identichnost': predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii [Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization]. Novosibirsk: NSU, 2012. 176 p.

Elena A. Maltseva – D. Sc. (Cultural Studies), Cand. Sc. (Art History), Associate Professor, Professor of the Department "History and Philosophy", Siberian Transport University (Novosibirsk); Professor of the Department of Folk Art and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk), e-mail: eamaltseva@yandex.ru

Received September 17, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мальцева, Е. А. Монументально-декоративное оформление Новосибирского метрополитена как репрезентация территориальной идентичности / Е. А. Мальцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 67–75. DOI: 10.14529/ssh260408

FOR CITATION

Maltseva E. A. Monumental and decorative design of the Novosibirsk metro as a representation of territorial identity. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 67–75. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260408

СЦЕНАРИИ Ю. ЛЕВИТАНСКОГО: МЕЖДУ НАРРАТИВНОМ И ПЕРФОРМАТИВНОМ

Е. В. Абрамовских

*Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара,
Российская Федерация*

В статье исследуются элементы кинопоэтики в металирике Ю. Левитанского. На материале текстов, имеющих на уровне заголовочного комплекса жанровое обозначение «Фрагменты сценария» («Время слепых дождей», «Время улетающих птиц», «Время зимних метелей», «Время раскрывающихся листьев») и содержащих указание на действия режиссера («Как показать лето», «Как показать осень», «Как показать весну», «Как показать зиму»), показаны принципы нарративизации перформативного высказывания.

На уровне цикла выстраивается единство, представляющее восьмисерийный художественный фильм. В четырех частях – история отношений героя и героини, и еще в четырех – зарисовки городских пейзажей, являющихся фоном к развитию отношений, ассоциативные образы, бытовые сценки, интермедийные включения.

Лирический субъект выступает режиссером, переосмысливающим свою жизнь и создающим мир по собственному сценарию. Через кадры ментального видения лирического субъекта читатель вовлекается в процесс создания и постижения текста (лирического произведения, сценария, кинофильма).

В неавторском лирическом цикле Ю. Левитанского через прием сегментации зримого на кадры моделируется нарративный показ. Можно говорить о таком способе организации повествования, как квазинарратив, характеризующийся последовательностью сменяющихся кадров вместо развернутого повествования, фрагментарностью, незавершенностью. Эпизодизация наррации внутри серий (каждого стихотворения) осуществляется при помощи средств кинопоэтики. Принципиальными становятся такие приемы, как «киносценарий», «кадр», «монтаж».

Ключевые слова: нарратология, кинонарратив перформатив, кинопоэтика, сценарий, монтаж, кадры ментального видения, лирический субъект.

Введение

Кинематографическое мышление Ю. Левитанского отражается в творчестве поэта. Элементы кинопоэтики (сценарий, монтаж, кадр, смена точек зрения) определяют специфику лирической системы, в которой заметна тенденция к нарративизации перформативного высказывания.

В качестве материала исследования выступают тексты Ю. Левитанского, которые можно отнести к читательскому лирическому циклу. Они объединены на уровне заголовочного комплекса жанровым маркером «Фрагменты сценария» («Время слепых дождей», «Время улетающих птиц», «Время зимних метелей», «Время раскрывающихся листьев») и указанием на действия режиссера («Как показать лето», «Как показать осень», «Как показать весну», «Как показать зиму», «Как показать весну»).

В стихотворении «Вступление в книгу», открывающем сборник «Кинематограф» (1970), раскрывается метафора кино как человеческой жизни. В диахронии выстраивается история кинематографа, связанная с основными этапами взросления и становления героя: от черно-белого немного кино к цветному, панорамному. В синхронии каждый человек выступает режиссером своей собственной судьбы: «И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны, / как текут мои мгновенья, мои годы, мои

сны, / как сплетается с другими эта тоненькая нить, / где уже мне, к сожалению, ничего не изменить...» [1, с. 9].

Цель статьи – выявить, как осуществляется нарративизация перформативного высказывания при помощи элементов кинопоэтики (сценарий, кадр, монтаж) в неавторском лирическом цикле «Фрагменты сценария» в сборнике стихотворений «Кинематограф» Ю. Левитанского.

Обзор литературы

Первый сборник стихотворений «Кинематограф» подробно исследован с точки зрения взаимодействия литературы и других видов искусства. К этому вопросу обращались такие исследователи, как Н. В. Губина, Л. В. Слободин, А. Н. Черняков, И. С. Кадочникова.

Н. В. Губина и Л. В. Слободин указывали на кинематографичность поэтики Ю. Левитанского: «Разнообразные кинематографические приемы (монтаж, «наезд» кинокамеры, оформление начальных титров и др.) организуют направление читательской рецепции, фокусируют внимание на наиболее важных для автора образах – действующих лицах этой киноленты жизни» [2, с. 28].

Композиция сборника Ю. Левитанского «Кинематограф» исследована в работах Ю. Б. Орлицкого и О. Казмирчук. Ю. Б. Орлицкий [3] считает

важной чертой поэтики Левитанского наличие «внутренних жанров» в структуре книги стихов. В книге «Кинематограф» «внутренними жанрами» являются «Фрагменты сценария», «Воспоминания», «Сны». Перебивка стихотворений, принадлежащих разным жанрам, выстраивает поэтику киномонтажа. По словам О. Казмирчук, «каждый тематический блок развивается по законам стихотворного цикла (...)» [4, с. 258].

Изучение лирических циклов позволит глубже рассмотреть вопрос о нарративизации лирического высказывания на основе принципов кинопоэтики, который до сих пор не становился предметом специального научного рассмотрения.

Методы исследования

Для исследования лирического цикла, вбирающего в себя киносценарии Ю. Левитанского, мы опираемся на такие методы, как нарратологический подход, теория перформатива в изучении лирического произведения (В. И. Тюпа); на работы ученых в области нарративной лирики (А. Чевтаев), а также на работы по кинопоэтике (С. М. Эйзенштейн, Л. В. Кулешов, В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов).

В определении перформатива и нарратива мы опираемся на концепцию В. И. Тюпы. Лирика, с точки зрения исследователя, является не нарративом, а перформативом, непосредственным действием словом. По мнению В. И. Тюпы, «рассказывание имеет структуру человеческого *опыта* (воспоминания, свидетельства), тогда как перформативное высказывание – более архаичную структуру *откровения*» [5, с. 115].

Нарратив рассматривается В. И. Тюпой как «двоjakособытийный повествовательный дискурс» [7, с. 59]. Генезис такого подхода – в теоретических положениях М. М. Бахтина, для которого «произведение в его событийной полноте» – «целостное и нераздельное» единство «события, о котором рассказано в произведении» и «события самого рассказывания» [8, с. 500].

Событие самого рассказывания предполагает деление текста на эпизоды, которое может определяться композиционным построением, сменой субъекта видения, изменением пространственных и временных характеристик. В качестве промежуточных эпизодов могут выступать нарративные кадры «ментального видения», передающие происходящее в сознании субъекта. В. И. Тюпа вводит это понятие во «Введении в сравнительную нарратологию»: «Всякая повествовательная фраза, даже самая тривиальная в общезыковом отношении, задана восприятию как более или менее насыщенный деталями кадр «внутреннего зрения», или, точнее, нарративный кадр ментального видения» [7, с. 23].

Результаты и дискуссия

Рассматриваемые тексты Ю. Левитанского («Фрагменты сценария» («Время слепых дождей»,

«Время улетающих птиц», «Время зимних метелей», «Время раскрывающихся листьев»); «Как показать лето», «Как показать осень», «Как показать зиму», «Как показать весну») можно отнести к неавторскому лирическому циклу. М. Дарвин [9] называл подобные образования читательскими циклами. При их выстраивании осуществляется моделирование некой тематической общности в сознании читателя. Они могут быть объединены в цикл на уровне жанрового обозначения – «фрагменты сценария» – и вспомогательного текста, комментирующего, как изобразить то, что заложено в киносценарии. Здесь задана двойная рецептивная проекция: кинотекст с точки зрения сценариста и с точки зрения режиссера. Но всё это дано в оцеляющем осмыслении лирического субъекта.

На уровне цикла перед нами единство, представляющее собой восьмисерийный художественный фильм. В четырех частях – история отношений героя и героини, и еще в четырех – зарисовки городских пейзажей, являющихся фоном к развитию отношений, ассоциативные образы, бытовые сценки, интермедийные включения. Такая форма построения близка кинематографу периода оттепели (главный герой – камера, вбирающая в себя весь мир). Можно говорить об элементах киноэпифрагмической поэтики Марлена Хуциева: «Я шагаю по Москве» (1963), «Июльский дождь» (1967).

В четырех частях цикла («Как показать лето», «Как показать осень», «Как показать зиму», «Как показать весну») происходит переключение – от истории героев к фону. И доминантной становится метанарративная форма, через которую показывается конструирование текста.

В читательском цикле Ю. Левитанского можно обозначить два уровня эпизодизации: 1. Эпизоды – серии (четыре серии о временах года, соединяющиеся в одно целое фильма; четыре серии о том, как правильно снимать фильм – своего рода указания для съемочной группы); 2. Эпизодизация внутри серий (переключение кадров «ментального видения»).

В стихотворениях «Время слепых дождей», «Время улетающих птиц», «Время зимних метелей», «Время раскрывающихся листьев» через смену времен года (лето – осень – зима – весна) выстраивается прецедентная картина мира. «Здесь имеет место фатально непреложный и неоспоримый «круговорот жизни – смерти – жизни» [10, с. 226].

Ключевыми становятся события, связанные с отношениями героев: зарождение чувств, осознание духовного родства, а затем боль расставания, грусть и вновь надежда на встречу, на возрождение. В каждой из этих серий разворачивается свой сюжет, но все они объединены осмыслением места человека в мире.

Причина расставания неизвестна ни лирическому субъекту, ни читателю. Это лакуна, которую каждый воспринимающий может восполнить, до-

мыслить. Как и новую встречу: через осознание – к выходу на новый уровень отношений.

Рассмотрим референтные события в рассматриваемых стихотворениях Ю. Левитанского.

В стихотворении «Время слепых дождей» показана встреча героя и героини под летним проливным дождем, прозрение / откровение от встречи, затем появляется образ вокзала, с которым связан мотив дороги (их совместного пути).

«Время улетающих птиц» посвящено развитию отношений. Герои едут на юг, появляются элементы «курортного текста» (море, солнце песок), заканчивающегося не типично – героиня уходит, покидает героя. Он остаётся с «замком на песке», она – у подножия памятника Будды, прозревшая, познавшая. Но их отношения сравниваются с рухнувшей Помпеей: «очертанья рухнувшей Помпеи / след полузабытой эпопеи, / домик, возведенный на песке» [1, с. 39]. Аллюзия к картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи» (1830–1833) передаёт предчувствие катастрофы.

В стихотворении «Время зимних метелей» показывается зимний пейзаж – метель, снег, засыпающий всё: и город, и прохожих, и машины. И через эту снежную «зиму» герои пытаются дозвониться, достучаться друг до друга, но встреча не происходит. Они сравниваются с памятниками (obeliskami) в снежной пустыне. Памятник их нежной любви, внезапно возникшей летом, под проливным дождем, во время случайной встречи в городе.

В центре стихотворения «Время раскрывающихся листьев» – ожидание прихода Весны («чудо непрерывности творенья, сотворенья ветки и куста», весенний гром) и новых чувств («и тогда в дожде, / как наважденье, / возникает давнее виденье – / женщины забытые глаза...» [1, с. 98]).

Помимо указанных референтных событий – в четырех частях моделируются и возможные события: варианты развития отношений (бытовое, искажающее бытийное, которого герои боятся), встреча с «возлюбленной» в финале (той самой или ожидание новых чувств).

Вариативность сюжетного развертывания: вокзал, дорога на море (курортное пространство как счастье, мечта) антитетично возвращению в бытовой мир, состоящий из скучных, прозаических вещей (работа, месячный бюджет семьи, «заявления в домоуправлении»), о которых думать не хочется. Как будто отрабатывается формула «любовная лодка разбилась о быт». И вопреки этому лирический субъект сознательно останавливает развитие сюжета: «А сюжет живет во мне и ждет, / требует развития, / движенья. / Бьюсь над ним / до головокруженья, / но никак не вижу продолженья. / Лишь начало вижу. / Дождь идет. / Человек по улице идет» [1, с. 11].

Возвращение к началу фильма – камера фокусируется на взглядах. Кино пыталось остановить

время: когда крутится пленка – повторяется жизнь. Лирический субъект в сотый раз пытается запечатлеть мгновение, лучше которого не будет никогда – встреча взглядов и осознание чувств мужчины и женщины.

Введение возможных сюжетов также вписывается в поэтику кино, где нет конечности, мы попадаем в процесс и не всегда понятно, куда и к чему мы придем.

Четыре части о том, как правильно снимать фильм («Как показать лето», «Как показать осень», «Как показать зиму», «Как показать весну») – своего рода указания для съемочной группы. В центре лирического высказывания, построенного таким образом, – ключевое событие, являющееся маркером времени года. К таким событиям относятся:

– пейзажные зарисовки: (летний дождь, жара; осенние листья, уходящая осень под аккомпанемент Сонаты № 2 Шопена; снег, укутывающий город; пробуждающаяся в ожидании Весны природа);

– бытовые сценки (продавец в киоске «Пиво-Воды»; дети в песочнице); жизнь города (женщина, купившая ёлку на Новый год; мытьё окон весной; в образе «пасхальных старушек» – куличи и приближающаяся Пасха).

Таким образом, восемь частей неавторского цикла взаимосвязаны и взаимозависимы. Образ или мотив может по-разному встраиваться в каждую часть, наполняясь новыми коннотатами. Например, «песок» – знак курортного пространства (море, солнце, лето), затем он становится знаком утекающего времени и чувств и чем-то призрачным, зыбким (замок на песке), а в последнем стихотворении цикла герой наблюдает, как дети строят замки из песка – новая жизнь, новый мир, всё продолжается снова и снова.

Эпизодизация наррации внутри серий (каждого стихотворения) осуществляется при помощи средств кинопоэтики. Принципиальными становятся такие приемы, как «киносценарий», «кадр», «монтаж». Кинесценарий выступает замыслом, планом съемки. Кинесценарий рассматривается теоретиками кино как вспомогательный, промежуточный жанр киноискусства. Это жанр, в котором конструируется киномир. Но этот мир еще не пришел в движение, не наполнился голосами, красками, лицами. По определению Л. Кулешова, «даже неожиданно возникшее событие, которое привлекло ваше внимание, репортаж, съемка «врасплох», все равно обязывает вас мгновенно решать, каким образом заснять это событие, в каких кусках, как их потом смонтировать, чтобы передать целостность события, передать верность места и времени» [11, с. 27].

Отрезки кино – кадры, содержащие разные объекты съемки в пространстве и времени. «Укрупнение» и «уменьшение» объекта в кадре дает разное содержание. По словам С. Эйзенштейна

на, кадр – «ячейка монтажа». «На экране кинематографический кадр не статичен, а динамичен, в нем большей частью происходит движение (точнее, иллюзия движения на экране), и в связи с этим композиция кадра постоянно видоизменяется» [12, с. 63].

Монтаж – «такой принцип построения любых сообщений (знаков, текстов) культуры, который состоит в соположении в предельно близком пространстве-времени (хронотопе, по Бахтину) хотя бы двух (или сколько угодно большего числа) отличающихся друг от друга по денотатам или структуре изображений, самих предметов (или их названий, описаний и любых других словесных и иных знаковых соответствий) или же целых сцен (в этом последнем случае обычно опредмечиваемых)» [13, с. 119–120].

По словам Л. Кулешова, «Соединение (сборка) в определенном порядке отдельных кусков действия в законченное кинопроизведение называется монтажом фильма. Монтаж показывает отношение режиссера к заснятому материалу картины. Монтаж помогает зрителю лучше видеть картину, лучше ее усваивать» [11, с. 28].

Принципы кинопоэтики, с одной стороны, имплицированы в стихотворениях рассматриваемого цикла. С другой стороны, осмысление принципов кинопоэтики эксплицировано в сознании лирического субъекта сборника «Кинематограф»: «Кем написан был сценарий? Что за странный / фантазер / этот равно гениальный и безумный режиссер? / Как свободно он монтирует различные куски / ликованья отчаянья, веселья и тоски!» [1, с. 7].

Лирический субъект обозначает два типа монтажа: «То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу» [1, с. 9] – это традиционный монтаж (параллельный, склейка); «То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно...» [1, с. 9] – интеллектуальный монтаж.

Монтаж у Ю. Левитанского становится выходом на металирику. Лирический субъект выступает режиссером, создающим мир по собственному сценарию и переосмысливающим свою жизнь. Через кадры ментального видения лирического субъекта читатель вовлекается в процесс создания и постижения текста (лирического произведения, сценария, кинофильма).

Лирический субъект осмысляет возможности кинокамеры как экзистенциальную свободу. Я хочу осмыслить свою жизнь так, как я хочу.

В. И. Тюпа в статье «Место Лотмана в становлении нарратологии» актуализирует важную проблему – возвращения кино «к показу, но уже нарративному, состоящему в сегментации зримого на кадры» [14, с. 61]. Приведем логику рассуждений исследователя. Лотман раскрывает общую природу коммуникативного акта наррации. Его внимание привлекло «существенное различие между зримым миром в жизни и на экране. Пер-

вый не дискретен (непрерывен) (...) Мир кино – это зримый нами мир, в который внесена дискретность» [15, с. 306]; «самое существенное: воспроизводя зримый и подвижный образ жизни, кинематограф расчленяет его на отрезки» [14, с. 307]. По мнению В. И. Тюпы, «в этом и состояла вербальная наррация, которой первобытный человек овладел относительно поздно, научившись заменять мимический показ непрерывных действий – рассказом о них» [14, с. 61].

Покажем эпизодизацию наррации на примере стихотворения Ю. Левитанского «Время слепых дождей».

Кадр 1. Общий план. Дождь. Улица.

Кадр 2. Общий план. Герой идет по улице под дождем.

Кадр 3. Средний план. Герой медленно идет сквозь дождь, промокнувший, но внутреннее ощущение, что «дождь его не задевает». Камера следует за ним.

Кадр 4. Средний план. «А навстречу женщина идет».

Кадр 5. Крупный план. Встречаются взгляды героев: сначала его глаза, потом её глаза. Интеллектуальный монтаж. Встреча двух вселенных «Лишь во весь экран – одни глаза, / два бездонных, / два бессонных круга, / как живая карта полушарий / этой неустроенной планеты...»

Кадр 6. Средний план. Вокзал. Поезд. Дорога на юг. Расширение пространства.

Кадр 7. Монтаж эпизодов возможных сюжетов. Вариант 1. Море, радость. Вариант 2. Реальная жизнь («место службы», «месячный бюджет», «заявления в домоуправления»).

Кадр 8. Метанаррация: создание истории и авторский комментарий к созданной истории. «А сюжет живет во мне и ждет».

Кадр 9. Общий план. Возвращение к началу: дождь, улица, идущий человек.

Раскадровка «Времени слепых дождей» представляет собой цепь из девяти кадров, связанных монтажом и создающих открытый сценарий человеческой судьбы. В стихотворениях Ю. Левитанского заметна тенденция квазинарративности – имитации повествования.

Выводы

В рассматриваемых стихотворениях Ю. Левитанского задаётся двойная проекция – текст генерируется на глазах читателя и как лирическое произведение (перформатив) и как вариант киносценария (нарратив). Однако нарратив, организованный по принципам кинопоэтики (сегментация зримого на кадры), трансформируется в оцеляющую перформативное высказывание.

В неавторском лирическом цикле Ю. Левитанского через прием сегментации зримого на кадры моделируется нарративный показ. Можно говорить о таком способе организации повествования, как квазинарратив – впечатление киноповествования.

Признаки квазинарратива: последовательность сменяющихся кадров вместо развернутого повествования, фрагментарность, незавершенность.

Проведенный анализ показал: в неавторском цикле стихотворений Ю. Левитанского оцеляющим завершением является перформативное. Лирический субъект выступает режиссером, создающим мир по собственному сценарию. Через кадры ментального видения лирического субъекта читатель вовлекается в процесс создания и постижения текста (лирического произведения, сценария, кинофильма).

Литература

1. Левитанский, Ю. Время, бесстрашный художник... : стихотворения / Ю. Левитанский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 416 с.
2. Губина, Н. В. Кинематографические приёмы в художественно-поэтической рецепции Ю. Д. Левитанского / Н. В. Губина, Л. В. Свободина // Ученые записки Алтайского государственного института культуры. – 2019. – № 4 (22). – С. 23–29.
3. Орлицкий, Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.
4. Казмирчук, О. Ю. Интерпретация мотива дождя в книге Ю. Д. Левитанского «Кинематограф» / О. Ю. Казмирчук // Филологический журнал. – 2006. – № 2 (3). – С. 258–261.
5. Тюпа, В. И. Дискурс / Жанр / В. И. Тюпа. – М. : Intrada, 2013. – 211 с.
6. Чевтаев, А. Нарративная лирика и анарративный «эпос» в поэзии О. Мандельштама / А. Чевтаев // Narratorium. – 2015. – № 1 (8). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2634334>.
7. Тюпа, В. И. Введение в сравнительную нарратологию : научно-учебное пособие для самостоятельной исследовательской работы / В. И. Тюпа. – М. : Intrada, 2016. – 145 с.
8. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Заключительные замечания / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 341–503.
9. Дарвин, М. Н. Проблема цикла в изучении лирики / М. Н. Дарвин. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1983. – 104 с.
10. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М. : Восточная литература, 1998. – 800 с.
11. Кулешов, Л. Кадр и монтаж / Л. Кулешов. – М. : Искусство, 1961. – Кн. 1. – 88 с.
12. Кулешов, Л. Азбука кинорежиссуры / Л. Кулешов. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1969. – 132 с.
13. Иванов, Вяч. Вс. Монтаж как принцип построения в культуре первой половины XX в. / Вяч. Вс. Иванов // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М. : Наука, 1988. – С. 119–120.
14. Тюпа, В. И. Место Лотмана в становлении нарратологии / В. И. Тюпа // Slav Varia. – 2022. – № 1. – С. 59–68.
15. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство-СПб., 2005. – С. 288–372.

Абрамовских Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), e-mail: abramovskih@psga.ru. ORCID 0000-0003-3185-5354

Поступила в редакцию 12 августа 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260409

YURI LEVITANSKY'S SCREENPLAYS: BETWEEN THE NARRATIVE AND THE PERFORMATIVE

E. V. Abramovskikh

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

The article examines elements of film poetics in Yuri Levitansky's metalyric poetry. Drawing on texts whose title complexes contain the genre designation "Screenplay Fragments" ("The Time of Blind Rains", "The Time of Departing Birds", "The Time of Winter Blizzards" and "The Time of Unfolding Leaves") and references to a director's actions ("How to Show Summer", "How to Show Autumn", "How to Show Spring" and "How to Show Winter"), the study identifies the principles governing the narrativization of performative utterance.

The lyrical subject assumes the role of a director who creates the world according to his own screenplay and reinterprets his life. Through the lyrical subject's frames of mental vision, the reader is drawn into the process of creating and comprehending the text, whether a lyrical work, a screenplay, or a film.

In Levitansky's non-authorial lyrical cycle, narrative representation is modeled through the segmentation of the visible world into shots. This mode of narrative organization may be described as a quasi-narrative: a sequence of changing shots in place of an extended narrative, together with fragmentation and incompleteness.

Keywords: narratology, film narrative, performative utterance, film poetics, screenplay, montage, frames of mental vision, lyrical subject.

References

1. Levitanskii Yu. Vremya, besstrashnyi hudozhnik... [Time, Fearless Artist...]: stihotvoreniya. Saint Petersburg: Alfabeta, Alfabeta - Attikus, 2021. 416 p.
2. Gubina N.V., Svobodina L.V. Kinematograficheskie priemy v hudozhestvenno-poeticheskoi recepcii Yu. D. Levitanskogo [Cinematic Devices in the Artistic and Poetic Reception of Yu. D. Levitansky] // *Uchenye zapiski Altaiskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2019. № 4 (22). P. 23–29.
3. Orlickii Yu.B. Stih i proza v russkoi literature: Ocherki istorii i teorii [Verse and Prose in Russian Literature: Essays on History and Theory]. Moscow, 2002. 685 p.
4. Kazmirchuk O.Yu. Interpretatsiya motiva dozhdya v knige Yu.D. Levitanskogo "Kinematograf" [Interpretation of the Rain Motif in Yu.D. Levitansky's Book Cinematograph] // *Filologicheskii zhurnal*. 2006. № 2 (3). P. 258–261.
5. Tyupa V.I. Diskurs / Zhanr [Discourse / Genre]. Moscow: Intrada, 2013.
6. Chevtsev A. Narrativnaya lirika i anarrativnyi «epos» v poezii O. Mandel'shtama [Narrative Lyric Poetry and the Anarrative 'Epic' in the Poetry of O. Mandelstam] // *Narratorium*. 2015. № 1 (8). URL: <http://narratorium.rgu.ru/article.html?id=2634334>.
7. Tyupa V.I. Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu [Introduction to Comparative Narratology: A Research and Study Guide for Independent Work]: nauchno-uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noi issledovatel'skoi raboty. Moscow: Intrada, 2016. 145 p.
8. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Zaklyuchitel'nye zamechaniya [Forms of Time and the Chronotope in the Novel: Concluding Remarks] // *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012. P. 341–503.
9. Darvin M.N. Problema cikla v izuchenii liriki [The Problem of the Cycle in the Study of Lyric Poetry]. Kemerovo: Publishing House of the Kemerovo State University, 1983.
10. Freidenberg O.M. Mif i literatura drevnosti [Myth and the Literature of Antiquity]. Moscow: East literature, 1998. 800 p.
11. Kuleshov L. Kadr i montazh [The Shot and Montage]. Moscow: Art, 1961. Kn. 1.
12. Kuleshov L. Azbuka kinorezhissury [The ABC of Film Directing.]. 2-e izd. Moscow: Art, 1969.
13. Vyach.Vs. Ivanov. Montazh kak princip postroyeniya v kul'ture pervoi poloviny XX v. [Montage as a Principle of Construction in the Culture of the First Half of the Twentieth Century] // *Montazh: Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino*. Moscow: Science, 1988. P. 119–120.
14. Tyupa V.I. Mesto Lotmana v stanovlenii narratologii [Lotman's Place in the Development of Narratology] // *Slav Varia*. 2022. № 1. P. 59–68.
15. Lotman Yu.M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of Cinema and Problems of Film Aesthetics] // *Ob iskusstve*. Saint Petersburg: Art-SPb., 2005.

Elena V. Abramovskikh – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methodology, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara), e-mail: abramovskikh@psga.ru

Received August 12, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Абрамовских, Е. В. Сценарии Ю. Левитанского: между нарративом и перформативом / Е. В. Абрамовских // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 76–81. DOI: 10.14529/ssh260409

FOR CITATION

Abramovskikh E. V. Yuri Levitansky's screenplays: between the narrative and the performative. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 76–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260409

ВИЗУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНА

С. С. Качко

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье представлены результаты исследования визуальной структуры медиаобраза индустриального региона в региональном интернет-СМИ на основе денотативного анализа визуального контента. Эмпирическую базу исследования составили 1363 визуальных материала, сопровождавших публикации сетевого издания «КП-Челябинск» в период с января 2025 г. по февраль 2026 г. Анализ проводился на денотативном уровне и позволил выделить пять основных компонентов визуальной репрезентации региона: люди и их социальная роль, архитектура и городская инфраструктура, природа и окружающая среда, техника и предметы, графические изображения. Центральным субъектом в 67,7 % материалов является человек; в целом люди присутствуют в кадре в 73,1 % выборки. Помимо человеческих образов, заметное место в визуальной репрезентации региона занимают городские пейзажи и инфраструктура, здания и сооружения, а также промышленные и строительные объекты.

Динамические изображения составляют 62,3 % материалов и преобладают над статическими. Анализ показывает, что индустриальная специфика региона выражается не только через промышленные объекты и производственную деятельность, но и через социальные, технические, транспортные и городские образы. В результате регион представлен в медиаповестке прежде всего как социально насыщенное и деятельностное городское пространство.

Ключевые слова: интернет-СМИ, медиаобраз, поликодовый медиатекст, визуальная составляющая медиатекста, денотативный анализ.

Введение

Актуальность исследования визуальной составляющей медиатекстов в процессе формирования медиаобраза промышленного региона в современных условиях динамичного роста объемов информации и высокой плотности новостных потоков в интернет-пространстве обусловлена сменой парадигмы медиапотребления. Современный пользователь взаимодействует с медиаконтентом в режиме дефицита времени, из-за чего именно визуальные элементы (фотографии, изображения, инфографика и др.) становятся первичным триггером внимания. Визуальный компонент поликодового медиатекста выступает в роли первичного аттрактора и смыслового фильтра, косвенно фреймирующего повестку дня, на основании которого пользователь принимает решение о чтении материала за доли секунды. Одной из задач исследования является определение того, какие образы наиболее широко представлены в визуальной репрезентации регионального интернет-СМИ. Эти данные позволят сформировать структурированное представление о существующих тенденциях выстраивания визуальной повестки региона. Детальный контент-анализ невербальной составляющей позволит получить объективные данные о том, какие визуальные субъекты и объекты изображения выходят на первый план чаще всего. Образы, которые встраиваются в визуальную повестку, систематически могут сформировать у целевой аудитории интернет-СМИ стойкие представления о территории или регионе в целом.

Исследование визуальной составляющей новостной повестки является особенно актуальным

в контексте индустриальной территории. Исследование аспектов региональной действительности в фотоконтенте СМИ позволит сформировать представление о том, как на самом деле конструируется медиаобраз промышленного региона на момент проведения исследования. Выбранный за основу денотативный уровень анализа в существующих исследованиях, посвященных анализу визуальных репрезентаций, представлен недостаточно и, как правило, направлен на исследование конкретных событий, а не исследование повседневного новостного потока. Цель исследования заключается в выявлении особенностей формирования визуальной повестки индустриального региона посредством денотативного анализа медиатекстов интернет-СМИ «Комсомольская правда-Челябинск».

Обзор литературы

Для исследования особенностей специфики визуальных образов в региональных интернет-СМИ следует разграничить схожие понятия: «образ», «имидж» и «медиаобраз». И. В. Сидорская отмечает, что «образ» является более широким понятием: он связан преимущественно со стихийно складывающимися представлениями об объекте, тогда как «имидж» – с целенаправленным формированием представлений, в том числе средствами рекламы и связей с общественностью [1]. О. В. Широкова при исследовании визуальной репрезентации Великого Новгорода в цифровых медиа выявила, что в медиапространстве представлено не все городское пространство, а лишь фиксируемая и распространяемая его часть; воспроизводство ограниченного набора визуальных паттернов способно формировать стереотипный образ города [2].

В этом контексте особое значение приобретает понятие «медиаобраз», которое Лю Сыди, Н. Г. Нестерова определяют как «совокупность когнитивных представлений об этом регионе в отдельном медиатексте или группе медиатекстов, объединенных на том или ином основании (ограниченных тематически, временными рамками, определенными источниками)» [3]. А. Н. Гуреева и П. А. Киреева в исследовании формирования медиаобраза государства в условиях медиатизации отмечают важную особенность: медиаобраз «занимает посредническую позицию между самим социальным миром и его образом в сознании общества» [4]. Структурно он может как транслировать элементы действительности, так и интерпретировать различные аспекты. Т. Н. Галинская рекомендует рассматривать понятие медиаобраза в узком и широком значении, где в узком смысле – это «фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов», а в широком – «образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиапространстве» [5].

При исследовании медиаобраза важно также учитывать структуру медиатекстов, которые в своей совокупности формируют определенные представления у аудитории. В современной информационной среде медиатексты имеют поликодовую структуру. Исследователи Н. В. Новоспаская и Н. М. Дугалич в исследовании указывают на неразрывность вербальной и невербальной составляющих, по мнению авторов, оба этих компонента воспринимаются как единое целое [6]. Н. А. Ахренова и Р. И. Зарипов описывают медиатекст как сложную коммуникативную организацию, в которой сочетаются динамичное и статичное изображение, текст, гипертекст, а также звук [7].

Для нашего исследования первостепенную значимость имеет невербальная составляющая, а именно изображения, которые служат основным иллюстрирующим материалом новостной публикации. Исследователи невербальной составляющей медиатекстов считают, что задача визуальных материалов в СМИ не сводится лишь к иллюстрированию текстовой части публикации. С. И. Симаква видит здесь смещение фокуса от вербального к образному, подчеркивая, что цифровизация и конвергенция повышают роль наглядности для медиапродукта [8], а Н. И. Ворон, отталкиваясь от «общественной потребности в визуальной информации», отводит фоторепортеру задачу раскрывать социально значимое содержание событий средствами фотографии [9], которая, в свою очередь, дает читателю эффект присутствия, почти равный непосредственному наблюдению; Е. И. Шешилова добавляет к этому, что образ территории складывается не только из личного опыта человека, но и под влиянием фотографий, социальных сетей и других видов медиа [10].

Е. М. Тихонова, работая с материалом местной прессы, в своем исследовании показывает, что

визуальный медиаобраз города складывается сразу по нескольким тематическим направлениям. Она выделяет группы, связанные с развитием транспортной системы, отдельно рассматривает изменения внешнего облика городской среды, а также развитие городских территорий [11].

С. В. Захаров обосновывает количественные характеристики, изучая «портрет современника» на материалах местного СМИ [12]. Автор анализировал фотографии, не опираясь на текст, который их сопровождал. Учитывался пол человека, профессия, а также вид деятельности: трудятся, позируют или находятся вне рабочего места. Благодаря такому подходу удается количественно описать, какие визуальные сюжеты чаще попадают на страницы местных изданий.

Л. К. Лободенко, А. Б. Черediaкова, И. Ю. Матвеева с соавторами в исследовании проанализировали фотографии из экологических медиатекстов Челябинской и Свердловской областей. В ходе исследования был обнаружен набор повторяющихся сюжетов: смог, панорамы городов, промышленные предприятия. Встречаются кадры свалки, экологических акций и последствия техногенных аварий [13].

На основе материалов австралийских региональных СМИ Т. Дж. Томсон в своей работе обращается к проблематике региональной визуальной журналистики. Автор отмечает, что статичные изображения являются наиболее распространенным элементом локального визуального новостного пространства, при этом визуальная сторона региональных новостей остается недостаточно изученной [14]. Анализ большого массива иллюстраций представлен в работе Д. Э. Коноплева, который исследовал 9360 публикаций деловых и массовых СМИ. Автор использует графический и объектно-ориентированный анализ и объединяет схожие изображения в визуально-тематические группы. В публикациях об экономических кризисах им выявлены деперсонифицированные и обобщенные иллюстрации, а также прием «локации без деталей», когда место действия распознается, но визуально не конкретизируется [15].

Исследования, посвященные только текстовой составляющей, по мнению С. Гайзе и К. Бадена, рискуют утратить свою актуальность ввиду того, что роль визуальных образов в современных коммуникациях значительна и требует отдельного рассмотрения [16].

Ключевое значение для методологии имеет работа Л. Родригес и Д. Димитровой. Исследователи предлагают четырехуровневый процесс выделения фреймов на денотативном уровне, стилистико-семиотическом, коннотативном и идеологическом. Каждый из уровней визуального фрейминга позволяет анализировать изображение с разных точек зрения. За основу для настоящего исследования взят первый уровень – денотативный. На данном уровне анализируется и описывается

фактическое присутствие объектов на изображении, без трактовки скрытых смыслов. Для анализа изображений на этом уровне, исследователи предлагают вопрос «Кто или что здесь изображено?» [17].

Денотативный уровень анализа применяется во многих схожих тематических исследованиях, рассмотрение различных подходов к применению методологии Л. Родригес и Д. Димитровой позволит нам определить, насколько вариативна модель, а именно денотативный уровень, к различным эмпирическим материалам.

Обзор 552 исследований, проведенный С. Гайзе и И. Сюй, выявили, что анализ визуальной составляющей длительное время занимал периферийное положение [18]. Авторы обращают внимание на самостоятельные коммуникативные возможности визуального и текстового компонентов медиатекста: они могут не только дополнять друг друга, но и задавать различные интерпретации события. При систематизации работ исследователи применяют модель Л. Родригес и Д. Димитровой и распределяют исследования по денотативному, стилистическому, коннотативному и идеологическому уровням. В этом случае модель служит уже не только схемой для анализа отдельного изображения, но и способом классификации самих исследований визуального фрейминга. Р. Энтман определяет фрейминг как процесс отбора отдельных аспектов реальности и повышения их значимости в материале [19].

Главное свойство модели – возможность ее адаптации под особенности изучаемого материала. Т. П. Мурина, Б. А. Малл и А. Хиль-Торрес, изучая визуальную репрезентацию наводнения в Квазулу-Натале, на денотативном уровне устанавливают, кто или что попал в кадр, где разворачивается действие и что происходит на снимке [20], а затем переходят к композиционным характеристикам и коннотативным значениям, при этом систему кодирования подстраивают под тему исследования, учитывается гендерный аспект, отдельно выделяется фрейм человеческой истории, экономический и политический фреймы и изображения последствий разрушений. Набор категорий меняется вместе с задачами исследования.

Ближе всего к задачам настоящей работы стоит статья Т. Дж. Томсона, Ш. И. Чжан, Ц. Жэня и Ю. А. Чэня о повседневном визуальном потоке в городских и региональных СМИ Австралии и Китая [21], где материалом исследования послужили 1408 изображений из 674 публикаций. Авторы опирались на три уровня модели Л. Родригес и Д. Димитровой, применив ее так, что стилистико-семиотический уровень отвечал за модальность изображения, а идеологический фиксировал представленность элитных и неэлитных субъектов. Денотативный уровень фиксировал людей, места и объекты. Были выделены следующие категории: «люди», «застроенная среда», «природная среда»,

их сочетание, «объекты», «животные» и «другое». Общий вопрос о содержании изображения получает в этом исследовании собственную систему кодов, приспособленную к особенностям анализируемого материала.

Сопоставление этих работ определяет общий принцип, который задает денотативный уровень модели Родригес и Димитровой, а именно необходимость в первую очередь фиксировать видимые субъекты, объекты и элементы изображения, не смешивая описание с интерпретацией. Классификация при этом зависит от исследуемого материала. Одни исследователи ограничиваются людьми, местами и объектами, другие учитывают типы среды, социальные роли, действия, тематически значимые предметы. Так денотативную классификацию удастся адаптировать к повседневной визуальной повестке конкретного интернет-СМИ. Однако большинство рассмотренных исследований посвящено отдельным событиям, проблемным темам или определенным формам городской репрезентации.

Региональные СМИ редко становятся объектом изучения именно в части повседневной визуальной повестки – на этот пробел указывают Томсон с соавторами [21]. Денотативный анализ визуальных материалов регионального интернет-издания дает возможность понять, какие элементы действительности чаще остальных постоянно попадают в визуальный ряд интернет-СМИ.

Методы исследования

В работе использовался комплекс методов анализа визуального медиаконтента, включающий в себя денотативный и контент-анализ, классификацию, а также методы анализа и статистической обработки данных. Основным методом стал денотативный анализ, направленный на выявление и фиксацию представленных в изображении субъектов, объектов, пространственных характеристик и визуальных ситуаций.

База исследуемых материалов сформирована на новостных публикациях интернет-СМИ «Комсомольская правда» Челябинск за период с января 2025 года по февраль 2026 года. Из исходного массива новостных материалов были исключены публикации рекламного характера, материалы, информирующие о смене погодных условий, а также не допущены в основную базу исследования материалы о происшествиях. Фильтрация базы позволила качественно сократить исследуемый массив публикаций до 1363. Для анализа использовался только основной иллюстрирующий материал, изображения внутри новостного материала не учитывались. При анализе фиксировался центральный объект изображения, а также присутствие людей в кадре и их количество. Отдельно отмечалась социальная принадлежность людей на изображении. Учитывался и характер запечатленной ситуации – социальной или событийной, а также предметно-пространственное наполнение кадра.

Учитывался и характер визуального отражения действительности. Здесь важным критерием служило наличие действия в кадре, потому что именно по этому признаку материал относили к динамическому либо статическому типу.

Каждый признак являлся отдельным аналитическим основанием, чтобы описать детально содержательную часть визуального контента интернет-СМИ. Полученные данные обработаны количественно, подсчитаны абсолютные частоты и доли отдельных категорий от общего объема массива.

Результаты и дискуссия

На основе анализа теоретических подходов и результатов денотативного анализа визуальной составляющей выборки медиатекстов (1363 ед.) сетевого издания «КП-Челябинск» было установлено, что визуальная репрезентация индустриального региона имеет неоднородную структуру и формируется посредством пяти основных групп визуальных образов: люди и их социальная роль, архитектура и городская среда, природа и окружающая среда, предметы и артефакты, графические изображения. Результаты денотативного анализа визуальных материалов представлены в Табл. 1.

Таблица 1
Распределение визуальных материалов интернет-издания
«КП-Челябинск» по основным блокам визуальной
репрезентации региона

Table 1
Distribution of visual materials of the KP-Chelyabinsk online
publication by the main blocks of the visual representation
of the region

№ п/п	Категория	Кол-во. ед.	Доля, %
1	Люди и их социальная роль	923	67,7 %
	– социально-демографические группы	425	31,2 %
	– представители органов власти и управления	185	13,6 %
	– профессиональные категории	161	11,8 %
	– смешанные группы людей	125	9,2 %
2	Архитектура и городская инфраструктура:	162	11,9 %
	– городские пейзажи и инфраструктура	72	5,3 %
	– здания и сооружения	47	3,4 %
	– промышленные и строительные объекты	33	2,4 %
3	Природа и окружающая среда:	59	4,3 %
	– пейзажи и водные объекты	20	1,5 %
	– растительность и другие природные объекты	15	1,1 %
	– животные	12	0,9 %
	– экологические объекты и состояния среды	12	0,9 %
4	Техника и предметы:	163	12,0 %
	– техника, транспорт, оборудование и инвентарь	108	7,9 %
	– документы, данные и символика	29	2,1 %
5	Графические изображения	56	4,1 %
	– иллюстрации, графические и ИИ-образы	46	3,4 %
	– коллажи	5	0,4 %
	Всего	1363	100,0

Количественный анализ показал, что структура визуальных материалов имеет выраженную неравномерность: основная часть сосредоточена в блоке с изображением человека и отражения его деятельности. Человек является центральным

субъектом в 923 визуальных материалах, что составляет 67,7 % всей исследуемой базы. При этом люди присутствуют в 997 материалах (73,1 %), то есть в части изображений человек не является центральным объектом изображения. Полученные результаты позволяют говорить о том, что человек выступает центральным образом визуальной репрезентации значительно чаще, чем архитектурная, природная среда.

Распределение визуальных материалов с центральным человеческим субъектом по социальным категориям представлено на рис. 1.

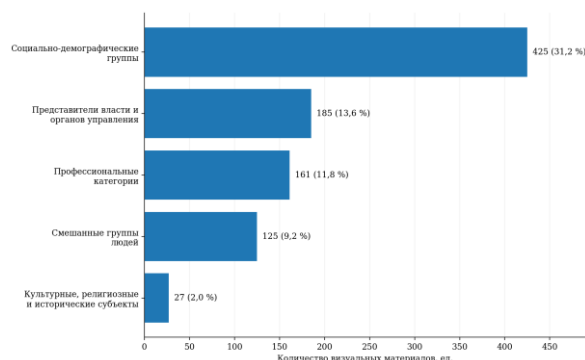

Рис. 1. Распределение визуальных материалов с центральным человеческим субъектом по социальным категориям
Fig. 1. Distribution of visual materials with a central human subject by social categories

Визуальный анализ материалов, в которых центральным субъектом выступает человек, показывает, что наиболее представленной категорией образов в информационной повестке интернет-СМИ региона является социально-демографическая группа – 425 материалов (31,2 %). Внутренняя структура данной категории при этом неоднородна: почти половину составляют изображения спортсменов – 211 материалов. Заметную долю формируют также жители региона и горожане – 83 материала, школьники – 36, семьи и представители категории родительства – 26, туристы и экскурсанты – 22 материала. Преобладание изображений спортсменов указывает на значимость спортивной тематики в визуальной повестке регионального СМИ. В то же время образы жителей и горожан отражают повседневную социальную жизнь региона и позволяют представить его не только через событийные, но и через бытовые формы общественного взаимодействия.

Далее по степени представленности следует категория представителей власти и органов управления – 185 материалов (13,6 %). Внутри данного блока наиболее заметную часть составляют представители власти: в 151 материале выступают центральными субъектами изображения. Значительно реже в этой роли представлены сотрудники правоохранительных и контролирующих органов – 18 материалов, а также представители политических партий и общественных организаций – 10.

Таким образом, визуальное наполнение данной категории в основном связано с административно-управленческой сферой и преимущественно с изображением представителей органов власти и управления.

Профессиональные категории зафиксированы в 161 материале, что составляет 11,8 % исследуемого массива. Чаще других в этой группе представлены работники культуры и искусства – 48 материалов. Далее следуют медицинские работники – 29, работники промышленности и производства – 25, строители и представители сферы благоустройства и ЖКХ – 20 материалов. Ученые, инженерные специалисты, педагоги, сотрудники экстренных служб и представители других профессий встречаются заметно реже. Для исследования медиаобраза индустриального региона такое соотношение представляет особую значимость, поскольку профессиональная составляющая визуальной повестки не ограничивается образами промышленной деятельности. Наряду с производственной сферой в ней присутствуют культура, медицина и городское хозяйство. Профессиональная среда региона по результатам исследования представлена в более широком спектре и не имеет значительного преобладания промышленной специфики региона. Смешанные группы, где присутствуют сразу несколько равнозначных субъектов, выявлены в 125 материалах (9,2 %).

В исследовании отдельно анализировалось, какое количество человек представлено на фотографии: чаще всего встречаются снимки с двумя–пятью людьми в кадре – 374 материала (27,4 %). Группы людей зафиксированы в 345 материалах (25,2 %), одиночный портрет встречается реже – лишь 278 раз (20,4 %).

На втором месте по представленности находится блок «Техника и предметы» – 163 материала, что составляет 12,0 % от общего массива. Изображения техники, транспорта, оборудования и инвентаря наиболее представлены – 108 материалов, то есть 7,9 % всей исследуемой базы. Документы, данные и символика представлены в 29 материалах (2,1%). Исторические, религиозные и культурные предметы – 14 (1,0 %), а товары, продукты и предметы потребления оказались представлены минимально, всего 12 материалами (0,9 %).

Схожим по степени представленности является блок «Архитектура и городская инфраструктура» – всего 162 материала. Наиболее распространенными являются фотографии городских пейзажей и инфраструктурных объектов – 72 фотографии (5,3 %), здания и сооружения представлены в меньшей степени – 47 публикаций (3,4 %). Промышленные и строительные объекты отражены в 33 материалах, а интерьеры оказались наименее значимыми в визуальной повестке – 10 (0,7 %). Это существенно для формирования понимания визуального образа региона. Промышленная спе-

цифика региона отражена в фотоконтенте новостных публикаций, но наряду с ней есть направления, которые в событийной повестке фигурируют значительно чаще, в их числе – архитектура, инфраструктура и городское пространство.

Относительно небольшую долю выборки занимает блок «Природа и окружающая среда» – 59 визуальных материалов (4,3 %). Внутри этого блока наиболее представленной категорией является «Пейзажи и водные объекты» – 20 материалов (1,5 %), фотографии растительности – 15 (1,1 %), животные являются центральным объектом на 12 кадрах, а экологические объекты и демонстрация состояния окружающей среды отражены в 12 публикациях (0,9 %). Из полученных данных мы можем сделать вывод о том, что внутри блока «Природа и окружающая среда» массив фотографий распределяется равномерно по количеству представленности каждой из категорий, но наиболее популярны в визуальной повестке пейзажные изображения, тогда как экологическая проблематика не является центральной.

Блок «Графические изображения» оказался самым немногочисленным – 56 материалов (4,1 %), где иллюстрации, графические и ИИ-образы занимают 46 публикаций (3,4 %), тогда как коллажи представлены в малом количестве – 5 изображений (0,4 %). Из этих данных следует, что контент, созданный при помощи графических редакторов искусственного интеллекта и с помощью графических редакторов, в исследуемый период в повестке интернет-СМИ занимает незначительное место, так как основу массива формируют документальные изображения, фиксирующие людей, события, объекты и пространства региона. Генеративные технологии стремительно развиваются, и доля ИИ-изображений в СМИ может увеличиваться.

Выводы

Проведенный теоретический анализ свидетельствует о том, что медиаобраз региона является результатом отбора и интерпретации действительности в отдельных медиатекстах или группе материалов, что в совокупности формирует когнитивные представления о территории. Исследователи отмечают значимость невербальной составляющей поликодового медиатекста, так как эти материалы зачастую содержат визуальные образы, которые формируют представления о регионе.

Таким образом в настоящем исследовании визуальная составляющая новостных материалов интернет-СМИ рассматривается как самостоятельный источник информации. Выбранное направление исследования позволило перейти к анализу содержания изображений и определению конкретных субъектов, объектов и пространств, которые формируют повестку интернет-СМИ.

В качестве методологической базы выбрана модель уровней визуального фрейминга Л. Родригес и Д. Димитровой. Из четырех уровней модели

для нашего исследования за основу был взят первый уровень – денотативный. Данный уровень предполагает фиксацию содержания изображения в том виде, в каком оно представлено, без перехода к интерпретации. Обзор исследований, применяющих эту модель, показал, что набор категорий не остается постоянным, а адаптируется к исследуемому материалу. Учитывая изученные подходы и специфику визуального контента «КП-Челябинск», выделили пять основных категорий. Одна из них – «Люди и их социальная роль», рядом стоят «Архитектура и городская инфраструктура», «Природа и окружающая среда», «Техника и предметы» и «Графические изображения». Опираясь на эти категории, мы систематизировали весь исследуемый визуальный массив и определили соотношение основных составляющих медиаобраза региона.

Анализ показал, что медиаобраз на фотографиях не сводится к привычному промышленному облику, промышленные, технические и инфраструктурные объекты на кадрах остаются, но чаще всего в материалах центральным образом является человек – 67,7 % публикаций. Как правило, кадры с людьми показаны в процессе видов деятельности: спорт, административная или профессиональная работа, культурные события и городская жизнь. Таким образом, индустриальный регион в визуальной повестке интернет-СМИ в первую очередь предстает территорией для социальной, профессиональной и культурной жизни.

Отражение событийности также является характерной особенностью медиаобраза региона. Динамические кадры занимают в исследуемом массиве 62,3 %, это говорит о том, что регион чаще показывают через деятельность, а не статично.

Среди пространственных образов заметно выделяются городские пейзажи и инфраструктура, на них приходится 5,3 %. Здания и сооружения встречаются реже, всего 3,4 %, а промышленные и строительные объекты занимают наименьшую долю – 2,4 %. Из полученных данных мы можем сделать вывод о том, что городская среда в визуальной повестке представлена шире, чем непосредственно промышленные объекты.

Промышленный характер территории сохраняется, но сочетается с социальными и урбанистическими чертами. Регион в итоге демонстрируется как пространство для людей: где важна его деятельность, городская среда и то, что в ней происходит. Таким образом, медиаобраз региона формируется преимущественно вокруг человека и событий, происходящих в окружающем его пространстве.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 26-18-20066, <https://rscf.ru/project/26-18-20066/>) «Медиаобраз промышленного региона в СМИ, социальных медиа и его воздействие

на молодежную аудиторию: нейромаркетинговые исследования».

Литература

1. Сидорская, И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий / И. В. Сидорская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 173–197.
2. Широкова, О. В. Визуальная репрезентация исторического города в цифровых медиа / О. В. Широкова // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. – 2024. – Т. 4, № 1. – С. 39–50.
3. Лю, С. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой репрезентации (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия») / С. Лю, Н. Г. Нестерова // *Филология и человек*. – 2025. – № 1. – С. 40–54.
4. Гуреева, А. Н. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации / А. Н. Гуреева, П. А. Киреева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 28–56.
5. Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 11 (160). – С. 91–94.
6. Новоспасская, Н. В. Терминосистема теории поликодовых текстов / Н. В. Новоспасская, Н. М. Дугалич // *Русистика*. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 298–311.
7. Ахренова, Н. А. Структурные особенности новостного текста в интернет-дискурсе / Н. А. Ахренова, Р. И. Зарипов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 87–98.
8. Симакова, С. И. Визуальный поворот – новая философия образа в средствах массовой коммуникации / С. И. Симакова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2018. – № 10 (420). – Вып. 114. – С. 225–232.
9. Ворон, Н. И. Жанры фотожурналистики : учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика» / Н. И. Ворон. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2012. – 145 с.
10. Спешилова, Е. И. Urban Imaginary: образ города и медиасреда / Е. И. Спешилова // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 35–54.
11. Тихонова, Е. М. Визуальные медиаобразы городского будущего на страницах местного издания / Е. М. Тихонова // *Журналистский ежегодник*. – 2014. – № 3. – С. 111–116.
12. Захаров, С. В. Портрет современника в фотоиллюстрировании местного периодического издания: количественные методы изучения / С. В. Заха-

ров // Журналистский ежегодник. – 2014. – № 3. – С. 109–111.

13. Лободенко, Л. К. Особенности воздействия фотографий медиатекстов по экологии на молодежную аудиторию / Л. К. Лободенко, А. Б. Черediaкова, И. Ю. Матвеева, Е. С. Загоскин, А. А. Чуйдук // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 95–102.

14. Thomson, T. J. Picturing a Quality Local News Visual: Perspectives from Non-Specialist Journalists / T. J. Thomson // Journalism. – 2025. – Vol. 26, № 6. – P. 1163–1180.

15. Коноплев, Д. Э. Визуальная репрезентация экономических кризисов в публикациях деловых и массовых СМИ: сравнительный анализ / Д. Э. Коноплев // Челябинский гуманитарий. – 2024. – № 3 (68). – С. 16–23.

16. Geise, S. Putting the Image Back Into the Frame: Modeling the Linkage Between Visual Communication and Frame-Processing Theory / S. Geise, C. Baden // Communication Theory. – 2015. – Vol. 25, № 1. – P. 46–69.

17. Rodriguez, L. The Levels of Visual Framing / L. Rodriguez, D. V. Dimitrova // Journal of Visual Literacy. – 2011. – Vol. 30, № 1. – P. 48–65.

18. Geise, S. Effects of Visual Framing in Multimodal Media Environments: A Systematic Review of Studies Between 1979 and 2023 / S. Geise, Y. Xu // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2025. – Vol. 102, № 3. – P. 796–823.

19. Entman, R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, № 4. – P. 51–58.

20. Muringa, T. P. Analysing Visual Narratives: The Representation of Floods Through Photojournalism in the Context of Disaster Reporting / T. P. Muringa, B. A. Mall, A. Gil-Torres // Frontiers in Communication. – 2026. – Vol. 11. – Art. 1825714.

21. Thomson, T. J. Contrasting Frames: Visual Coverage at Urban and Regional News Outlets in Australia and China / T. J. Thomson, S. I. Zhang, Q. Ren, Y. A. Chen // Journalism Studies. – 2024. – Vol. 25, № 11. – P. 1272–1292.

Качко Сергей Сергеевич – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), email: kachkos@susu.ru

Поступила в редакцию 24 сентября 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260410

THE VISUAL COMPONENT OF ONLINE MEDIA TEXTS AS A BASIS FOR THE FORMATION OF A REGION'S MEDIA IMAGE

S. S. Kachko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents the results of a study of the visual structure of the media image of an industrial region in regional online media based on a denotative analysis of visual content. The empirical base of the study consisted of 1,363 visual materials accompanying the publications of the KP-Chelyabinsk online publication from January 2025 to February 2026. Denotative analysis revealed the main components of the visual representation of the region: man and his social role, architecture and urban environment, technology and objects, nature and environment, graphic images. It is established that the visual structure of the media image has a pronounced anthropocentric character: the central human subject is represented in 67.7% of the materials, and the presence of people in the frame is recorded in 73.1% of the studied array. Technical and infrastructural elements, urban spaces, buildings and structures also play an important role in visual representation. At the same time, the dynamic type of reality reflection prevails over the static one and accounts for 62.3% of the materials. The results of the study show that the industrial specifics of the region are visualized not only through industrial facilities and production activities, but also through a broader range of social, technical, transport and urban images. The visual media image of the region is formed mainly as an image of a socially saturated, active and dynamically functioning urban space.

Keywords: online media, media image, polycode media text, visual component of media text, denotative analysis.

References

1. Sidorskaya I.V. Ob upotreblenii terminov “obraz” i “imidzh” v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediarepresentatsii territorii [On Using the Term “Image” in Russian-Language Studies into the Problem of Media Representation of Territories] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2021. № 3. P. 173–197.
2. Shirokova O.V. Vizual’naya reprezentatsiya istoricheskogo goroda v cifrovyykh media [Visual Representation of the Historical City in Digital Media] // *Urbis et Orbis. Mikroistoriya i semiotika goroda*. 2024. T. 4, № 1. P. 39–50.
3. Lyu S., Nesterova N.G. Mediaobraz Sibiri cherez prizmu nauchnykh dostizhenii ee regionov: sredstva yazykovoï reprezentatsii (na materiale tekstov saita Mezhdunarodnoi vystavki-foruma “Rossiya”) [Media Image of Siberia through the Prism of Scientific Achievements of Its Regions: Means of Linguistic Representation (Based on the Texts of the Website of the International Exhibition-Forum “Russia”)] // *Filologiya i chelovek*. 2025. № 1. P. 40–54.
4. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Formirovanie mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizatsii politicheskoi kommunikatsii [Formation of the Media Image of the State in the Context of Mediatization of Political Communication] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2022. № 6. P. 28–56.
5. Galinskaya T.N. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoï lingvistike [Concept of Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 11 (160). P. 91–94.
6. Novospasskaya N.V., Dugalich N.M. Terminosistema teorii polikodovykh tekstov [Terminological System of the Polycode Text Theory] // *Rusistika*. 2022. T. 20, № 3. P. 298–311.
7. Ahrenova N.A., Zaripov R.I. Strukturnye osobennosti novostnogo teksta v internet-diskurse [Structural Features of News Text in Internet Discourse] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya*. 2023. T. 26, № 3. P. 87–98.
8. Simakova S.I. Vizual’nyi povorot – novaya filosofiya obraza v sredstvakh massovoi kommunikatsii [Visual Turn – A New Philosophy of Image in Mass Communication] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2018. № 10 (420). Vyp. 114. P. 225–232.
9. Voron N.I. Zhanry fotozhurnalistiki [Genres of Photojournalism]: uchebnoe posobie dlya vuzov po special’nosti “Zhurnalistika”. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2012. 145 P. 9.
10. Speshilova E.I. Urban Imaginary: obraz goroda i mediasreda [Urban Imaginary: City Image and Media Space] // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. T. 5, № 3. P. 35–54.
11. Tihonova E.M. Vizual’nye mediaobrazy gorodskogo budushhego na stranichakh mestnogo izdaniya [Visual Media Images of the Urban Future in the Pages of a Local Publication Visual Media Images of the Urban Future in the Pages of a Local Publication] // *Zhurnalistskii ezhegodnik*. 2014. № 3. P. 111–116.
12. Zaharov S.V. Portret sovremennika v fotoillyustirovaniï mestnogo periodicheskogo izdaniya: kolichestvennyye metody izucheniya [Portrait of a Contemporary in the Photo Illustration of a Local Periodical: Quantitative Research Methods] // *Zhurnalistskii ezhegodnik*. 2014. № 3. P. 109–111.
13. Lobodenko L.K., Cherednyakova A.B., Matveeva I.Yu., Zagoskin E.S., Chuiduk A.A. Osobennosti vozdeystviya fotografii mediatekstov po ekologii na molodezhnuyu auditoriyu [The Influence of Photographs from Environmental Media Texts on the Youth Audience] // *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Social’no-gumanitarnye nauki”*. 2024. T. 24, № 2. P. 95–102.
14. Thomson T.J. Picturing a Quality Local News Visual: Perspectives from Non-Specialist Journalists // *Journalism*. 2025. Vol. 26, № 6. P. 1163–1180.
15. Konoplev D.Ye. Vizual’naya reprezentatsiya ekonomicheskikh krizisov v publikatsiyakh delovykh i massovykh SMI: sravnitel’nyi analiz [Visual Representation of Economic Crises in Business and Mass Media Publications: Comparative Analysis] // *Chelyabinskii gumanitarii*. 2024. № 3 (68). P. 16–23.
16. Geise S., Baden C. Putting the Image Back Into the Frame: Modeling the Linkage Between Visual Communication and Frame-Processing Theory // *Communication Theory*. 2015. Vol. 25, № 1. P. 46–69.
17. Rodriguez L., Dimitrova D.V. The Levels of Visual Framing // *Journal of Visual Literacy*. 2011. Vol. 30, № 1. P. 48–65.
18. Geise S., Xu Y. Effects of Visual Framing in Multimodal Media Environments: A Systematic Review of Studies Between 1979 and 2023 // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2025. Vol. 102, № 3. P. 796–823.
19. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, № 4. P. 51–58.
20. Muringa T.P., Mall B. A., Gil-Torres A. Analysing Visual Narratives: The Representation of Floods Through Photojournalism in the Context of Disaster Reporting // *Frontiers in Communication*. 2026. Vol. 11. Art. 1825714.

21. Thomson T.J. Zhang S.I., Ren Q., Chen Y.A. Contrasting Frames: Visual Coverage at Urban and Regional News Outlets in Australia and China // *Journalism Studies*. 2024. Vol. 25, № 11. P. 1272–1292.

Sergey S. Kachko – Postgraduate Student of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), email: kachkos@susu.ru

Received September 24, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Качко, С. С. Визуальная составляющая текстов интернет-СМИ как основа формирования медиаобраза региона / С. С. Качко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 82–90. DOI: 10.14529/ssh260410

FOR CITATION

Kachko S. S. The visual component of online media texts as a basis for the formation of a region's media image. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 82–90. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260410

ВОПРОСЫ АВТОРСКОЙ ИНСЦЕНИРОВКИ МАЛОЙ ПРОЗЫ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Д. Д. Морозов, Н. Э. Сейбель, Я. О. Шебельбайн

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Статья посвящена выявлению и описанию общих стратегий, используемых авторами при переводе собственного эпического текста (рассказа и повести) в драматургический вариант (пьесу) и путям их осмысления. Если в инсценировке большой эпической формы (например, переработке романа «Антихрист. Петр и Алексей» Д. С. Мережковского в трагедию «Царевич Алексей») автор прежде всего концентрирует сюжет и перестраивает систему образов, фокусируя основное действие вокруг более или менее локального события, то авторская инсценировка ранее написанного рассказа или повести идет другими путями.

Сравнивая тематически несхожие рассказы «Калхас» А. П. Чехова, «Человек, которого не было» С. Д. Довлатова, а также «Причина» Л. Франка и «Железный крест» Х. Мюллера, авторы статьи останавливаются на общих для авторов стратегиях инсценирования текста. Важными вопросами анализа становятся переосмысление образа центрального персонажа с целью разукрупнения его черт и характеристик, усиление роли героя-антагониста, обращение к стихотворной форме (или фрагментам), умаление притчевости исходного текста.

Оценка роли и функции использованных приемов и путей самоинсценирования на основе сравнительного подхода воспринимается как стратегия понимания идейного развития изначально-го сюжета в рамках авторской системы ценностей.

Ключевые слова: инсценировка, малая проза, самоинсценировка, сравнительный подход, Чехов, Довлатов, Франк, Мюллер.

Введение

Особенности перевода эпического текста на язык драмы самим автором исследуются мало, хотя очевидно, что инсценировщик, задачи которого максимально реализовать интересы театра и режиссера, использует в своей работе другие стратегии, чем писатель, который вступает в диалог с собственным ранее написанным текстом и не только (и не столько) переосмысляет его с точки зрения жанра, но и отражает в процессе самоинсценировки свою духовную эволюцию. «Нарративное посредничество» [1, с. 4] инсценировщика в герменевтическом плане часто выявляет не столько смысл, сколько значение исходного текста: помещает изначально эпическое произведение в контекст другого времени, культурной традиции, аксиологического запроса. Самоинсценировка – отражение внутреннего диалога, «понуждающего автора вести игру с тем, от чего он сам же и отказывается» [2, с. 134].

Обзор литературы

Продуктивность инсценировки в русском классическом театре констатируется в научных работах достаточно давно: «Уже в самом начале XIX века на сцену проникает русская проза: в 1803 г. инсценируется В. М. Федоровым повесть Карамзина “Бедная Лиза” – “Лиза, или следствие гордости и обольщения”. При жизни Пушкина инсценировались его поэмы, стихотворения, повести. Еще до появления “Ревизора” Каратыгин ставит в свой бенефис (1833) “Вечера на хуторе близ Диканьки”» [3, с. 5]. К вопросам инсценирования прозы

с разных сторон подходят искусствоведение, театральная педагогика, режиссура, делающие акцент на событийности драматургического текста, метафоризации физического присутствия предмета, быта, актера на сцене, соотношении слова и невербального сценического образа [4, 5]. Переход из монологической формы в диалогическую интересует лингвистику, обращающуюся к «структуре языковых трансформаций в процессе инсценировки повествовательного текста» [6, с. 12]. Возникающие тенденции деконструкции изначально-го текста и создание адаптаций, пересматривающих изначально-ую текстуальную основу, становятся предметом осмысления театроведения и театральной критики [7], подчеркивающей, что «трансформации, которые переживает современный театр, охватывают и сферу инсценировок» [8, с. 23]. В большинстве случаев существующие исследования касаются нескольких аспектов: во-первых, инсценирования классического романа и возможностей сохранения особенностей исходного текста при создании инсценировки; во-вторых, путей «локализации» сюжета, хронотопа и системы образов в драматургическом варианте; в-третьих, подробного анализа частных примеров авторских самоинсценировок (М. А. Булгаков «Белая гвардия» – «Дни Турбиных» [9], драматургических миниатюр А. П. Чехова, написанных на основе рассказов («Осенью» – «На большой дороге», «Калхас» – «Лебединая песня»), «Один из многих» – «Трагик поневоле», «Брак по расчёту» и «Свадьба с генералом» – «Свадьба», «Беззащит-

ное существо» – «Юбилей», «Ночь перед судом» [10] и др.)

На этом фоне магистральные тенденции авторской инсценировки малой прозы – предмет, нуждающийся в историко- и теоретико-литературном осмыслении.

Методы исследования

На основе сравнительно-типологического анализа в статье рассматриваются те алгоритмы перехода с языка малой прозы на язык драмы, которые доказали свою продуктивность в широком кругу художественных текстов. В качестве материала сознательно выбираются произведения, безусловно, имеющие схожие мотивы, но в целом тематически не связанные друг с другом: рассказы «Калхас» А. П. Чехова, «Человек, которого не было» С. Д. Довлатова, а также «Причина» Л. Франка и «Железный крест» Х. Мюллера и их авторские инсценировки: «Лебединая песня» А. П. Чехова, одноименные пьесы С. Довлатова и Л. Франка, «Мещанская свадьба» Х. Мюллера.

Результаты и дискуссия

При всей разнице текстов прозаический вариант устойчиво тяготеет к притчевости, частично разрушаемой в самоинсценировке, вытесняемой пафосом утверждения, более явной сатирой, обличением или прямым нравственным уроком.

В рассказе «Калхас» Чехов создает пропитанную мотивом смерти и наполненную мифологической образностью трагическую историю озарения, не дающего надежды, осознания, не ведущего к перерождению. Его герой одушевляет «яму» зрительного зала, наделяя её злой волей, но она безответна и безразлична («Чехов, изображая театр, его не снижает и не возвышает» [11]). Разочарованный, осознающий пустоту и бессмысленность своей жизни Светловидов видит в служении театру судьбу, злой рок, обреченность. Его ночное пробуждение – условное пересечение границы жизни и смерти, где Гипнос сродни Танатосу – воплощение потерянного времени, уходящей жизни, позднего прозрения, утраченных надежд: «Со всем опустил и раскис, но не перестал бормотать и плакать» [12, с. 394]. Мелочная популярность и сиюминутный успех (праздник по поводу бенефиса, «недавняя встреча Вакха с Мельпоменой» [12, с. 389]) противопоставлены нарастающему страху одиночества и забвения. Драматургический вариант – не просто дополненная зрелищным эпизодом театра в театре адаптация того же текста к сценическим условиям, а отражение возможного «выхода» из светловидовского кризиса. Таким выходом становится реализация таланта, осознание радости творчества, появление надежды и самосознание артиста, проходящего путь «от стандартизованного опереточного персонажа к талантливому лицедею, осознавшему себя как самоценную личность» [13, с. 136]. Герой, манифестирующий в финале свой протест через грибоедовский

монолог, обретает новую уверенность и преподносит зрителю итоговую сентенцию: «Где талант, Никитушка, там нет старости!» [14, с. 213]. Персонаж пьесы сочетает в себе дар и фиглярство, пустоту и осмысленность, реализованность и разочарование. Но смысловой объем образу придают именно внетекстуальные элементы инсценировки, а не сложное сочетание мотивов, как в рассказе. Текст больше не об экзистенциальном кризисе обреченного человека перед лицом вечности, а о творческих исканиях артиста, осознании им своего таланта и своей силы.

При всём несхождении, центральный мотив «Причины» Л. Франка тоже потеря себя. Наполняющие прозаический текст мистические элементы: сон героя, окружающий его город-чудовище, поглощающая путника и притупляющая чувства дорога – организованы так, чтобы читатель вместе с персонажем перемещался не столько в пространстве, сколько во времени, постепенно возвращался в его детство. «Сменяющие друг друга эпизоды сливаются в мощный поток жизненных впечатлений» [15, с. 729], погружая «вконец обнищавшего поэта Антона Зейлера» [16, с. 17] во все более мрачные переживания бессилия и унижения. Встреча с учителем в эпическом варианте текста становится точкой максимального погружения в собственное прошлое, а весь дальнейший путь внутренне организован мотивом борьбы с сумасшествием. Таким образом, структура повести акцентирует не логику событий, а ситуацию борьбы униженного человека за свои жизнь и достоинство, обретая универсализм притчи. Пьеса с самого начала обретает конкретно-социальное звучание, исходной точкой в ней становятся не воспоминания, а современные беды героя: у него нет двадцати марок, чтобы заплатить за квартиру, и хозяйка выселяет его. Соответственно, по-разному решается и вопрос о том, можно ли ему взять деньги у проститутки – по сути, о том, какова глубина унижения, которую способен вынести человек. Драматургическое действие организовано вокруг совершенного преступления, делает акцент на остросоциальных вопросах: допустимости смертной казни, права обреченного на нищету и выживание человека на борьбу за свое достоинство. В драматургическом варианте восстановлена линейная последовательность событий, внимание перенесено с воспоминаний на социальное унижение и скудость жизни героя, ставшего в драме не поэтом, а журналистом, последовательно вписанным в социально-бытовой контекст. Притчевость вытесняется ярким политическим высказыванием автора. Аналогичным путем идет Х. Мюллер, который в рассказе «Железный крест» создает не просто историю бесчеловечного и бессмысленного преступления, он описывает, как охвативший человека идеологический морок развеивается, когда тот столкнулся со страхом собственной смерти:

«Оказавшись неподконтрольным, человек переосмысливает свои прежние ценности, свое положение, собственный статус» [17, с. 153]. Основное действие пьесы сосредотачивается не на ужасающем внутреннем мире героя, а на его столкновении с дочерью, акцент переносится с гибели человечности вообще на противостояние поколений и уничтожение будущего.

Наибольшую трансформацию претерпевает «Человек, которого не было» С. Довлатова. Вопреки форме, рассказ ориентирован не на детское чтение, встреча мальчика с псевдофакиром в цирке легко прочитывается как грустная аллегория измены таланту, предательства своей судьбы и своего предназначения. Здесь «впервые заявили о себе важнейшие мотивы довлатовского творчества: мотив подмены, обмана и мотив двойничества» [18]. Рассказ изначально позиционирует встречу в цирке как эпизод взросления и формирования Коли Булавкина («... самостоятельное решение было принято. Оно было такое большое, что прямо не умещалось в Коле...» [19, с. 132]). Встреча с человеком, отказавшимся от мечты, укрепляет решение ребенка следовать своему выбору. Естественность и торжество природного дара, которым наделены Коля и Василий, подчеркиваются многочисленными анималистическими образами, их окружающими, а антитеза дара и жертвы зафиксирована инверсией пространства, границей между миром-праздником и миром-«перевёртышем», миром – кривым зеркалом, которую должен преодолеть Коля, чтобы попасть сначала в мир чужих желаний, а затем вырваться оттуда: «Перед ним открылся странный мир... Силачи вдвоем тащили штангу... Грустный клоун, смеясь, говорил по телефону» [19, с. 133]. Инициационный переход от «чужого» к «своему», зафиксированный у Чехова в образности смерти, у Довлатова закрепляется через «зеркальность». Отречение Василия от своего предназначения, подчинение его жизни нуждам Альберта отражается в ярком нагромождении природных (пролетающее облако, тающий снег), мифологических (двуликость) метафор, каламбуров (баранки / дырка от бублика), языковой игре. Драматургический вариант «Человек, которого не было. Пьеса для младших школьников с фокусами, но без обмана» разоблачает тщеславное стремление к успеху, ловкачество и ложь, используемые ради достижения цели. Сюжет обретает черты поучения с достаточно очевидно выраженной традицией авторской инсценировки сказки, идущей в русской литературе от инсценировок Ю. К. Олеши («Три толстяка», 1928) и А. Н. Толстого («Золотой ключик», 1936). Вниманием с трагической судьбы Василия (в пьесе Николай Барабукин) перенесено на махинации его брата-факира Альберта Астанелли (в пьесе Луиджи Драндулетти, он же Петр Барабукин) и бахвальство Коли Булавкина (в пьесе Миньки Ковалева). То, что

в рассказе было встречей двух фантазеров-неудачников, заблудившихся в жизненных целях из-за слабости характера и предавших свои таланты (Василий – гениальный ветеринар, Коля – мечтатель), в пьесе становится разоблачением обмана. Вместо притчи о важности жизненного выбора и своего предназначения возникает сценическая сказка об исправлении юного героя, встретившегося с носителем сходных пороков.

Общим во всех рассматриваемых текстах является мотив потери и обретения себя. Происходит последовательная идейная переакцентировка текста и перестройка образа главного героя, лишаящегося части своего изначального трагизма, чему способствуют и появляющиеся во всех четырех случаях стихотворные фрагменты и вставки, призванные в сжатой, концентрированной, даже афористической форме снабдить драму выводом-поучением, в рассказе не предполагавшимся.

Общей стратегией во всех четырех текстах становится существенное усиление девертагониста (второго героя, который может находиться по отношению к основному как в поддерживающей, так и в контр-позиции). Рассказы Чехова, Мюллера и, отчасти, Довлатова фокусировали внимание читателя на одном герое, франковская «Причина» рисовала противостояние одиночки целому миру. В драматургическом варианте устойчиво появляется второй персонаж, фокусирующий в себе реальные и абстрактные силы, противостоящие протагонисту.

В драматургическом поле усиление девертагониста дает широкие возможности для режиссерского решения, усложняет «заглавную» фигуру и основной конфликт пьесы. Если смотреть с этой точки зрения, то постулат, что «Светловидов со своим пессимистическим индивидуальным восприятием и трактовкой событий окружающего мира “закрывает” своей фигурой все сценическое пространство», что его «речь обращена к суфлеру, фигуре, незначительной в контексте пьесы» [13, с. 136], вызывает существенные сомнения. Суфлер – не просто слушатель. Он подает реплики, но в пьесе нет ремарки о степени его дарования. Он знаком со всеми исполненными Светловидовым в ночном театре пьесами и ролями, хотя комик, выступавший в оперетте, вряд ли часто выходит на сцену в роли короля Лира или Гамлета. А значит, старик Никита Иваныч, как минимум, бывший артист и, возможно, артист талантливый или хотя бы стремившийся в свое время к высокому искусству, не зря он так растроган талантом Василия Васильича. Трагизм пьесы в том, что грустная судьба Никиты Иваныча – это, возможно, будущее Светловидова, а возможно, и наказание Светловидову за самодовольство и невнимание к чужой судьбе и чужому дарованию. В таком контексте кризис теряющего себя таланта играет новыми красками.

Довлатов идет тем же путем существенного усиления антагониста. В рассказе Альберт Аста-

нелли вообще не получает слова, в пьесе вырастает до полноценного персонажа, двуличного уже на уровне имени (Луиджи Драндулетти, он же Петр Барабукин). Он сеет страх, его энергия разрушительна. «Уже в ранних комических произведениях начинает проявляться характернейшая для поэтики Довлатова черта – повторяемость элементов на разных уровнях текста» [20, с. 20], – в рассказе таких повторов несколько: братья-близнецы, чьи пути разошлись и снова соединились, зависимое положение Василия в детстве и во взрослом возрасте, поиск себя двумя главными героями – Колей и Васей. В пьесе эта двойственность существенно усилена. Требовательность и нежелание родителей слышать ребенка в пьесе прямо акцентированы сравнением и песенкой Миньки Ковалева о вечной занятости отца. Смирение Васи Барабукина перед своей судьбой и нежелание расстраивать публику в пьесе вытесняется страхом перед братом-Драндулетти. Если в рассказе ребенок был двойником «жертвы» (Васи), воспринимающим субъектом, делающим правильный выбор на основании чужой истории, то в пьесе он первоначально двойник обманщика (фокусника Луиджи Драндулетти): врет, прячет неблагоприятные поступки за красивыми фразами. Именно столкновение с выраженной фигурой негативного персонажа обеспечивает эволюцию главного героя, постепенно переходящего на сторону добра и помогающего разоблачить несправедливость.

Прямое столкновение героя и антигероя не просто дань сценичности и способ усилить визуально-драматический эффект текста. Понятно, что «драматический текст призван ассоциироваться с нелингвистическими знаками» [1, с. 8], но концентрация всех антагонистических сил мира в одной фигуре у Л. Франка в «Причине» не только заостряет, но и обогащает финал пьесы. Многочисленные двоения в системе образов прозаического текста сконцентрированы в главном противостоянии драматического: Антон Зайлер и Одноглазый. Присяжный заседатель со вниманием относится к идеологической позиции главного героя, видит и выявляет слабости и противоречия мировоззренческого характера, что не спасает его от раскаяния. Финал драмы иллюстрирует, что все споры бессмысленны в мире, где есть смертная казнь. Осознание Одноглазого, что теперь он – преступник, приводит к опустошению. Мир, убивший своего поэта, сам лишается цели и смысла. Мюллер в драматическом эпизоде «Мещанская свадьба» дает своему герою не безропотно покорных жену и дочь, как в рассказе, а сопротивляющихся персонажей, заставляющих главного героя проявлять собственнический эгоизм, выступать не последователем чужого примера, а активной разрушительной силой, осознающей: «для сильного всегда есть поворот» [21, с. 258].

Таким образом, пересмотр системы образов в случае самоинсценировки малой прозы привносит в неё актуальные смыслы, ярко выявляет обстоятельства, подталкивающие героя к тому или иному выбору. При инсценировке малой прозы автор идет по пути не пересмотра сюжетных линий или концентрации сюжета (как в случае с романом), а визуализации внутреннего конфликта через внешнее столкновение с девагонистом, выявляющее новые стороны характера и судьбы главного героя и новые этико-идеологические аспекты сюжета.

Выводы

При всём несходстве выбранных для анализа текстов, их сопоставление показывает те общие пути, какими авторы идут при переводе своего рассказа на язык драматургии. В авторской инсценировке устойчиво происходит переосмысление образа центрального персонажа с целью выявления и разукрупнения его черт и характеристик, он оказывается полнее вписан в историко-культурный фон, в большей мере детерминирован ситуацией. Утрачивая некоторую притчевость, текст обретает больше черт времени, теснее связан с социально-историческим фоном. Последовательно усиливается роль девагониста.

Таким образом, стратегии инсценировки малой прозы явственно отличаются от тех путей, которыми авторы инсценируют романы и повести. Вместо концентрации хронопота и сведения нескольких сюжетных линий в локальную систему событий – визуализация внутреннего конфликта во внешнем столкновении.

Статья выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет» в рамках научного проекта «Оценочные средства по истории зарубежной литературы в системе подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров» (заявка Ш-01-2026/33 от 01.06.2026). Авторы выражают благодарность.

Литература

1. Schöblier, F. Einführung in die Dramenanalyse / F. Schöblier, Ch. Bähr N. Theisen. – Weimar : Verlag J. B. Metzler Stuttgart, 2012. – 277 S.
2. Барт, Р. Драма, поэма, роман / Р. Барт // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров запад.-европ. лит. XX в. ; сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. – М. : Прогресс, 1986. – С. 133–150.
3. Шкилева, Л. Ф. Проблема театральной инсценировки русского классического романа на советской сцене: МХАТ, 30-е годы : дис. ... канд. искусствоведения / Л. Ф. Шкилева. – М., 1972. – 225 с.
4. Вахрамеева, А. И. Режиссура: инсцени-

ровка прозы : учебное пособие / А. И. Вахрамеева. – 3-е изд. – Барнаул : АлтГИК, 2021. – 203 с.

5. Скороход, Н. С. Как инсценировать прозу. Проза на русской сцене: История, теория, практика / Н. С. Скороход. – СПб. : Петербургский театральный журнал, 2010. – С. 97–105.

6. Гордиенко, Е. И. Драматургическое действие в лингвосомиотическом аспекте (на материале русских и французских инсценировок повествовательной прозы) : автореф. ... канд. филол. наук / Е. И. Гордиенко. – М., 2014. – 26 с.

7. Коваленко, Г. Метаморфозы жанра: от инсценировки к адаптации. Опыт британской сцены / Г. Коваленко // Вопросы театра. – 2023. – № 3–4. – С. 184–203.

8. Шевченко, Е. Н. Инсценировка как жанр драматургического текста / Е. Н. Шевченко // Казанский лингвистический журнал. – 2022. – № 5 (1). – С. 15–24.

9. Скороход, Н. С. От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных»: авторская редукция романа при инсценировании / Н. С. Скороход // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2017. – № 1. – С. 158–174.

10. Брусов, Л. В. Самоинсценировка: историко-теоретический аспект / Л. В. Брусов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 93–98.

11. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 701 с. – URL: https://royallib.com/book/chudakov_aleksandr/poetika_chehova_mir_chehova_vozniknovenie_i_utverzdenie.html.

12. Чехов, А. П. Калхас / А. П. Чехов // Сочинения : в 18 т. – М. : Наука, 1976. – Т. 5. – С. 389–395.

13. Одинокое, В. Г. Функция «эпического повествования» в драматургической поэтике А. П. Чехова (80-е годы) / В. Г. Одинокое // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2009. – № 8 (2). – С. 134–138.

14. Чехов, А. П. Лебединая песня (Калхас) / А. П. Чехов // Сочинения : в 18 т. – М. : Наука, 1976. – Т. 11. – С. 205–217.

15. Сейбель, Н. Э. Леонгард Франк / Н. Э. Сейбель // История литературы Германии XX в. – Т. I, кн. I. – М. : ИМЛИ РАН, 2016. – С. 726–742.

16. Франк, Л. Причина / Л. Франк // Причина. Повести и рассказы ; пер. С. Л. Фридлянд. – М. : Прогресс, 1969. – С. 17–101.

17. Сейбель, Н. Э. От «Железного креста» к «Мещанской свадьбе» Хайнера Мюллера: кадр, план, месседж / Н. Э. Сейбель // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 152–157.

18. Доброзракова, Г. А. Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков : дис. ... д-ра филол. наук / Г. А. Доброзракова. – М., 2012. – 425 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-sd-dovlatova-v-kontekste-traditsii-russkoi-literatury-xixxx-vekov>.

19. Довлатов, С. Д. Человек, которого не было / С. Д. Довлатов // Дружба: Литературно-художественный сборник. – Л. : Детская литература, 1971. – С. 131–139.

20. Доброзракова, Г. А. Поэтика Довлатова / Г. А. Доброзракова. – СПб. : Алетейя, 2019. – 406 с.

21. Мюллер, Х. Мещанская свадьба / Х. Мюллер // Проза. Драммы. Эссе. Диалоги. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 252–266.

Морозов Денис Дмитриевич – аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: goodofwin@mail.ru. ORCID 0000-0001-9647-3758

Сейбель Наталия Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: seibelne@csru.ru. ORCID 0000-0002-6840-8286

Шебельбайн Яна Олеговна – аспирант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: shebelbaynyao@csru.ru. ORCID 0000-0002-5218-7917

Поступила в редакцию 24 сентября 2026 г.

ISSUES OF AUTHORIAL DRAMATIZATION OF SHORT PROSE
IN 20TH-CENTURY LITERATURE: A COMPARATIVE APPROACH

D. D. Morozov, N. E. Seibel, Y. O. Shebelbayn

South Ural State Humanities-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article explores and describes common strategies used by authors when translating their own epic texts (short stories and novellas) into dramatic versions (plays) and the ways in which they are interpreted. While in a grand epic adaptation (for example, the adaptation of D.S. Merezhkovsky's novel "The Antichrist: Peter and Alexei" into the tragedy "Tsarevich Alexei"), the author primarily concentrates the plot and restructures the imagery, focusing the main action around a more or less local event, an author's adaptation of a previously written short story or novella takes a different approach.

Comparing thematically disparate stories "Calchas" by A.P. Chekhov, "The Man Who Wasn't There" by S.D. Dovlatov, as well as "The Reason" by L. Frank and "The Iron Cross" by H. Müller, the authors of this article explore the authors' common strategies for staging the text. Key analytical questions include reinterpreting the central character to narrow down their traits and characteristics, enhancing the role of the antagonist, resorting to poetic form (or fragments), and diminishing the parable-like nature of the original text.

The assessment of the role and function of the used techniques and methods of self-dramatization based on a comparative approach is perceived as a strategy for understanding the ideological development of the original plot within the framework of the author's system of values.

Keywords: dramatization, short fiction, self-dramatization, comparative approach, Chekhov, Dovlatov, Frank, Müller.

References

1. Schößler F., Bähr Ch., Theisen N. Einführung in die Dramenanalyse [Introduction to Drama Analysis]. Weimar: Verlag J. B. Metzler Stuttgart, 2012. 277 p.
2. Bart R. Drama, poema, roman [Drama, Poem, Novel] // *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnye vystupleniya masterov zapadno-evropeyskoy literatury XX v.; sost., predisl., obshch. red. L.G. Andreeva*. Moscow: Progress, 1986. P. 133–150.
3. Shkileva L.F. Problema teatral'noy instsenirovki russkogo klassicheskogo romana na sovetskoy stsene: MKhAT, 30-e gody [The Problem of Theatrical Staging of the Russian Classical Novel on the Soviet Stage: Moscow Art Theatre, the 1930s]: diss. ... kand. iskusstvovedeniya. Moscow, 1972. 225 p.
4. Vakhrameeva A.I. Rezhissura: instsenirovka prozy [Directing: Staging of Prose]: uchebnoe posobie. 3rd ed. Barnaul: AltSIC, 2021. 203 p.
5. Skorokhod N.S. Kak instsenirovat' prozu. Proza na russkoy stsene: Istoriya, teoriya, praktika [How to Stage Prose. Prose on the Russian Stage: History, Theory, Practice]. Saint Petersburg: Petersburg theater magazine, 2010. P. 97–105.
6. Gordienko E.I. Dramaturgicheskoe deystvie v lingvosemioticheskom aspekte (na materiale russkikh i frantsuzskikh instsenirovok povestvovatel'noy prozy) [Dramatic Action in the Linguosemiotic Aspect (Based on Russian and French Stagings of Narrative Prose)]: avtoref. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2014. 26 p.
7. Kovalenko G. Metamorfozy zhanra: ot instsenirovki k adaptatsii. Opyt britanskoy stseny [Metamorphoses of the Genre: From Staging to Adaptation. The Experience of the British Stage] // *Voprosy teatra*. 2023. № 3–4. P. 184–203.
8. Shevchenko E.N. Instsenirovka kak zhanr dramaturgicheskogo teksta [Staging as a Genre of Dramatic Text] // *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 2022. № 5 (1). P. 15–24.
9. Skorokhod N.S. Ot "Beloy gvardii" k "Dnyam Turbinykh": avtorskaya reduktsiya romana pri instsenirovanii [From "The White Guard" to "The Days of the Turbins": The Authorial Reduction of the Novel in Staging] // *Teatr. Zhivopis'.* Kino. Muzyka. 2017. № 1. P. 158–174.
10. Brusov L.V. Samoinstsenirovka: istoriko-teoreticheskiy aspekt [Self-Staging: A Historical and Theoretical Aspect] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2017. № 1. P. 93–98.
11. Chudakov A.P. Poetika Chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie [Chekhov's Poetics. Chekhov's World: Emergence and Establishment]. Moscow: Alfabeta, Alfabeta -Attikus, 2016. 701 p. URL:

https://royallib.com/book/chudakov_aleksandr/poetika_chehova_mir_chehova_vozniknovenie_i_utvergenie.html (date of accessed: 07.09.2026).

12. Chekhov A.P. Kalkhas [Calchas] // *Sochineniya*: v 18 t. Moscow: Science, 1976. T. 5. P. 389–395.
13. Odionkov V.G. Funktsiya “epicheskogo povestvovaniya” v dramaturgicheskoy poetike A.P. Chekhova (80-e gody) [The Function of “Epic Narration” in the Dramatic Poetics of A.P. Chekhov (the 1880s)] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2009. № 8(2). P. 134–138.
14. Chekhov A.P. Lebedinaya pesnya (Kalkhas) [The Swan Song (Calchas)] // *Sochineniya*: v 18 t. Moscow: Science, 1976. T. 11. P. 205–217.
15. Seybel’ N.E. Leonard Frank [Leonhard Frank] // *Istoriya literatury Germanii XX v.*, vol. I, book I. Moscow: IMLI RAS, 2016. P. 726–742.
16. Frank L. Prichina [The Cause] // *Prichina. Povesti i rasskazy*; per. S.L. Fridlyand. Moscow: Progress, 1969. P. 17–101.
17. Seybel’ N.E. Ot “Zheleznogo kresta” k “Meshchanskoy svad’be” Khaynera Myullera: kadr, plan, messedzh [From “The Iron Cross” to Heiner Müller’s “The Rustical Wedding”: Frame, Shot, Message] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. № 1. P. 152–157.
18. Dobrozrakova G.A. Poetika S.D. Dovlatova v kontekste traditsiy russkoy literatury XIX–XX vekov [The Poetics of S.D. Dovlatov in the Context of the Traditions of Russian Literature of the 19th–20th Centuries]: dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2012. 425 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-sd-dovlatova-v-kontekste-traditsii-russkoi-literatury-xixxx-vekov> (data of accessed: 07.09.2026).
19. Dovlatov S.D. Chelovek, kotorogo ne bylo [The Man Who Was Not] // *Druzhba: Literaturno-khudozhestvennyy sbornik*. Leningrad: Child literature, 1971. P. 131–139.
20. Dobrozrakova G.A. Poetika Dovlatova [Dovlatov’s Poetics]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2019. 406 p.
21. Myuller Kh. Meshchanskaya svad’ba [The Rustical Wedding] // *Proza. Dramy. Esse. Dialogi*. Moscow: ROSSPEN, 2012. P. 252–266.

Denis D. Morozov – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State Humanities-Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: goodofwin@mail.ru

Natalia E. Seibel – D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State Humanities-Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: seibelne@cspu.ru

Yana O. Shebelbayn – Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State Humanities-Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: shebelbaynyao@cspu.ru

Received September 24, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Морозов, Д. Д. Вопросы авторской инсценировки малой прозы в литературе XX века: сравнительный подход / Д. Д. Морозов, Н. Э. Сейбель, Я. О. Шебельбайн // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 91–97. DOI: 10.14529/ssh260411

FOR CITATION

Morozov D. D., Seibel N. E., Shebelbayn Y. O. Issues of authorial dramatization of short prose in 20th-century literature: a comparative approach. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 91–97. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260411

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЗМА В ИЗОБРАЖЕНИИ ПОДРОСТКА В ПРОЗЕ А. АЛЕКСИНА 1950-х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ОТРЯД ШАГАЕТ В НОГУ»)

В. П. Спешилова

*Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск,
Российская Федерация*

Статья посвящена изучению форм, приемов и средств психологического изображения в повести А. Алексина «Отряд шагает в ногу» (1952), которая почти неизвестна современному читателю, потому что является ранним, ученическим произведением будущего прославленного детского писателя. Соответственно, формирующийся в ней психологизм, который проявит себя в таких повестях зрелого Алексина, как «Безумная Евдокия», требует изучения и составляет актуальность исследования. Таким образом, новизна работы обусловлена отсутствием в современном литературоведении специальных исследований, посвященных анализу психологизма в ранней прозе писателя.

В результате проведенного литературоведческого анализа повести доказано преимущественное использование косвенной формы психологизма и наличие таких приемов психологического изображения, как психологический анализ, самоанализ. Проведенное исследование расширяет представление о формах, приемах и средствах психологического изображения, характерных для малой прозы А. Алексина 1950-х годов, когда в ней только формируется такое свойство изображенного мира, как психологизм. Результаты анализа могут быть полезны педагогам-филологам в процессе изучения творчества Алексина в вузах, а также в обучении студентов, работающих над темами, связанными с психологизмом в литературе, особенно в контексте творчества данного автора. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы специалистами, занимающимися воспитательной работой в школах.

Ключевые слова: Анатолий Алексин, «Отряд шагает в ногу», психологизм, приемы и средства психологического изображения, формы психологического изображения.

Введение

Художественная литература уникальна своей способностью проникать в глубины человеческой души, раскрывая тайны, секреты и тонкости внутреннего мира. Она позволяет увидеть эмоции и переживания человека так, как это невозможно в обычной жизни. Рахимулла Рамиш в статье «Критический взгляд на концепцию литературы в наше время» пишет, что миссия литературы – показывать реалии жизни людей; реформировать и улучшать человеческую жизнь, подчеркивая красочные черты этого совершенства. Он утверждает, что, читая литературу, мы получаем возможность проживать множество жизней и бывать в облике разных людей, оказываться в различных местах и эпохах [1, р. 18]. По словам американского литературного критика Джозефа Хиллиса Миллера, веская причина читать литературу заключается в том, что она по-прежнему остается одним из самых быстрых способов стать культурным человеком – хорошим или плохим, приобщиться к собственной культуре и принадлежать ей. Это обширное пространство для того, чтобы доверить свою душу автору или герою, потому что человеку интересно жить в воображаемых мирах, а душе нужно это волнующее место жительства, чтобы избавиться от текущего напряжения жизни [2, р. 180].

Отсюда следует, что каждое литературное произведение в той или иной мере обладает психологизмом – процессом раскрытия психологиче-

ских аспектов героев через их внутреннее и внешнее состояние. Лиза Зуншайн в своей работе «Почему мы читаем художественную литературу: теория сознания и роман?», используя «теорию разума» (способность постигать ментальные состояния других), анализирует процесс чтения. Подчеркивается, что литературные произведения, особенно те, что отличаются психологической глубиной, служат своего рода тренировочной платформой для совершенствования указанного когнитивного умения. Именно психологизм в данном контексте выступает как ключевой инструмент для понимания и анализа произведения [3, р. 272].

Наличие психологизма в литературном произведении подразумевает, что данное свойство приобретает доминирующее значение, формируя уникальность художественной выразительности текста. Углубленное исследование и представление внутреннего мира героев обуславливает выбор приемов и средств психологического изображения.

В русской литературе XIX века основы психологического изображения ребенка закладывались в автобиографической прозе (трилогия Л. Н. Толстого «Детство» и «Отрочество» «Юность» (1850–1857)). Исследователи отмечают, что уже в это время формируются приемы изображения внутреннего мира ребенка. Так, в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты» (1893) автор усложняет структуру школьной повести, вводя в повествование не только гимназические будни,

но и домашнюю обстановку, семейные ценности и процесс взросления героев [4, с. 22]. В советской литературе психологизм в изображении подростка претерпевает существенную эволюцию. В 1920-е годы, как отмечает исследователь Г. Н. Токарева, формируется новый тип школьной повести, связанный с темой беспризорничества и перевоспитания (Н. Огнев «Дневник Кости Рябцева» (1927)). Исследователи подчеркивают, что в этих произведениях дети предстают в многообразии психологических и характерных типов, а центральными аспектами становятся динамика внутришкольных конфликтов и процесс формирования личности [5, с. 12].

Обращение к творчеству Анатолия Алексина в контексте изучения детской и подростковой литературы обусловлено несколькими факторами. Во-первых, проза писателя занимает особое место в литературном процессе второй половины XX века, поскольку именно в ней с наибольшей полнотой отразился переломный этап в развитии отечественной литературы о детях и юношестве – переход от идеологически заданных, дидактических моделей воспитания к углубленному психологическому исследованию формирующейся личности. Во-вторых, Алексин – один из тех авторов, чье творчество демонстрирует преемственность с традициями русской классической литературы, в частности, с психологической прозой Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, для которых изображение «диалектики души» является центральной художественной задачей. Одновременно с этим в произведениях Алексина отчетливо прослеживается связь с советской литературной традицией 1920–1930-х годов (произведения А. Гайдара, Л. Кассиля, В. Осеевой), в которой формировался канон изображения юного героя-пионера, но при этом заметно стремление автора выйти за рамки схематичных идеологических конструкций. В-третьих, особый исследовательский интерес вызывает ранний, «ученический» период творчества Алексина, поскольку именно в это время происходит становление его индивидуального метода, и анализ ранних произведений позволяет проследить, как формировался тот глубинный психологизм, который впоследствии принес писателю широкое признание. Изучение повести «Отряд шагает в ногу» в этом аспекте дает возможность не только выявить истоки художественного метода писателя, но и понять общие закономерности эволюции жанра школьной повести в советской литературе 1950-х годов.

Цель исследования – выявить специфику формирующегося психологизма в изображении подростка на раннем этапе творчества А. Г. Алексина. Задачи исследования:

1. Систематизировать теоретические подходы к определению психологизма и его форм в современном литературоведении.

2. Проанализировать повесть «Отряд шагает в ногу» в аспекте используемых приемов и средств психологического изображения.

3. Выявить доминирующие формы и приемы психологизма в ранней прозе Алексина.

4. Определить эволюционное значение ранней повести для формирования психологизма в зрелом творчестве писателя.

Объект исследования – ранняя проза А. Алексина 1950-х годов (на примере повести «Отряд шагает в ногу»). Предмет исследования – формы, приемы и средства психологического изображения, используемые автором для создания образа подростка в указанной повести.

Зрелый период творчества Анатолия Алексина отличается глубоким вниманием к психологии героев. Наиболее значимой в аспекте темы настоящего исследования работой, которая отражает особенности психологизма в творчестве А. Алексина, является монография В. И. Воронова «Анатолий Алексин. Очерк творчества», увидевшая свет в 1973 году. Хотя В. И. Воронов и не употребляет термин «психологизм», суть его анализа сводится к глубокому исследованию внутреннего мира персонажей Алексина и мастерства автора в его изображении. Автор «Очерка» подробно рассматривает тонкие нюансы душевных переживаний героев, демонстрируя, как Алексин виртуозно раскрывает перед читателем сложные процессы формирования личности, показывая диалектику души, ее эволюцию под воздействием внешних событий и внутренних конфликтов. Воронов справедливо отмечает, что Алексин не просто описывает внешние действия своих героев, а глубоко погружается в их эмоциональную сферу, показывая сложность и противоречивость внутреннего мира [6, с. 58].

Интересен также очерк С. Николаевой «Выстрадавшая правда», который был издан в 1984 году. Важной особенностью работы является то, что автор сравнивает А. Алексина с Л. Н. Толстым, гением психологического анализа, заложившим фундамент для развития психологизма в русской прозе, а также с Ф. М. Достоевским, мастером психологизма, считая, что умение писателей-психологистов раскрывать тончайшие нюансы человеческой души, передавать сложные внутренние переживания героев находит свое отражение в произведениях Алексина, хотя и адаптировано к современному контексту [7, с. 267].

Термин «писатели-психологи» в литературоведении закрепился благодаря трудам русских критиков XIX века, исследовавших творчество Толстого и Достоевского. По аналогии и ввиду соотношения Алексина с ними в исследовательской литературе и мы будем использовать его в работе. Психологист – это писатель, для которого психологизм становится осознанной художественной установкой, стилевой доминантой и определяющим принципом изображения мира. В зрелом творчестве А. Алексина психологизм утверждается автором в качестве основного свойства изобра-

женного мира, что дает основания называть его психологистом.

Л. Э. Разгон в рецензиях на произведения А. Алексина писал: «Критика давно указывала, что для героев Алексина характерно стремление к самоанализу» [8, с. 3]. К тому же литературный критик отмечал, что особенность произведений А. Алексина состоит в том, что он «пишет с той мерой беспощадной точности и прямоты, которые делают его героев в одинаковой степени интересными и значительными для читателей всех возрастов» [8, с. 2].

Произведения А. Алексина конца 1960–1980-х годов затрагивают важные нравственные и социальные вопросы, раскрывая внутренние конфликты, эмоциональные переживания и процесс взросления детей и подростков. В художественном мире произведений названного периода можно выделить несколько ключевых психологических аспектов: *эмоциональная искренность* (Алексин мастерски передает эмоции своих героев, что позволяет читателю сопереживать им и создает атмосферу близости и понимания. Например, в повести **«Коля пишет Оле, Оля пишет Коле» (1965)** главный герой остался без матери и тяжело переживает потерю близкого человека, и читатель, узнав об этом, сочувствует ему. Акцент в данном эпизоде делается на одиночестве Коли, он чувствует себя потерянным, ведь его отец женился на другой женщине, которой нет дела до переживаний подростка); *конфликт поколений и поиск взаимопонимания* (подростки часто сталкиваются с непониманием со стороны родителей, учителей, что приводит к внутренним переживаниям и бунту. Писатель показывает, как важно взрослым прислушиваться к детям, а детям – учиться видеть мир глазами старших. Например, в повести **«Безумная Евдокия» (1975)** главная героиня Оля, талантливая девочка, воспитывается в атмосфере всеобщего восхищения. Ее родители и учительница Евдокия Савельевна видят в ней гения, но не замечают ее эгоизма. Психологический конфликт возникает из-за того, что Оля не умеет сопереживать, а взрослые, вместо того чтобы помочь ей исправиться, лишь подпитывают ее самовлюбленность); *психология семьи и детско-родительские отношения* (в повести **«Домашний совет» (1982)** мама близнецов Сани и Вани решает создать домашний семейный совет с целью сделать двух братьев настоящими братьями, друзьями. Всем своим поведением (одевала братьев в одинаковую одежду, кормила в одно и то же время, укладывала спать в одинаковые кровати и т. д.) мама показывала, что дети абсолютно равны. Попытка не увенчалась успехом, семья разрушилась, ведь, заботясь лишь о равенстве сыновей, мать упустила самое главное – нравственное развитие, о котором говорил отец). Формирование же психологизма как несомненного свойства изображенного мира таких его

зрелых повестей, как **«Мой брат играет на кларнете» (1968)**, **«Безумная Евдокия» (1975)**, происходит в раннем, ученическом периоде его творчества – 1950-х годах, и созданная в 1952 году повесть **«Отряд шагает в ногу»** интересна именно как свидетельство становления Алексина-психологиста.

Обзор литературы

В литературоведении до сих пор не существует единого определения психологизма как элемента, средства, уровня или качества художественного произведения.

В. С. Азеева определяет психологизм следующим образом: в литературном контексте психологизм проявляется как многогранное явление, определяемое тремя ключевыми аспектами. Во-первых, он выступает неотъемлемой характеристикой художественной словесности. Во-вторых, он представляет собой отражение внутреннего мира автора, выраженное через призму художественного текста. В-третьих, психологизм может быть осознанно выбранным методом для структурирования произведения, придающим ему уникальную целостность и определяющим тематическую направленность повествования [9, с. 106]. Дж. М. Сеидзаде пишет о том, что психологизм представляет собой метод художественного отображения глубинных аспектов персонажа. Психологизм акцентирует внимание на раскрытии эмоционального состояния героя, внутренних конфликтов, влечений и устремлений [10, с. 668].

А. Б. Есин подчеркивает, что наличие в тексте таких свойств изображенного мира, как психологизм, который отражает внутренний мир персонажа, придает повествованию и изображению особую глубину и детальность [11, с. 70]. Е. В. Новикова трактует психологизм как искусство глубокого проникновения во внутренний мир человека. Этот подход предполагает детальное изображение динамики переживаний персонажа, тонкую передачу смены эмоциональных состояний и тщательный анализ личностных особенностей героя [12, с. 285].

Проведенный обзор теоретических источников показывает, что, несмотря на общее понимание психологизма как способа раскрытия внутреннего мира героев, исследователи предлагают разные определительные стратегии. В широком смысле психологизм трактуется как неотъемлемое свойство словесного искусства (В. С. Азеева), а в узком – как конкретный художественный прием или метод (Дж. Сеидзаде). Кроме того, различаются и функциональные акценты: отражение внутреннего мира автора (В. С. Азеева), изображение динамики переживаний героя (Е. В. Новикова). Эти различия не отменяют единства в главном: психологизм всегда связан с изображением внутреннего мира человека, – но свидетельствуют о неоднозначности и сложности этого понятия, что еще раз подтверждает значимость положенного в основу статьи исследования.

Существует множество способов представить внутренний мир героя, и эти способы зависят от различных факторов, в частности, связанных с автором: жизненные убеждения и ценности, его прошлая жизнь и ее отпечатки, внутренние конфликты и мотивации. Для осмысления психологизма, присущего художественному произведению, необходимо обратиться к понятиям форм и приемов психологического изображения.

А. Л. Чередниченко и Т. М. Дубах при исследовании форм психологизма опираются на труды А. Б. Есина, считая, что в конечном итоге все специфические методы воссоздания внутреннего состояния персонажа могут быть классифицированы следующим образом: непосредственное представление (прямая форма), опосредованное представление (косвенная форма), обобщающее представление (суммарно-обозначающая форма или название) [13, с. 98].

Прямая форма психологизма проявляется через такие приемы, как психологический самоанализ, внутренние монологи, «поток сознания», дневники, письма, сны и видения, авторский психологический анализ. И. А. Платонова отмечает, что помимо основных приемов психологического изображения в произведениях с прямой формой психологизма часто используются и вспомогательные. К таким, например, она относит несобственно-прямую речь [14, с. 200]. А. Б. Есин характеризует ее как «особую повествовательную форму», поскольку формально она принадлежит автору, но стилистические особенности выдают в ней речь героя [11, с. 200]. Доррит Кон, известный австрийский литературовед, в своей научной работе «Narrated Monologue: Definition of a Fictional Style» также придает особое значение «narrated monologue», или несобственно-прямой речи, которую рассматривает в качестве основного способа передачи психологической глубины [15, p. 100].

Косвенный психологизм использует другие инструменты. К ним относятся психологический портрет, акцентирующий внимание на душевном состоянии героя, детали обстановки, как внутри помещений (интерьер), так и снаружи (экстерьер), а также выразительные жесты, движения, мимика, интонации.

Важным фактором, влияющим на реализацию психологизма, является тип повествования. Повествование от первого лица создает предпосылки для прямой формы психологизма, поскольку читатель получает непосредственный доступ к внутреннему миру рассказчика через его монологи, рефлексию и самоанализ. Повествование от третьего лица, напротив, предоставляет автору возможность как внешнего (косвенного) наблюдения за героем, так и проникновения в его сознание с помощью несобственно-прямой речи или авторского психологического анализа.

Методы исследования

В процессе исследования использован комплекс научных методов. Психологический метод позволил проанализировать формы, приемы и средства психологического изображения, выявить их функцию в создании образа подростка. Культурно-исторический метод дал возможность интерпретировать повесть как отражение идеологических установок и психологии советской эпохи 1950-х годов, что объясняет наличие дидактических элементов и схематичность некоторых образов. Для определения форм и приемов психологического изображения в повести применяются элементы системно-целостного анализа, что предполагает рассмотрение произведения как единой художественной системы, где композиция, система образов, сюжетные коллизии и изобразительно-выразительные средства взаимосвязаны и подчинены раскрытию внутреннего мира главного героя. В работе анализируются портретные детали, речевые характеристики, жесты, внутренние монологи и их роль в создании психологического портрета героя.

Результаты и дискуссия

Как отмечалось выше, психологизм в произведениях Анатолия Алексина от раннего к зрелому периоду творчества претерпевает трансформацию, отражая развитие его морально-эстетических взглядов и писательского мастерства. В ранних работах писателя был создан образ юного героя, вокруг которого концентрировались основные сюжетные события. Психология персонажей в первых повестях проявлялась в основном посредством косвенной формы психологизма – через поступки, жесты и речевые взаимодействия. На последующих этапах творчества писателя психологический анализ станет более многоаспектным, будет достигнута та художественная глубина, которая позволит внести имя А. Алексина в ряд имен писателей-психологистов.

«Отряд шагает в ногу» (1952) – это раннее произведение А. Алексина для младших советских школьников, которое доступно и внятно повествует о взрослении юных героев, поднимая значимые темы товарищества, долга, определения жизненного пути и взаимоотношений с обществом. Сравнение повести «Отряд шагает в ногу» с другими школьными повестями 1950-х годов обнаруживает типологическое сходство. Как и в повести «Витя Малеев в школе и дома» Н. Носова (1951), сюжет строится вокруг исправления недостатков героя через коллективные усилия и дидактическое воздействие взрослых. Это позволяет утверждать, что Алексин в своей ранней повести следовал общим идеологическим установкам эпохи, не выходя за рамки дидактической модели изображения подростка, характерной для литературы начала 1950-х годов.

Повесть до сих пор остаётся малоизученной. Она упоминается лишь в «Очерке творчества»

Вл. Воронова, в котором он называет произведение «явно неудачным» [6, с. 12]. Также отсылку к повести можно встретить в диссертации Ю. И. Дюжева «Проблемы современной пионерской повести и творчество Анатолия Алексина», в которой наряду с получившими единодушное читательское признание повестями А. Алексина рассматриваются и «неудачные книги писателя («Отряд шагает в ногу» (1952); «У нас во дворе» (1956) – написана совместно с Т. Дубинской), в которых автор вступил на ложную тропинку дидактизма» [16, с. 11]. Исследователи указывают на недостаточную проработку психологизма и преобладание внешнего сюжета.

С этими утверждениями можно согласиться. В зрелый период творчества Алексин начинает активно использовать прямую форму, с максимальной детализацией анализирует внутренний мир героев, усиливает роль морально-этического конфликта. Герои становятся более индивидуализированными, а их внутренний мир – более сложным и противоречивым. В отличие от ранней повести, где преобладает внешнее изображение, в зрелых произведениях достигается гармония между внешним и внутренним планами. Это позволяет говорить о переходе от поверхностного психологизма к глубинному (например, одной из ключевых особенностей повести «Мой брат играет на кларнете» (1968) является его дневниковая форма, представляющая собой имитацию интимного документа. Автор использует прямую форму психологического изображения, повествование в произведении ведётся от первого лица. Читатель получает возможность увидеть историю глазами Женьки, юной девушки, посвятившей себя поддержке своего брата Лёвы, начинающего музыканта. Брат для неё – идеал, герой, знаменитость. Нарративная организация текста через повествование от первого лица позволяет автору установить тесный контакт с читательской аудиторией подросткового возраста, так как Женька является ее сверстницей. Незавершенность в развитии героини имеет принципиальное значение.

Однако, анализируя ранние повести Алексина, можно констатировать, что они являются исходными, своего рода «пробой пера» в формировании психологизма зрелого периода. Проанализируем повесть «Отряд шагает в ногу» и определим, какие формы, приемы и средства психологического изображения использует автор для создания образа подростка на раннем этапе творчества. Ее название говорит о том, что в произведении раскрывается тема дружбы, так как, согласно фразеологическому словарю, выражение «шагать в ногу» обозначает действовать в соответствии с чем-либо, быть равным. В произведении 33 главы, в каждой из которых главный герой, Ваня Земцов, учится на своих ошибках дружить, формировать коллектив, выстраивать отношения с младшим братом Димкой. Примечательно в этом

произведении то, что помощь в становлении характера, обретении себя, взрослении Ване оказывают взрослые: вожатый, отец, классный руководитель, воспитатель детского сада.

В повести представлена *косвенная форма* психологического изображения; *повествование ведётся от третьего лица*, создавая условия для реализации косвенной формы психологизма и позволяя читателю увидеть ситуацию глазами автора. В начале произведения читатель видит шестиклассника Ваню Земцова эгоистом, который не знал ценности дружбы, считал себя взрослым, но не понимал, что взрослость заключается не в словах, а в действиях, серьезных, значимых делах.

Испытания Вани Земцова начинаются с того, как его выбрали вместо Пети председателем совета отряда. Эта должность была очень ответственной, нужно было руководить целым отрядом, придумывать и организовывать мероприятия. «Ваня вышел из школы разгоряченный и раздосадованный» [17, с. 15] (в данном случае прием *психологического анализа* позволяет автору не просто зафиксировать переживание, но и показать его причину, что характерно для косвенной формы психологизма, где внутреннее состояние раскрывается через внешние проявления), его мучила совесть оттого, что выбрали его, а не друга Петю; *внутренние монологи с элементами психологического анализа* подтверждают переживания Вани: «Почему же не выбрали Петю?» – спрашивал сам себя Ваня и поминутно вытирал лицо платком. Ему было жарко, хотя дневная жара уже давно спала» [17, с. 17].

Ваня подошел к делу ответственно, но работы предстояло очень много, главная – сделать отряд единым целым. Как это осуществить, Ваня не имел представления. От имени класса Ваня отправился к пропавшему Вите Бурцеву (что с ним, никто не знал). Оказывается, он уже два месяца болеет. Речь мамы Виты становится для Вани эмоциональным толчком: «Ни с кем не дружим? Что же может быть хуже этого? Значит, а классе у вас что-то неладно» [17, с. 17]. Автор вновь прибегает к приему *психологического анализа*, комментируя психологическое состояние героя, чтобы показать, что слова женщины оставили след в душе Вани, и он начинает осознавать проблему: «Стыдно было слышать это. Голос его прерывался от волнения» [17, с. 19]. Внешний симптом (прерывающийся голос) становится свидетельством глубины переживания Вани. На следующий день Ваня созвал быстрый совет, «летучий сбор», на котором хотел обозначить проблемы класса, при этом даже вожатый Миша Кудрявцев был удивлен смелостью Вани. Именно вожатый является наставником Вани: «Круто берет», – подумал Ваня [17, с. 20] (о вожатом Мише). Мальчику хотелось обладать теми же лидерскими качествами, чтобы его все слушались, как Мишу Кудряв-

цева. На собрании было решено каждый день по очереди навещать Витю в больнице.

Покою Ване не давал только один момент: дружба с Петей оказалась под угрозой; здесь автор снова использует **психологический анализ**: «Ваня шел с опущенной головой, все думая об одном и том же: неужели дружбе с Петей пришел конец?» [17, с. 23]. Производимая автором психологическая интерпретация особенностей внутренней речи героя, мимики и других средств внешнего проявления психики призвана показать читателю, что внутренний мир героя, хотя он прямо и не изображается, все-таки достаточно сложен и заслуживает внимания.

Ваня сумел преодолеть свою гордость и первым позвонить другу, но был разочарован равнодушной реакцией друга: «От досады Ваня чуть не выронил трубку. Самолюбию Вани был нанесен смертельный удар» [17, с. 30] (**психологический анализ**). Психологический жест («чуть не выронил трубку») передает непосредственную физическую реакцию на слова друга, показывая, что герой находится на грани потери контроля над собой. Авторский психологический комментарий («Самолюбию нанесен смертельный удар») углубляет это состояние, раскрывая его психологическую причину: равнодушие друга воспринимается Ваней как унижение его личности. Последовательность этих приемов (от внешней реакции к внутренней интерпретации) позволяет проследить динамику переживания – от мгновенной физической реакции к осознанию глубины обиды. Сложный период помогает разрешить отец Вани, которого волновали успехи сына, его взаимоотношения с друзьями; отец всегда учил его поступать правильно и честно. Папа Вани приглашает Петю в гости, выводит мальчика на разговор, вследствие которого становится понятна причина недопонимания между мальчиками: «Не хочу я дружить с ним. Он плохо обо мне думает. После выборов, как заяц, удрал из школы. Думал, я обижусь за то, что выбрали его, а не меня. Какая чепуха!» – сказал Петя отцу Вани [17, с. 32]. Для взрослого, конечно, эта ситуация комична, но не для подростка. «Андрей Никитич хотел позвать Ваню, но в этот момент заметил, что Ваня, красный и взволнованный, стоит у окна. Губы его были сжаты плотней, глаза блестели. Ваня был самодуш. Но тут уже нечего было упрячиться» [17, с. 32] (**психологический анализ**). Через косвенную форму психологизма и внешние симптомы психологического состояния Алексин показывает, что внутри мальчика борется несколько чувств: волнение, стыд и гордость. Отец Вани наводит мальчика на мысль, что нужно сплотить отряд, стать дружнее, а для этого организовывать одни мероприятия недостаточно. Первым совместным делом отряда стало озеленение территории. Благодаря «пионерской цепочке» все члены отряда прибыли и «работа закипела» [17, с. 48].

Ваня, идя по пути взросления, конечно, допускал ошибки. Например, желая сделать коллек-

тив организованнее, сам прогулял контрольную по арифметике. Ваня решает посоветоваться со своим наставником – вожатым Мишей Кудрявцевым. «Преодолев смущение, призвал на помощь все свое мужество, твердо сказал. Рассказывая, Ваня все время теребил ручку своего нового портфеля» [17, с. 54]. Автор использует **психологический анализ** с целью показать изменения и раскаяние мальчика. Его непроизвольный жест становится внешним симптомом подлинного волнения, которое герой не может полностью контролировать. Читатель видит, что за внешней твердостью скрывается внутренняя борьба, а теребление ручки портфеля свидетельствует о глубине раскаяния Вани, который осознает свою вину и переживает момент нравственного выбора. На взрослые мысли наводит Ваню Миша, говоря ему о силе личного примера, советуя мальчику признаться о прогуле всему классу, только после этого налаживать трудовую атмосферу. На важные размышления наводит Ваню и Вера Петровна, учительница, говоря, что «плох тот руководитель, который делает все сам» [17, с. 100]. В данном фрагменте, действительно, можно увидеть проявление дидактизма со стороны взрослых, которые пытаются дать правильные советы взрослому ребёнку.

Помимо классных проблем, Ваня столкнулся с семейными: он забыл о младшем брате, который нуждался во внимании и заботе старшего. Переломным моментом стала ситуация, когда Ваня думал, что Димка потерялся, он искал его везде, спрашивал у прохожих, но безрезультатно: «Любимая Димкина песенка», – подумалось Ване и сердце наполнилось нежностью к братишке» [17, с. 112]. Про ценность братских отношений рассказала Ване воспитательница Димки, Полина Карповна, которая, как оказалось, гуляла с Димкой, когда Ваня забыл забрать его из детского сада: «Беда в том, что ты не отвечаешь на его маленькие просьбы, а он хочет видеть в тебе друга и товарища» [17, с. 114]. Поучительный разговор оказался для Вани непростым, он волновался, опустил голову. Тут также присутствуют элементы **психологического анализа**, демонстрирующие внутренние изменения мальчика. Жест (опущенная голова) становится ключевым средством раскрытия эволюции души мальчика: он свидетельствует не просто о волнении, а о глубоком стыде и осознании собственной вины перед братом. В отличие от предыдущих эпизодов, где Ваня тоже переживал (прерывающийся голос, теребление ручки портфеля), здесь его реакция – молчаливая и подавленная – указывает на новый этап внутреннего роста: внешняя активность сменяется внутренним осмыслением, что говорит о переходе от импульсивных переживаний к рефлексии. Разговор не прошел бесследно, спустя время Ваня с уверенностью и гордостью заявил близким: «Ведь мы с Димкой друзья!» [17, с. 140].

После всех волнующих событий Ваня Земцов стал образцовым руководителем отряда. Начали с малого: газета получила новое название: «За дружный класс», также завели собственных корреспондентов, обменивались опытом с другими газетами. Не может не радовать читателя тот факт, что Ваня теперь принимал решения не спонтанно, руководствуясь только своим «Я», а советовался с педагогами, близкими, что говорит о его внутренних изменениях. Важным приемом, который показывает изменения Вани, является его *самоанализ*, когда в день большой удачи всего отряда Ваня оказался недоволен собой. Однако его поддерживает отец, говоря, что «*вкус к учебе в его годы – самое главное*» [17, с. 141]. Нельзя также не обратить внимание на обращение отца к сыну: «*Мой друг!*». Автор показывает, что в тяжелые моменты ребенку важна поддержка близких, на этом строится счастливое детство.

Ваня Земцов становится наставником для Вити Бурцева. Он помог ему усвоить пропущенный материал. Особо ощутима была поддержка Вани во время решающей контрольной работы: «*Пожалуй, сильнее всех волновался Ваня. Кажется, впервые за все годы учебы он не выдержал и на контрольной работе написал Пете записку: “Скажи Витьке, пусть не волнуется!”*» [17, с. 179]. Это яркий пример заботы о товарище. Заканчивается произведение тем, что отряд 6 «В» стал самым дружным и ему присудили красный выпел советской дружины.

Выводы

Таким образом, на основе проведенного анализа можно утверждать, что в повести Анатолия Алексина «Отряд шагает в ногу» реализуется косвенная форма психологизма. Однако она не сопровождается достаточной глубиной анализа, что приводит к поверхностному изображению внутреннего мира персонажей через внешние проявления. В сравнении с поздними произведениями Алексина очевидно, что данная ранняя повесть отражает начальный этап формирования характерного для писателя психологизма, а эволюция творчества писателя связана не столько с переходом от косвенной к прямой форме психологизма, сколько с углублением их содержания и более сложным и многогранным изображением внутреннего мира героя с помощью широкого спектра приемов.

Однако уже в тексте проанализированной повести используются такие приемы и средства психологического изображения, как психологический анализ (преимущественно), условия для которого создаются повествованием, которое ведется от третьего лица (автор сам расставляет акценты во внутреннем состоянии Вани), режэ – самоанализ (помогает понять эмоции Вани и его переживания, охарактеризованные «глазами очевидца»), внутренние монологи (отражают мысли персонажа и этапы его нравственного становления). Перечисленные приемы и средства психологического

изображения в совокупности позволяют достаточно детально проследить изменения главного героя, путь его внутреннего взросления.

Нельзя отрицать, что повесть А. Г. Алексина «Отряд шагает в ногу» написана по идеологическим лекалам своего времени, что герои в ней схематичны, а сюжет предсказуем. Однако именно от нее берет начало эволюция психологизма в творчестве писателя. Повесть является своего рода «точкой отсчета» для его формирования, так как в ней только зарождаются характерные для его зрелого творчества формы и приемы психологизма.

В заключение отметим, что повесть «Отряд шагает в ногу», возможно, Алексин и не переиздавал никогда, т. к. осознавал, что она ученическая. Однако подобные произведения писателя тоже нужно изучать, чтоб ярче выявить его подлинные открытия.

Литература

1. Ramish, R. A Critical Perspective on the Concept of Literature in Contemporary Times / R. Ramish // International Journal of English, Literature and Social Science. – 2024. – P. 18–25.
2. Miller, J. H. On Literature: Thinking in Action / J. H. Miller. – London : Routledge, 2002. – 176 p.
3. Zunshine, L. Theory of Mind and Experimental Representations of Fictional Consciousness / L. Zunshine. – 2011. – Vol. 45, № 2. – P. 270–291.
4. Октябрьская, О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. С. Октябрьская. – М., 2017. – 37 с.
5. Токарева, Т. Н. Формирование принципов изображения героя в советской детской прозе 1920-х – 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Токарева. – Воронеж, 2013. – 19 с.
6. Воронов, В. И. Анатолий Алексин: очерк творчества / В. И. Воронов. – 2-е изд., доп. – М. : Детская литература, 1980. – 174 с.
7. Николаева, С. А. Анатолий Алексин: очерк творчества / С. А. Николаева. – М. : Советский писатель, 1986. – 245 с.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 3103. Л. Э. Разгон. Рецензии на произведения А. Г. Алексина, Л. Р. Кабо, М. Г. Квливидзе, К. В. Ковальджи и др. – Оп. 1. – Ед. хр. 56.
9. Азеева, В. С. Проблема изучения психологизма в литературоведении / В. С. Азеева // Приоритетные направления развития образования и науки : сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – 2017. – Т. 2. – С. 105–107.
10. Сеидзаде, Дж. М. Понятие психологизма как объект исследования в литературе / Дж. М. Сеидзаде // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – М., 2021. – С. 667–672.
11. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа

литературного произведения : учебное пособие / А. Б. Есин. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 163 с.

12. Новикова, Е. В. Формы и средства психологического изображения в литературе / Е. В. Новикова // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы научно-методического семинара. – Нижневартовск, 2018. – С. 285–289.

13. Чердниченко, А. Л. К проблеме средств реализации психологизма в художественном произведении (на примере прозы Артура Шницлера) / А. Л. Чердниченко, Т. М. Дубах // Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики : ежегодник по материалам одиннадцатой международной студенческой научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2019. – С. 79–83.

14. Платонова, И. А. Функция приемов психологизма в романе Ольги Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» / И. А. Платонова // Филологические открытия. – 2016. – № 4. – С. 199–209.

15. Cohn, D. Narrated Monologue: Definition of a Fictional Style / D. Cohn // Comparative Literature. – 1966. – Vol. 18, № 2. – P. 97–112.

16. Дюжев, Ю. И. Проблемы современной пионерской повести и творчество Анатолия Алексина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. И. Дюжев. – Петрозаводск, 1966. – 19 с.

17. Алексин, А. Г. Отряд шагает в ногу : повесть: [для сред. возраста] / А. Г. Алексин. – Л. ; М. : Детгиз, 1952. – 182 с.

Спешилова Виктория Павловна – аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск), e-mail: viksik-14@mail.ru. ORCID 0009-0001-3288-4475

Поступила в редакцию 10 августа 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260412

FORMATION OF PSYCHOLOGISM IN THE PORTRAIT OF A TEENAGER IN A. ALEK SIN'S PROSE OF THE 1950s (BASED ON THE NOVEL "THE SQUAD IS MOVING IN UNISON")

V. P. Speshilova

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation

The article is devoted to the study of the forms, techniques and means of psychological representation in A. Aleksin's novella "The Detachment keeps Pace" (1952), which is almost unknown to the modern reader because it is an early, student's work of the future famous children's writer. Accordingly, the psychology that is being formed in her, which will manifest itself in such mature Aleksin's novels as "Mad Evdokia", requires study and constitutes the relevance of the research. The novelty of the work is due to the lack of special studies in modern literary criticism that analyze the psychologism in the writer's early prose.

As a result of the literary analysis of the story, the predominant use of an indirect form of psychologism and the presence of such methods of psychological representation as psychological analysis and introspection are proved. The conducted research expands the understanding of the forms, techniques and means of psychological representation characteristic of A. Aleksin's short prose of the 1950s, when it was just forming such a property of the depicted world as psychologism. The results of the analysis can be useful to teachers of philology in the process of studying Aleksin's work in universities, as well as in teaching students working on topics related to psychology in literature, especially in the context of the work of this author. In addition, the research materials can be used by specialists involved in educational work in schools.

Keywords: Anatoly Aleksin, «The squad keeps pace», psychologism, techniques and means of psychological representation, forms of psychological representation.

References

1. Ramish R. A Critical Perspective on the Concept of Literature in Contemporary Times // International Journal of English, Literature and Social Science. 2024. P. 18–25.
2. Miller J.H. On Literature: Thinking in Action // *On Literature: Thinking in Action*. London: Routledge, 2002. 176 p.

3. Zunshine L. Theory of Mind and Experimental Representations of Fictional Consciousness. 2011. Vol. 45, № 2. P. 270–291.
4. Oktyabrskaya O.S. Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoy detskoj literature 1920–50-kh godov [Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Literature of the 1920s–50s]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2017. 37 p.
5. Tokareva T.N. Formirovanie printsipov izobrazheniya geroya v sovetskoj detskoj proze 1920-kh – 1930-kh gg. [Formation of the Principles of Portraying the Hero in Soviet Children's Prose of the 1920s – 1930s]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2013. 19 p.
6. Voronov V.I. Anatolij Aleksin: Ocherk Tvorchestva [Anatoly Aleksin: A Study of His Works]. 2nd ed., enlarged. Moscow: Child literature, 1980. 174 p.
7. Nikolaeva S.A. Anatolij Aleksin: Ocherk Tvorchestva [Anatoly Aleksin: A Study of His Works]. Moscow: Soviet writer, 1986. 245 p.
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. F. 3103. L.E. Razgon. Retsenzii Na Proizvedeniya A.G. Aleksina, L.R. Kabo, M.G. Kvliv-dze, K.V. Koval'dzhi I Dr. Op. 1. Ed. Khr. 56.
9. Azeeva V.S. Problema izucheniya psikhologizma v literaturovedenii [The Problem of Studying Psychologism in Literary Studies] // *Prioritetnye napravleniya razvitiya obrazovaniya i nauki: sbornik materialov ii mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2017. Vol. 2. P. 105–107.
10. Seidzade Dzh.M. Ponyatie psikhologizma kak ob'ekt issledovaniya v literature [The Concept of Psychologism as an Object of Research in Literature] // *Novyy mir. Novyy yazyk. Novoe Myshlenie: sbornik materialov IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2021. P. 667–672.
11. Esin A.B. Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya [Principles and Techniques of Literary Analysis]: uchebnoe posobie. Moscow: Flinta: Science, 2008. 163 p.
12. Novikova E.V. Formy i sredstva psikhologicheskogo izobrazheniya v literature [Forms and Means of Psychological Depiction in Literature] // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk: materialy nauchno-metodicheskogo seminara*. 2018. P. 285–289.
13. Cherednichenko A.L., Dubakh T.M. K probleme sredstv realizatsii psikhologizma v khudozhestvennom proizvedenii (na primere prozy Artura Shnitslera) [On the Problem of Means of Implementing Psychologism in a Literary Work (on the Example of Arthur Schnitzler's Prose)] // *Romanskii i germanskii yazyki: aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki: ezhegodnik po materialam odinnadtsatoy mezhdunarodnoy studentcheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2019. P. 79–83.
14. Platonova I.A. Funktsiya priemov psikhologizma v romane Ol'gi Slavnikovoy "Strekoza, Uvelichen-naya Do Razmerov Sobaki" [The Function of Psychologism Techniques in Olga Slavnikova's Novel "The Dragonfly Enlarged to the Size of a Dog"] // *Filologicheskie otkrytiya*. 2016. № 4. P. 199–209.
15. Cohn D. Narrated Monologue: Definition of a Fictional Style // *Comparative Literature*. 1966. Vol. 18, № 2. P. 97–112.
16. Dyuzhev Yu.I. Problemy sovremennoy pionerskoy povesti i tvorchestvo Anatoliya Aleksina [Problems of the Modern Pioneer Story and the Work of Anatoly Aleksin]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Petrozavodsk, 1966. 19 p.
17. Aleksin A.G. Otryad shagaet v nogu [The Squad Keeps in Step]: povest': [dlya sred. vozrasta]. Lenin-grad; Moscow: Detgiz, 1952. 182 p.

Victoria P. Speshilova – Postgraduate Student of the Department of Philology, Linguodidactics, and Translation, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk), e-mail: viksik-14@mail.ru

Received August 10, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Спешилова, В. П. Формирование психологизма в изображении подростка в прозе А. Алексина 1950-х годов (на примере повести «Отряд шагает в ногу») / В. П. Спешилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 98–106. DOI: 10.14529/ssh260412

FOR CITATION

Speshilova V. P. Formation of psychologism in the portrait of a teenager in A. Aleksin's prose of the 1950s (based on the novel "the squad is moving in unison". *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 98–106. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260412

ВОЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ (1941–1945 И 2022–2026 гг.): АВТОРЫ, ОБРАЗЫ, СМЫСЛЫ

Статья первая. 1941–1945 гг.

А. Н. Чумиков

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,
Российская Федерация*

Проблематика литературы о войне всегда интересовала исследователей. В случае с СССР и Россией этот интерес концентрировался в первую очередь на Великой Отечественной войне (ВОВ), победа в которой стала важнейшим государственным символом. При этом подходы к освещению в художественной литературе данной войны, а также оценкам произведений о ней динамично изменялись в зависимости от политической конъюнктуры определённого периода. Особенностью первой статьи становится выделение для анализа наиболее значимых образцов художественной прозы, созданной советскими писателями непосредственно в период 1941–1945 гг., и взгляд на неё с позиций как советского времени, так и сегодняшнего дня.

Во второй статье этот блок сопоставляется с аналогичной литературой о специальной военной операции (СВО), где внимание сосредоточено на книгах победителей литературных премий и других изданиях, привлёкших наибольшее внимание читателей и критиков. Такого рода исследование проводится впервые.

Сравнительный анализ осуществляется с помощью выбранных автором параметров, включающих в себя ролевой и профессиональный статус, особенности литературно-художественных форм авторов произведений; отображение образов страны, боевого пространства, героев и антигероев; смысловые (интерпретационные) построения вокруг описанных событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (ВОВ), художественная проза, авторы, образы, смыслы.

Введение

Представляя общий объём исследовательского материала, приведём некоторые цифры и факты о военной литературе 1941–1945 гг. и её авторах. Так, численность Союза писателей СССР в 1941 г. составляла 3 – 3,5 тыс. чел. На фронтах Великой Отечественной войны (ВОВ) более тысячи из них были бойцами, командирами, политработниками и военными корреспондентами [1]. Сотни писателей работали в тылу, в том числе в эвакуации; совершали командировки на фронт и знакомились с материалами о боевых действиях. Но в разделе «Литература периода Великой Отечественной войны» трёхтомного академического издания «История русской литературы» перечислено не более 30 имён прозаиков военного времени, а краткие характеристики их конкретных произведений даны примерно в половине случаев. Среди таких авторов¹ А. Бек, Б. Горбатов, В. Гроссман, В. Кожевников, Л. Леонов, Б. Полевой, К. Симонов, Л. Соболев, А. Толстой, А. Фадеев, М. Шолохов, И. Эренбург и некоторые другие.

В аналитическом обзоре их творчества говорится, что в военный период оно очень цельно и монолитно по своей идейной направленности. В большинстве произведений на передний план выдвигается образ народа-воина, воплощённый как в индивидуализированных характерах, так

и в собирательных образах, приближающихся к монументальным фигурам героического эпоса. В них присутствуют черты, присущие всей массе советских бойцов, выступающих носителями всенародного подвига, гнева и патриотизма. Этим героям не свойственны непримиримые внутренние конфликты, раздвоенность, душевный разлад, переоценка ценностей, резкие скачки и переломы жизненной судьбы, получившие в своё время отражение в «Тихом Доне» М. Шолохова и в «Хожении по мукам» А. Толстого. Теперь господствуют цельные и ясные характеры, раскрывающиеся в конфликте внешнем – столкновении с ненавистным врагом. Демонстрируется неистребимая сила социалистического общественного строя и стойкость советского человека [2].

Обзор литературы

Исследования конца XX – начала XXI в., с одной стороны, продолжают заявленные ранее смысловые акценты: их авторы говорят о том, что в произведениях о войне освещаются традиционные для классической литературы темы – Россия, Родина, народ – и что они свидетельствуют о необычайном взлёте духа советских людей в экстремальных условиях военного противостояния [3, 4]. Специальное внимание уделяется раскрытию основных слагаемых национального менталитета, лучших черт русского характера в атмосфере общей трагедии [5]. С другой стороны, указывается, что художественная литература военного времени выполняла прежде всего идеологические

¹ Перечень фамилий авторов даётся в алфавитном порядке, не совпадающем с последовательностью, представленной в издании.

задачи и существовала в условиях жёсткой системы цензурного контроля и административного управления [6].

Атмосфера гласности, открытие архивов с прежде секретными документами привели к тому, что в художественной прозе и публицистике начался активный пересмотр официальной концепции ВОВ. Героико-патетическая и лирико-романтическая традиции в её изображении отвергались, наиболее востребованными тенденциями стали пацифизм и беспощадный реализм, приобретающий порой предельно натуралистические формы [7].

Однако события 2010-х и особенно 2020-х гг. – возвращение Крыма в состав Российской Федерации, борьба за русский мир на Донбассе и, наконец, СВО – стимулировали возврат советских оценок самой ВОВ и требовали дополнительных исследований в данном направлении

Методы исследования

Художественную литературу о Великой Отечественной войне, а также исследовательские подходы к ней можно разделить на несколько условных этапов, где контексты произведений и акценты в аналитических откликах во многом различаются по следующим временным отрезкам: издания, подготовленные в ходе ВОВ; выпущенные в послевоенный период до 1980-х – 1990-х гг. включительно; опубликованные в новой России XXI в. Для авторского исследования мы выбираем такой сегмент, как художественная проза: роман, повести и ключевые рассказы, вышедшие в свет в 1941–1946 гг.²

Среди анализируемых нами авторов и произведений находятся в первую очередь те, что представлены в общем перечне и сопровождаются индивидуальными характеристиками в указанном выше издании АН СССР. Дополнительным аргументом для выбора стало письмо Министерства образования и науки РФ от 16 января 2013 г. «О перечне “100 книг” по истории, культуре и литературе народов РФ», рекомендуемых для самостоятельного прочтения школьниками. В перечень вошли произведения Б. Полевого, К. Симонова, А. Фадеева, а также В. Некрасова, не попавшего в обзор АН СССР [8]. В числе 15 лучших книг о ВОВ, выделенных в Год лейтенантской прозы (2024), тоже значится В. Некрасов и вместе с ним К. Воробьёв, написавший свою первую повесть в период ВОВ [9]. Книги В. Некрасова и К. Воробьёва включены в исследовательскую подборку.

Рассмотрение произведений будет производиться по следующим позициям:

– *авторы*, их ролевой и профессиональный статус, особенности литературно-художественных форм;

– *образы* страны, боевого пространства, героев и антигероев; людей, вовлечённых в войну;

– *смыслы* – интерпретационные идеологические построения вокруг описанных событий.

В анализе произведений периода ВОВ мы лишь отчасти опираемся на литературную критику, в основном советского периода. Преимущественное внимание уделяется текстам самих произведений с последующими авторскими аналитическими построениями.

Результаты и дискуссия

Авторы

Авторы произведений о Великой Отечественной войне подошли к 1941 г. уже во многом сложившимися писателями; причём, данный вид деятельности являлся для них основным. Кроме того, большинство получило статус военных корреспондентов «Совинформбюро» (информационного ведомства, образованного с началом войны при Совете народных комиссаров СССР) и ведущих советских газет: «Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда», а также ряда фронтовых изданий. Этим писателям присваивались воинские звания (как правило от майора до полковника), они на юридическом уровне (медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») признаны участниками ВОВ. Не работали на фронте и не получили статуса участника ВОВ В. Василевская, В. Катаев, Л. Леонов, А. Толстой. К. Воробьёв воевал в действующей армии в звании лейтенанта, а В. Некрасов – от лейтенанта до капитана; оба имели небольшой предвоенный опыт литературной, главным образом журналистской, деятельности. Таким образом, Великая Отечественная война не была периодом «лейтенантской» прозы писателей, начавших свой литературный путь на войне – такой термин и это явление возникли в послевоенный период. Тем более ВОВ не может считаться периодом «генеральской» и «солдатской» прозы, о которых нам приходилось писать ранее [10, 11].

Практически все указанные писатели выступали во время ВОВ в жанрах рассказов и повестей. Более масштабные литературные формы (романы) у некоторых из них вышли до войны (А. Толстой, М. Шолохов, И. Эренбург); а у ряда писателей – после неё (В. Гроссман, В. Кожевников, К. Симонов). Практически единственным автором, сумевшим во время военных действий подготовить полноценный роман о текущей войне («Молодая гвардия»), стал А. Фадеев. Публикации М. Шолохова под заголовком «Они сражались за Родину» называют «главами из романа» условно: фактически это небольшие рассказы, построенные преимущественно на диалогах. В то же время ряд известных писателей работал в период ВОВ над крупными произ-

² Включение в выборку произведений 1946 г. мотивируется тем, что в этом году были впервые опубликованы повести Б. Полевого («Повесть о настоящем человеке») и В. Некрасова («В окопах Сталинграда»), подготовленные во время войны и имеющие существенное значение для понимания литературных трендов того периода.

ведениями военно-исторического и патриотического содержания: вышли романы А. Степанова «Порт-Артур» (1942), С. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв» (1943), В. Костылева «Москва в походе» (1943, первая часть трилогии «Иван Грозный»); А. Толстого «Пётр Первый» (1945), повесть С. Голубова «Герасим Курин» (1942). В целом период 1941–1945 гг. был временем прозы главным образом профессиональных писателей, включённых в контекст боевой действительности.

Образы

Переходя к образам художественных произведений, напомним, что во время Великой Отечественной войны руководство страны и Коммунистической партии ставило перед писателями абсолютно конкретную задачу создания мужественных и позитивных литературных представлений единой страны и советского народа в целом. Поведение отдельных людей или их групп должно было свидетельствовать о несомненности и однозначности таких образов. В то же время общая концепция предполагала показ различных пространственных и событийных ситуаций, форм поведения, человеческих типажей.

Практически у всех писателей присутствует образ сложного, кровопролитного, часто с тяжёлыми потерями боя, который всё же, в большинстве случаев, достойно завершается. А. Бек в повести цикла «Волоколамское шоссе» («Панфиловцы на первом рубеже») пафосно и одновременно стремясь к правдивости описывает «окопный» бой батальона под Москвой в октябре 1941 г., когда немецкие части стремительно наступали. Слышатся призывы к атаке коммуниста красноармейца Букреева и политрука Толстунова: «За Родину! За Сталина!» Но «не только к коммунистам – ко всем был обращён этот зов» [12].

Показываются и атаки немцев. Их типичное для литературы того времени описание есть, например, у М. Шолохова в рассказах «Они сражались за Родину»: «В балке взрехали моторы, показались танки. Следом за ними, не пригибаясь, во весь рост шла пехота. “До чего же обнаглели проклятые! Идут, как на параде”». Врагу мужественно противостоят советские солдаты, однако происходит это на фоне массового отступления, когда люди, остающиеся на территории, куда вот-вот придут немцы, провожают уходящих бойцов не хлебом-солью, а проклятиями [13].

В повести Л. Леонова «Взятие Великошумска» демонстрируются картины танкового боя: с одной стороны, это взгляд из командного пункта, когда генерал фиксирует стратегические результаты сражения; с другой – через смотровую щель танка Т-34, в ходе прямого столкновения с противником, глазами экипажа машины: стреляющего, уходящего от выстрелов и погибающего [14]. В «Морских рассказах» Л. Соболева мы видим боевые действия краснофлотцев на море и на суше

[15], в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого – схватки воздушных асов [16].

Военное пространство может локализоваться до уровня объекта обороны или дислокации, приобретающего характер временного «домашнего» пристанища. В повести К. Симонова «Дни и ночи» это дом комбата Сабурова, дом командира полка Ремизова, дом старшины Конюхова, «который объявил себя начальником гарнизона и ведёт себя с достоинством генерал-лейтенанта» [17]. У В. Некрасова в повести «В окопах Сталинграда» (первоначально «Сталинград») это командный пункт комбата Ширяева в подвале дома [18]. В подобных ситуациях уже нет эпической патетики: простые описания окружающей обстановки, суровые и сдержанные диалоги позволяют увидеть, как за короткий период незнакомые прежде бойцы становятся друзьями, семьёй, боевым братством. «Не знаю, какими были эти люди до войны и какими будут после неё, но сейчас они, действительно, почти все хорошие. И, думаю, большинство останется хорошими, – те, конечно, кто будет жив», – говорит комбат Сабуров [17].

На войне неизбежна реальность плена, представленная в повести К. Воробьёва «Это мы, господи!», опубликованной лишь в послевоенный период. Причина отсутствия темы немецкого плена в литературе 1941–1945 гг. связана, видимо, с фактическим запретом на такого рода публикации. Жизнь в фашистских тюрьмах и концлагерях описывается К. Воробьёвым как «вакханалия жестокости и адская фантазмагория, совершаемая нелюдьми, которым застила всё кровавая пелена – и зрение, и совесть, и душу, и всё человеческое». Писатель показывает, что в такой обстановке многие пленные не могли не только геройствовать, но и сохранять человеческий облик. Тех, кто бежал, выдавали полицаи и «хозяева кулацких домов»; беглецов ждали новые истязания или смерть. Тем не менее автор – прототип главного героя, сумев после нескольких попыток совершить успешный побег и воевал в партизанском отряде [19].

В годы войны не создаётся масштабных образов действующих военачальников, тем более под собственными именами. Одним из немногих стал погибший в 1941 г. генерал Панфилов. Он приземлённо человечен: сам колет дрова, топит печку, заваривает чай. А. Бек вспоминает фразу генерала, которая впоследствии стала хрестоматийной: «Солдат идет в бой не умирать, а жить!» [12]. Авторы раздела о литературе ВОВ в издании АН СССР относят трактовку образа Панфилова к традициям Л. Толстого: «в напряженнейший момент боев он, подобно Кутузову из романа Л. Толстого, не утрачивает этой будничной простоты и спокойствия, которое резко контрастирует с окружающей обстановкой» [2]. Рядом с Панфиловым – главный герой повести Баурджан Момыш-Улы – командир батальона, старший лейтенант, а два года спустя

гвардии полковник и командир полка. В отличие от И. Панфилова он схематичен, прямолинеен; не столько говорит, сколько изрекает рубленые риторические фразы: «На войне я прочёл книгу, написанную не чернилами, а кровью. После такой книги мне невыносимы сочинения» [12].

Командующий танковой армией в период ВОВ генерал Рыбалко предстаёт в повести Л. Леонova «Взятие Великошумска» в образе генерала Литовченко. Освобождая от фашистов свою малую родину, он вспоминает прежнюю жизнь, своего учителя, ведёт с ним философские беседы [12]. Среди положительных героев – комиссары. Дивизионного комиссара Чередниченко в повести В. Гроссмана «Народ бессмертен» прозвали «солдатским Кутузовым» [20]. Обобщённый образ рядового солдата даётся в повести Б. Горбатова «Алексей Куликов, боец». Это простой, понятный, дидактический набор эволюционирующих паттернов поведения советского человека на фронте, зафиксированных в коротких главах-рассказах [21].

Писатели создают образы оккупированных немцами территорий и оставшихся на них людей. Ведущее место здесь принадлежит роману А. Фадеева «Молодая гвардия». Мы видим героев-подпольщиков, борющихся с врагом в невероятно сложных и опасных условиях: это и взрослое поколение (директор шахты Андрей Валько, шахтёр и красный партизан гражданской войны Матвей Шульга, партийные руководители Иван Проценко и Филипп Лютиков), и сами ребята-молодогвардейцы: имена Олега Кошевого, Ульяны Громовой, Любы Шевцовой, Сергея Тюленина стали символами стойкости и патриотизма для всей страны, а во многом – и для остального мира [22].

Справедливо замечено, что молодогвардейцы – герои исключительно советского времени: «перед нами проходит поколение, уже подготовленное к борьбе, люди с устойчивыми характерами, прочными убеждениями, ясными целями. Их юность, совпавшая с войною, была не путём исканий, а путём свершений и деяний» [2]. Пример молодогвардейцев показывает, как в советской, русской и мировой литературе продолжается формирование и трансляция образов героев-мучеников, страстотерпцев, принявших страдание и смерть не столько за совершённые подвиги, сколько за веру. У испытавших страшные пытки, сброшенных в шахту живыми и мёртвыми молодогвардейцев это, конечно, не вера в Бога, а вера в свою страну, в советскую власть и её правоту.

Образы мучеников с ужасающей натуралистичностью подаются в повести В. Василевской «Радуга». Малаша, самая красивая девушка в деревне, изнасилована немцами: «Никто, кроме неё, не носил семя врага». И «пулю в своём теле она ощутила как счастье». Олёна Костюк вернулась в деревню из партизанского отряда, чтобы родить. Немцы издеваются над ней, пытаются и требуют сведения о партизанах.

Женщина отказывается, и тогда на глазах у матери убивают её грудного ребенка [23].

Закон жанра и закон жизни гласят: если есть герои, должны быть и антигерои, одни без других не существуют. Антигерои подразделяются на «своих» и «чужих», но тех и других, как правило, ждёт справедливое возмездие. «Чужие» – это немцы, фашисты и оккупанты, с впечатляющим набором негативных характеристик: например, в «Молодой гвардии» А. Фадеева образ главного садиста и палача Фенбонга карикатурно негативен: он никогда не моется, прячет на теле награбленные драгоценности и золотые зубы, вырванные у расстрелянных людей [22]. В «Радуге» В. Василевской немцы, попавшие в плен, «худые, оборванные, в нарывах, в зловонных, гниющих болячках... Их невыносимо ели вши, они украдкой чесались» [23].

В. Гроссман описывает немцев во время допроса: «Быстро и охотно называли номера частей, оружие, уверяли, что они рабочие, сочувствовавшие коммунизму... Говорили: “Гитлер капут”, хотя было совершенно очевидно, что внутренне уверены в обратном». Здесь же даются общекультурные характеристики: «Они ничего не читали, даже фашистских брошюр и романов, не слышали не только о Гёте и Бетховене», но даже о Бисмарке и Фридрихе Великом. «Они знали лишь фамилию секретаря своей районной организации национал-социалистической партии». Комиссар Богарев отмечал в немцах «необычайную способность к организации»: немцы организованно грабили, выжигали и бомбили. «Это была не культура разума, а цивилизация инстинктов, нечто идущее от организованности... стадных животных». В ряду пленных находится и пожилой офицер, в прошлом преподаватель литературы, «мыслящий и искренно ненавидящий гитлеризм». Гитлер, – говорит он, – «не создатель народных ценностей, он захватчик. Он захватил трудолюбие, промышленную культуру германского народа, как невежественный бандит, угнавший великолепный автомобиль, построенный доктором технических наук» [20].

Среди «своих» антигероев немало трусов. У А. Бека в «Панфиловцах» сержант Барамбаев прострелил себе руку, и его показательно расстреливают перед строем. Автор демонстрирует беспощадную логику войны, где не работает обычное человеколюбие: «Я убивал сына, но передо мной стояли сотни сыновей. Я обязан был кровью запечатлеть в душах: изменнику нет и не будет пощады!» – рассуждает отдавший жестокий приказ командир» [12]. У Б. Горбатова антигерой-трус – рядовой Дубяга: «жалкой души человек», «клишней коркой с товарищем не поделится». Боец Куликов убивает труса при попытке перебежать к немцам [21].

Образный ряд предателей значителен и разнообразен. У В. Гроссмана встречаем поклонника «поэмы кулацкой жизни» старика Котенко. Ему

запало в душу образцовое хозяйство эстонского мужика, увиденное в гостях у дяди-батрака. Встречая хлебом-солью оккупантов, Котенко надеется получить в свои руки чужую хату, колхозный сад, пасеку и конюшню. Но когда хозяйку хаты, мать партизана, убивают, сад разоряют, а конюшню сжигают, предателю открывается «страшная пропасть, в которую упала его душа»: Котенко повесился [20]. Староста Гаплик из «Радуги» В. Василевской сидел в тюрьме ещё до войны: «Кулак, бандит, петлюровец. С самого начала был против советской власти». Пошёл на службу к немцам и был казнён односельчанами. Любовницей немецкого офицера становится Пуся: «за шёлковые чулки и французское вино предала родину, близких, собственного мужа» – командира Красной Армии. Проклята родной сестрой, застрелена ворвавшимися в село красноармейцами [23]. Целую гамму предателей выводит А. Фадеев: затаившийся кулак Фомин (полицай), начальник отдела треста «Краснодонуголь» Стеценко (бургомистр), адвокат Кулешов (следователь) и, наконец, отдельные члены молодежной организации, выведенные в собирательном образе Евгения Стаховича [22]. Не будет преувеличением сказать, что и «Молодую гвардию», и многие другие произведения о Великой Отечественной войне следует рассматривать не только как эпопею подвигов, но и как историю предательства.

В повести Б. Горбатова «Непокорённые» («Семья Тараса») к категориям борцов и предателей добавляются типаж колеблющихся. В оккупированном Донбассе глава большой семьи Тарас Яценко сначала хочет оградиться от новой действительности рамками дома и родных, затем включается в активное противодействие фашистам, занимается саботажем на заводе. Подпольщиками становятся старший сын Степан и дочь Настя. Младший сын Тараса, Андрей, возвращается из плена и хочет отсидеться дома. Тарас называет его изменником («Мы тебя таким не ждали!») и указывает настоящее место – в воюющей армии. В итоге и Андрей, и вся семья выбирают правильный путь [24]. В издании АН СССР отмечается, что «Непокорённые» – произведение «романтико-патетического стиля» об украинской семье с сюжетом, берущим начало в повести Н. Гоголя «Тарас Бульба» [2].

Но есть и ещё одна, не единично представленная категория, которую можно обозначить как «проблемные персонажи»: вроде бы человек ведёт себя неправильно, но возмездие его не постигло. Среди таких – лейтенант Калужский в «Сталинграде» В. Некрасова: он говорит о том, что «дело приближается к концу», имея в виду разгром советской армии; при угрозе окружения появляется без лейтенантских кубиков и ремня со звездой, а затем приспособливается на хозяйственной должности. Отношение автора (лейтенант Керженцев) к Калужскому выражается прямо: «В морду тебе дать... На кой ляд такое дерьмо, как ты, нужно родине?» [18].

Смыслы

Основной смысл Великой Отечественной войны, равно как произведений о ней в 1941–1945 гг., можно выразить термином «обучение ненависти». Кратковременный идеологизированный миф о том, что немецкий народ не виноват в агрессии, что всё затеял Гитлер с пособниками-нацистами, быстро рассеивается. Эта эволюция прослеживается в рассказе М. Шолохова «Наука ненависти», напечатанном в «Правде» ровно через год после начала войны. Лейтенант Герасимов рассказывает о захвате 27 июня 1941 г. группы немецких пленных: «Привели их, испуганных, бледных; бойцы мои к этому времени остыли от боя... По спинам их похлопывают, “камрадами” называют: за что, мол, воюете, камрады?» Но потом появляются иные картины: изнасилованная, изрубленная тесаком девочка; «окровавленные туловища замученных красноармейцев, без рук, без ног, со снятой до половины кожей»; танк, давящий колонну пленных красноармейцев; расстрел евреев. «Мы озверели, – говорит лейтенант, – мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то осатаневшими от крови собачьими выродками». И рождается формула: «Любовь к Родине хранится у нас в сердцах», а «ненависть всегда мы носим на кончиках штыков» [25].

Вместе с рассказом манифестируется одноимённая идеологическая стратегия, поддержанная другими ведущими писателями. И. Эренбург в статье «Убей!» приводит выдержки из писем тыловых немцев – «рабовладельцев», превращающих русских людей в рабов. И заключает: «Мы поняли: немцы – не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятие. Отныне слово “немец” разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать» [26]. Хотя в нашей статье не обсуждается поэзия ВОВ, важно упомянуть здесь программное стихотворение К. Симонова «Убей немца!» с лозунгом «Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей!» [27]. «Враг идет убить и тебя, и меня, – говорит бойцам комбат Баурджан Момыш-Улы у А. Бека. – Я учу тебя, я требую: убей его, сумей убить!» [12]. «Убивать их надо», – повторяет боец Куликов у Б. Горбатова – «всех убивать!» [21].

Рядом с наукой ненависти рождается наука воевать. Первый рассказ в «Панфиловцах» А. Бека называется «Страх». Это начальный шаг в боевой науке. В декабре 1941-го, когда немцев отбросили от Москвы, «за ними побежал и генерал Страх» [12]. «Воевать не умеем», – рассуждает заводской инженер Георгий Акимович в «Сталинграде» В. Некрасова. Но в то же время уверен, что «будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют» [18]. «Бьют нас? Значит, поделом бьют, – признаёт красноармеец Лопехин в рассказах М. Шолохова «Они сражались за Родину». – Воюйте лучше, сукины сыны! Цепляйтесь за каждую кочку на своей земле, учитесь врага бить так, чтобы заикался он смертной

икотой» [13]. Из тяжёлых практических уроков получается прок. Вслед за наукой воевать идёт наука побеждать. И вот уже в рассказах Б. Горбатова боец «Куликов становится воином» (снайперская охота на фашистов), «Куликов дерётся на перевале» [21]. У К. Симонова даже легкораненые бойцы остаются на поле боя: «Потому что трудно и потому что азарт. И ожесточение» [17]. В «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого безногий лётчик Мересьев сбивает фашистские самолёты [16].

В самые тяжёлые периоды войны воспитывается вера в будущую победу. «Придём к тебе с разором, собачий сын, придём! – рассуждает боец отступающего полка Звягинцев. – Любишь в гости ходить – люби и гостей принимать!» [13].

Во «Взятии Великошумска» Л. Леонова, наряду с пафосом сражений и боевой героикой, звучат глубокие философские смыслы: «Народы надо изучать не на фестивалях пляски, а в часы военных испытаний, когда история вглядывается в лицо нации, вымеряя её пригодность для своих высоких целей». В этой же повести, в воображаемой беседе с генералом Литовченко, учитель Кульков озвучивает, вероятно, вечный вопрос, связанный с любой войной: «Чем возместит история неоплатную человеческую муку, причиненную войной? Чем вознаградит она труд современников, одетых в изорванные смертью шинели? Что там, за издержками века?» [14].

По иронии судьбы, очень многие события, о которых идёт речь в произведениях писателей Великой Отечественной войны, происходят на Украине, оккупированной и освобождённой, с множеством украинских фамилий среди героев и единичных – среди предателей. Украина – родная и любимая земля. В повести «Дни и ночи» К. Симонова комдив генерал Проценко говорит: «Ещё увижу я свою рідну Україну, еще постою на Владимирской горке у Києве. Розумієшь?» [17]. Но через 80 лет все соотношения поменялись: в жизни и в творчестве современных писателей мы увидим другую Украину с другими людьми.

Выводы

«Сталинское» время 1941–1945 гг. диктовало однозначно позитивный писательский императив по отношению к своей стране и её героям, требуя жёсткого противоположного отношения к врагам и отступникам. Впереди ждали победа и расширение социалистического влияния на другие государства. На принципиальном уровне страна давно определилась со своим курсом, в правильности которого большинство граждан СССР не сомневалось. Нельзя сбрасывать со счетов и работу цензурного аппарата Главлита. Отсюда произведения периода ВОВ тяготели к чёрно-белым оттенкам, творческая и политическая активность писателей сдерживалась. Они напрямую встраивались в работу пропагандистского аппарата, на индивидуальных и групповых встречах руководителей гос-

ударства с писателями для них прямо формулировался государственный заказ.

Большинство авторов новой России родились в период массового охаивания «сталинского», «хрущёвского» и «брежневского» периодов жизни страны, а профессионально развивались в рамках провозглашённого следования «общечеловеческим ценностям», в ряду которых значилась свобода литературного творчества. Но с 2014 г. начал формироваться запрос на очередное обновление общероссийской самоидентификации. После февраля 2022 г. этот запрос стал чрезвычайно острым. Далеко не вся творческая элита, включая известных писателей, выразила намерение его выполнять. Более того: в условиях отсутствия цензуры, они ему прямо противодействовали. Правовые ограничения, связанные с введением статуса иностранного агента и ответственностью за дискредитацию Вооружённых Сил и органов власти, ослабили, но не устранили такую возможность.

Перед писателями, взявшими на себя труд освещать СВО, встал уже не административный, а социальный заказ с необходимостью чёткого определения собственной позиции и достаточной степени свободы в её трансляции в своих произведениях. Новые литературные летописцы формировались сами и создавали ментальную платформу для читателей – граждан России. При этом результат того и другого нельзя было предсказать заранее. К 2026 г. он появился. Исследование того, каков этот результат, насколько сопоставима литература 1941–1945 и 2022–2026 гг., что нового появилось в произведениях об идущей сегодня войне по сравнению с войной предыдущей, будет представлено в следующей статье.

Литература

1. Краткая литературная энциклопедия / глав. ред. А. А. Сурков. – М. : Советская энциклопедия, 1962. – 1088 стб. – Т. 7. – Стб. 111.
2. История русской советской литературы 1941–1957 гг. Литература периода Великой Отечественной войны // История русской литературы : в 3 т. ; глав. ред. Д. Д. Благой. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 3. – С. 5–53.
3. Пинегина, Л. А. Художественная культура как фактор Великой Победы, 1941–1945 / Л. А. Пинегина. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – 259 с.
4. Война и общество. 1941–1945 : в 2 кн. ; отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2004.
5. Никитина, Е. Э. Национальный менталитет и литература о Великой Отечественной войне / Е. Э. Никитина // Mass media: Действительность. Литература. Вып. 2. – Тверь, 2001. – С. 24–28.
6. Храмова, Е. Л. Литература периода Великой Отечественной войны в современной историографии / Е. Л. Храмова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2011. – № 2 (14). – С. 16–26.

7. Маркова, Т. Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / Т. Н. Маркова // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 152–160.
8. Письмо Министерства образования и науки РФ от 16 января 2013 г. «О перечне “100 книг” по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70200292/?ysclid=mnzro5nqmg884921064>.
9. Башарова, Ю. Лучшие книги о войне – 15 классиков Великой отечественной / Ю. Башарова // Сайт «Год литературы». 4.05.2024. – URL: <https://godliteratury.ru/articles/2024/05/04/luchshie-knigi-o-vojne-15-klassikov-velikoj-otechestvennoj?ysclid=mn5ut2www126416470>.
10. Чумиков, А. Н. Памятная реальность и механизмы её формирования в «генеральской», «лейтенантской» и «солдатской» прозе авторов – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Г. К. Жуков «Воспоминания и размышления», В. П. Некрасов «В окопах Сталинграда», В. П. Астафьев «Прокляты и убиты») / А. Н. Чумиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 99–111.
11. Чумиков, А. Н. Историческая достоверность и авторские интерпретации в произведениях о Великой Отечественной войне / А. Н. Чумиков // Наука. Общество. Оборона. – 2025. – Т. 13, № 2 (43). – С. 9–9.
12. Бек, А. Панфиловцы на первом рубеже : повесть / А. Бек. – М. ; Л. : Детгиз, 1944. – 104 с.
13. Шолохов, М. А. Они сражались за Родину / М. А. Шолохов // Правда. – 1943. – 5–8 мая; 4, 14, 15, 17 ноября.
14. Леонов, Л. Взятие Великошумска : повесть / Л. Леонов // Новый мир. – 1944. – № 6–7. – С. 2–56.
15. Соболев, Л. С. Морская душа : избранные рассказы / Л. С. Соболев. – М. ; Л. : Детгиз, 1945. – 88 с.
16. Полевой, Б. Н. Повесть о настоящем человеке. Часть первая / Б. Н. Полевой // Октябрь. – 1946. – № 7–8. – С. 7–49.
17. Симонов, К. М. Дни и ночи / К. М. Симонов. – М. : Военное издательство, 1944. – 257 с.
18. Некрасов, В. Сталинград: повесть / В. Некрасов // Знамя. – 1946. – № 8–9. – С. 3–82; № 10. – С. 38–146.
19. Воробьев, К. Д. Это мы, Господи! / К. Д. Воробьев. – СПб. ; М. : Речь, 2019. – 445 с.
20. Гроссман, В. Народ бессмертен : повесть / В. Гроссман. – М. : Правда, 1945. – 175 с.
21. Горбатов, Б. Алесей Куликов, боец... Рассказ о солдатской душе / Б. Горбатов. – М. : Правда, 1943. – 63 с.
22. Фадеев, А. А. Молодая гвардия / А. А. Фадеев. – М. : Детгиз, 1946. – 606 с.
23. Василевская, В. Л. Радуга : повесть / В. Л. Василевская ; пер. с польского. – М. : Ростиздат, 1945. – 171 с.
24. Горбатов, Б. Непокорённые (Семья Тараса) : повесть / Б. Горбатов. – М. : Правда, 1945. – 160 с.
25. Шолохов, М. Наука ненависти / М. Шолохов. – М. : Правда, 1942. – 23 с.
26. Эренбург, И. Убей! / И. Эренбург // Красная звезда. – 1942. – 24 июля. – № 173.
27. Симонов, К. Убей его! / К. Симонов // Красная звезда. – 1942. – 18 июля. – № 167.

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (Москва), e-mail: chumikov@prclub.com. ORCID 0000-0002-7208-9783

Поступила в редакцию 21 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260413

MILITARY FICTION DURING THE WAR (1941–1945 & 2022–2026): AUTHORS, IMAGES, MEANINGS

Article I. 1941–1945

A. N. Chumikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

The problems of literature on war have always interested researchers. In the case of the USSR and Russia, this interest was primarily focused on the Great Patriotic War (WWII), the victory in which became the most important state symbol. At the same time, approaches to the coverage of this war in fiction, as well as the evaluation of works, changed dynamically

depending on the political situation of a certain period. A special feature of the article is the selection for the analysis of the most significant samples of fiction created by Soviet writers directly in the period 1941–1945, and a look at it both from the standpoint of Soviet times and today.

In the second article, this block is compared with similar literature on the special military operation (SMO), where the focus is on the books of literary award winners and other publications that have attracted the most attention from readers and critics. This is the first study of its kind.

The comparative analysis is carried out using the parameters selected by the author, which include the role and professional status, the features of the literary and artistic forms of the authors' works, the portrayal of the country, the battle space, the heroes and antiheroes, and the semantic (interpretative) constructions surrounding the described events.

Keywords: The Great Patriotic War (WWII), fiction, authors, images, meanings.

References

1. Kratkaya literaturnaya enciklopediya [A Short Literary Encyclopedia] / glav. red. A.A. Surkov. Moscow: Soviet encyclopedia, 1962. 1088 stb. T. 7. Stb. 111.
2. Istoriya russkoi sovetskoi literatury 1941–1957 gg. Literatura perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [The History of Russian Soviet Literature 1941–1957. Literature of the Great Patriotic War Period] // *Istoriya russkoi literatury*: v 3 t.; glav. red. D. D. Blagoi. Moscow; Leningrad: AS USSR. T. 3. P. 5–53.
3. Pinegina L.A. Hudozhestvennaya kul'tura kak faktor Velikoi Pobedy, 1941–1945 [Art Culture as a Factor of the Great Victory]. Moscow: Dialog-MSU, 1997. 259 p.
4. Voina i obshchestvo [War and Society. 1941–1945]. 1941–1945: v 2 kn. otv. red. G.N. Sevost'yanov. Moscow: Science, 2004.
5. Nikitina E.E. Nacional'nyi mentalitet i literatura o Velikoi Otechestvennoi voine [National Mentality and Literature about the Great Patriotic War] // *Mass media: Deistvitel'nost'. Literatura*. Vyp. 2. Tver', 2001. P. 24–28.
6. Hramkova E.L. Literatura perioda Velikoi Otechestvennoi voiny v sovremennoi istoriografii [Literature of the Great Patriotic War Period in Modern Historiography] // *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*. 2011. № 2 (14). P. 16–26.
7. Markova T.N. Hudozhestvennye rekonstrukcii Velikoi Otechestvennoi voiny v sovremennoi massovoi literature [Artistic Reconstructions of the Great Patriotic War in Modern Mass Literature] // *Nauchnyi dialog*. 2019. № 12. P. 152–160.
8. Pis'mo Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 16 yanvarya 2013 g. "O perechne "100 knig" po istorii, kul'ture i literature narodov Rossiiskoi Federacii" [About the List of "100 books" on the History, Culture and Literature of the Peoples of the Russian Federation]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70200292/?ysclid=mnzro5nqmg884921064>.
9. Basharova Yu. Luchshie knigi o voine – 15 klassikov Velikoi Otechestvennoi voiny [The Best Books about the War – 15 Classics of the Great Patriotic War] // *Sait "God literature"*. 4.05.2024. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2024/05/04/luchshie-knigi-o-vojne-15-klassikov-velikoj-otechestvennoj?ysclid=mn5ut2www126416470>.
10. Chumikov A. N. Pamyatnaya real'nost' i mehanizmy eyo formirovaniya v "general'skoi", "leitenantskoi" i "soldatskoi" proze avtorov – uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Memorable Reality and the Mechanisms of its Formation in the "General", "Lieutenant" and "Soldier" Prose of Authors who Participated in the Great Patriotic War of 1941–1945] (G.K. Zhukov "Vospominaniya i razmyshleniya", V.P. Nekrasov "V okopakh Stalingrada", V.P. Astaf'ev "Proklyaty i ubity") // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*. 2025. T. 25, № 1. P. 99–111.
11. Chumikov A.N. Istoricheskaya dostovernost' i avtorskie interpretacii v proizvedeniyakh o Velikoi Otechestvennoi voine [Historical Authenticity and Author's Interpretations in Works about the Great Patriotic War] // *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2025. T. 13, № 2 (43). P. 9–9.
12. Bek A. Panfilovcy na pervom rubezhe [Panfilovites on the First Frontier]: povest'. Moscow; Leningrad: Detgiz, 1944. 104 p.
13. Sholohov M. A. Oni srazhalis' za Rodinu [They Fought for their Homeland] // *Pravda*. 1943. 5–8 maya; 4, 14, 15, 17 noyabrya.
14. Leonov L. Vzyatie Velikoshumska [Capture of Velikoshumsk]: povest' // *Novyi mir*. 1944. № 6–7. P. 2–56.
15. Sobolev L.S. Morskaya dusha [Sea soul]: izbrannye rasskazy. Moscow; Leningrad: Detgiz, 1945. 88 p.
16. Polevoi B.N. Povest' o nastoyashhem cheloveke [The Story of a Real Man]. Chast' pervaya // *Oktyabr'*. 1946. № 7–8. P. 7–49.

17. Simonov K.M. Dni i nochi [Days and Nights]. Moscow: Military Publishing House, 1944. 257 p.
18. Nekrasov V. Stalingrad [Stalingrad]: povest' // *Znamya*. 1946. № 8–9. P. 3–82; № 10. P. 38–146.
19. Vorob'ev K.D. Eto my, Gospodi! [It's us, Lord!]. Saint Petersburg; Moscow: Speech', 2019. 445 p.
20. Grossman V. Narod bessmertn [The People are Immortal]: povest'. Moscow: Truth, 1945. 175 p.
21. Gorbатов B. Alesei Kulikov, boecz... [Alesey Kulikov, Fighter]: rasskaz o soldatskoi dushe. Moscow: Truth, 1943. 63 p.
22. Fadeev A.A. Molodaya gvardiya [The Young Guard]. Moscow: Detgiz, 1946. 606 p.
23. Vasilevskaya V.L. Raduga [The Rainbow]: povest'; per. s pol'skogo. Moscow: Rostizdat, 1945. 171 p.
24. Gorbатов B. Nepokoryonnye (Sem'ya Tarasa) [The Unconquered (Taras's Family)]: povest'. Moscow: Truth, 1945. 160 p.
25. Sholohov M. Nauka nenavisti [The Science of Hate]. Moscow: Truth, 1942. 23 p.
26. Erenburg I. Ubei! [Kill] // *Krasnaya zvezda*. 1942. 24 iyulya. № 173.
27. Simonov K. Ubei ego! [Kill him] // *Krasnaya zvezda*. 1942. 18 iyulya. № 167

Alexander N. Chumikov – D. Sc. (Politics), Professor, Professor of the Department of Communication Technologies at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow), e-mail: chumikov@pr-club.com

Received May 21, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Чумиков, А. Н. Военная художественная проза во время войны (1941–1945 и 2022–2026 гг.): авторы, образы, смыслы. Статья первая. 1941–1945 гг. / А. Н. Чумиков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 107–115. DOI: 10.14529/ssh260413

FOR CITATION

Chumikov A. N. Military fiction during the war (1941–1945 & 2022–2026): authors, images, meanings. Article I. 1941–1945. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 107–115. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260413

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

Адрес редакции, 454080, г. Челябинск, ул. С. Кривой, 79, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 2.

Адрес издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200–250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее – 30, нижнее – 30, левое – 30, правое – 30 мм. Шрифт – Times New Roman, кегль – 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkina@susul.ru, главный редактор – профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь – доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2026 Том 26, № 4

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 23.10.2026. Дата выхода в свет 30.10.2026. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 500 экз. Заказ 234/275. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.